

ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ
ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО
ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ
«ПЯТИГОРСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ
УНИВЕРСИТЕТ»

На правах рукописи

АТАДЖАНЫН СЮЗАННА АБРИКОВНА

ПЕРВОИСТОЧНИКИ ЦВЕТОНАИМЕНОВАНИЙ.
ФОНОСЕМАНТИКА И ЭТИМОЛОГИЯ
(на материале русского и испанского языков)

Специальность 10.02.20 – Сравнительно-историческое,
типологическое и сопоставительное языкознание

Диссертация
на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

Научный руководитель:
доктор филологических наук,
профессор А.Б. Михалёв

Пятигорск – 2014

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ.....	4
ГЛАВА 1. ИСТОРИЯ ИЗУЧЕНИЯ ЗВУКОИЗОБРАЗИТЕЛЬНОСТИ.....	13
1.1. Исследования звукоизобразительности до XX в.	13
1.2. Исследования звукоизобразительности в XX в.	17
1.3. Исследования звукоизобразительности в XXI в.	21
1.4. Причины звукового символизма.....	27
1.4.1. Первичный звукосимволизм.....	27
1.4.2. Вторичный звукосимволизм.....	35
ВЫВОДЫ ПО ГЛАВЕ 1.....	38
ГЛАВА 2. ИСТОРИЯ ИЗУЧЕНИЯ ЦВЕТОНАИМЕНОВАНИЙ.....	40
2.1. Общие предпосылки.....	40
2.2. Исследования цветоименований в XIX – начале XX вв.	41
2.3. Исследования цветоименований в XX-XXI вв.	45
2.3.1. Проблема понятия «основное цветоименование».....	45
2.3.2. Эволюция системы цветоименований.....	57
2.3.2.1. Теория эволюционной последовательности (1969 г.).....	57
2.3.2.2. Развитие теории эволюционной последовательности.....	60
2.3.3. Установление прототипов и развитие категорий.....	65
2.3.4. Исторический аспект изучения цветоименований.....	73
ВЫВОДЫ ПО ГЛАВЕ 2.....	75
ГЛАВА 3. ФОНОСЕМАНТИЧЕСКОЕ И ЭТИМОЛОГИЧЕСКОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ ОСНОВНЫХ ЦВЕТОИМЕНОВАНИЙ РУССКОГО И ИСПАНСКОГО ЯЗЫКОВ.....	78
3.1. Методологический алгоритм исследования.....	78
3.2. Наименования белого цвета.....	84
3.2.1. <i>Белый</i>	84
3.2.2. <i>Blanco</i>	93
3.3. Наименования чёрного цвета.....	98

3.3.1. Чёрный.....	98
3.3.2. Negro.....	98
3.4. Наименования красного цвета.....	103
3.4.1. Красный vs. Чёрный.....	103
3.4.2. Rojo.....	117
3.5. Наименования жёлтого и зелёного цветов.....	122
3.5.1. Жёлтый и Зелёный.....	122
3.5.2. Amarillo.....	125
3.5.3. Verde.....	130
3.6. Наименования синего цвета.....	134
3.6.1. Синий.....	134
3.6.2. Голубой.....	138
3.6.3. Azul.....	143
3.7. Наименования серого цвета.....	147
3.7.1. Серый.....	147
3.7.2. Gris.....	150
ВЫВОДЫ ПО ГЛАВЕ 3.....	157
ЗАКЛЮЧЕНИЕ.....	159
БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК.....	161
СПИСОК СЛОВАРЕЙ.....	200
ПРИЛОЖЕНИЕ.....	203

ВВЕДЕНИЕ

Исследование природы цвета издавна вызывает интерес как со стороны физики, химии, биологии, физиологии, так и со стороны психологии, этнографии, культурологии, искусствоведения, истории и, конечно, лингвистики. Цветонаименования (далее – ЦН) отличаются древним происхождением, активным функционированием в языке, большим семантическим и стилистическим потенциалом и способностью отражать воздействие исторических, социальных, культурологических и природно-географических факторов на особенности формирования языковой картины мира.

В лингвистике изучение ЦН в разных языках имеет давнюю традицию и представлено сотнями публикаций и различными подходами, способствовавшими не только созданию специализированного понятийного аппарата, но и формулированию актуальных проблем и перспективных задач в теоретических и практических исследованиях имён цвета.

При рассмотрении проблематики ЦН трудно остаться в рамках собственно лингвистики, так как большинство трудов в этой области написаны в русле других наук, обнаруживающих тесные связи с языкознанием, и являются собой результат объединения итогов междисциплинарных исследований – социо-, этно- и психолингвистики, истории, культурологии, феноменологии и др. Специфика нашего исследования делает для нас значимыми, в первую очередь, достижения исторического, когнитивного и сопоставительного подходов к изучению ЦН [Бахилина, 1975; Василевич, 1987; 2011; Вежбицкая, 1996; Wierzbicka, 1990; 2006; 2007; 2008; Кульпина, 2001; Норманская, 2005; Рахилина, 2010; Berlin, Kay, 1969; Berlin et al., 1985; Kay, 1975; 2005; Kay, McDaniel, 1978; Kay, Regier, 2003; 2006; Kay et al., 2009; Biggam, 2012 и мн. др.].

Полемика о соотношении звука и значения уходит корнями в глубокую древность, и на сегодняшний день накоплено огромное количество теоретических и экспериментальных данных. Результаты исследований звукоизобра-

зительности на материале всё большего количества языков сделали возможным появление фоносемантики как научной дисциплины, привели к неизбежному выводу о значительной доле первично мотивированных слов, а универсальность этого явления уже не подвергается сомнению.

Нельзя не отметить значение фоносемантических данных для этимологических исследований. Трудности, с которыми нередко сталкиваются этимологи при установлении происхождения отдельных слов, объясняются давлением традиционных методов анализа, оперирующего разрозненными языковыми фактами и, как следствие, дающего «поверхностный» результат. Теория фоносемантического поля (далее – ФСП) предлагает отработанный алгоритм установления родства слов, так или иначе восходящих к звукоизобразительным протокорням [Михалёв, 1995; 2011; 2012; 2013]. При условии изучения закономерностей семантических переходов и вариативных возможностей морфемотипов этимолог оказывается гораздо ближе к разгадке многих задач, не разрешимых прежними методами.

Исходя из вышесказанного, подчеркнём всё возрастающий интерес к изучению цвета и физиологии его объективного и субъективного восприятия, с одной стороны, и к проблемам статуса единиц субморфемного уровня, мотивированности языкового знака и происхождения языка вообще, с другой стороны. Это свидетельствует об **актуальности** нашего исследования. Настоящая работа продолжает исследовательские традиции фоносемантики, этимологии, лингвистики цвета и анализирует звукоизобразительные источники ЦН в русском и испанском языках. Предпринятое нами исследование вписывается в круг вопросов, обсуждаемых в когнитивной лингвистике на современном этапе, и является попыткой внести свои предложения в существующую полемику.

В русской лингвистической традиции к «основным» ЦН обычно относят *чёрный, белый, красный, синий, голубой, оранжевый, жёлтый, зелёный, фиолетовый, розовый, коричневый* и *серый*. Рамками нашего исследования ограничено изучение производных ЦН, следовательно, *оранжевый, фиолето-*

вый, розовый и коричневый исключены из анализа. Кроме того, последние два цвета не являются спектральными и не входят в число основных цветов по своим физическим параметрам. Исходя из сопоставительного характера предпринятого изучения ЦН, выбор цветов в обоих языках должен быть идентичен. Итак, **объектом исследования** являются слова, обозначающие белый, чёрный, красный, жёлтый, зелёный, синий и серый цвета в русском и испанском языках: *белый* и *blanco*, *чёрный* и *negro*, *красный* и *rojo*, *жёлтый* и *amarillo*, *зелёный* и *verde*, *синий*, *голубой* и *azul*, *серый* и *gris*.

Предметом исследования избрано происхождение цветообозначений (далее – ЦО), их предположительно звукоизобразительные источники в указанных языках.

В отличие от ЦО, производных от первичных лексем (*оранжевый* от *orange*, *розовый* от *роза* и др.), этимология базовых колоронимов остаётся затемнённой. Согласно принятой **гипотезе**, нам представляется возможным определить мотивирующие признаки в номинации ЦО с помощью метода фоносемантического конструирования: составления ФСП на основе начальных согласных ЦО.

Теоретическими основаниями нашей гипотезы послужили положение С.В. Воронина о примарной генетической звукоизобразительной мотивированности языка [Воронин, 1982], теория фоносемантического поля и новейшие исследования А.Б. Михалёва, анализирующие семантическую производность и.-е. корней и последовательно демонстрирующие развитие лексических систем современных языков из ограниченного числа прототипических значений [Михалёв, 1995; 2011; 2012; 2013]. В диссертации системно отстаиваются принципы фонетического семиогенеза и полевого структурирования значений вокруг фоносемантического ядра. Методологическая основа исследования подкреплена работой Ж. Колевой-Златевой [2008], обосновывающей необходимость и целесообразность этимолого-фоносемантического подхода к изучению лексики.

Целью исследования является обнаружение изо- и алломорфных тен-

денций возникновения ЦО посредством определения фоносемантических закономерностей номинации, выявления основ первичной и вторичной мотивированности ЦО в русском и испанском языках.

Поставленная цель обуславливает выполнение следующих **задач**:

1. Определение основных терминов цвета в русском и испанском языках.
2. Выборка БЛ-, ЧР-, КР-, ЖЛ-, ЗЛ-, ГЛ-, СМ-, СН-, СР-лексем русского и ВЛ-, N-, RJ-, RC-, RQ-, RG-, RZ-, RS-, АМ-, VR-, AZ-, LS-, LZ-, GR- лексем испанского языков.
3. Сплошной этимологический анализ всех слов, составляющих исследуемые лексические корпуса русского и испанского языков.
4. Составление ФСП на основании общности начальных согласных с каждым ЦН для каждого языка.
5. Определение ядерных гиперсем и обоснование их звукоизобразительного характера через артикуляционно-символические свойства начальных согласных.
6. Определение периферийных значений, предположительно развившихся из ядерных.
7. Выявление и обоснование семантической организации внутри полученных систем (как на уровне отдельных значений, так и на уровне микро- и макрополей).
8. Установление корреляций с праязыком – составление ФСП соответствующих фрагментов корневой системы и.-е. языка и их сравнительный анализ с ФСП языков-потомков.
9. Определение первоисточников номинации цветов в русском и испанском языках.
10. Сопоставление фоносемантических пространств и установленных первоисточников ЦО в двух языках.
11. Выявление общих фоносемантических тенденций, характерных для всех ЦН в русском и испанском языках.

12. Выявление индивидуальных особенностей фоносемантики ЦО в русском и испанском языках.

Для решения поставленных задач в исследовании используются следующие **методы**:

- 1) метод лексико-семантического конструирования (компонентный анализ, семантическое интегрирование);
- 2) сравнительно-сопоставительный анализ;
- 3) историко-этимологический анализ;
- 4) фоносемантический анализ (установление корреляций между семантикой и акустико-артикуляционными свойствами фонем);
- 5) фонемотипное и морфемотипное моделирование (типологическое обобщение на основе тождественности дифференциальных признаков).

Научная новизна работы определяется как самим предметом исследования и подходами к решению поставленных задач, так и полученными результатами. Несмотря на уже большое количество работ, посвящённых проблематике цвета в том или ином аспекте, до сих пор не существует исследований, описывающих этимологию ЦН с точки зрения их звукоизобразительности. Тем более отсутствует описание систем ЦН с этой точки зрения в разных языках. Осуществлением сопоставительного исследования звукоизобразительных источников, лежащих в основе номинации цветов в русском и испанском языках, мы стремимся восполнить имеющийся пробел. Впервые с привлечением фоносемантического и этимологического анализа изучены и обоснованы номинационные первоисточники ЦО на материале языков, относящихся к разным группам индоевропейской семьи (славянской и романской), что позволяет нам сделать выводы о предположительно универсальных звукоизобразительных тенденциях в номинации этой группы слов, а также об индивидуальных путях возникновения и развития терминов цвета в сравниваемых языках.

Материалом исследования послужила выборка базовых (непроизводных) БЛ-, ЧР-, КР-, ЖЛ-, ЗЛ-, ГЛ-, СМ-, СН-, СР-лексем русского и ВЛ-, N-,

RJ-, RC-, RQ-, RG-, RZ-, RS-, AM-, VR-, AZ-, LS-, LZ-, GR- лексем испанского языков из наиболее представительных словарей: Словарь русского языка / С.И. Ожегов. – М., 1988; *Diccionario de uso del español actual*. – Madrid, 2006. Также в качестве эмпирической базы исследования были использованы данные этимологических словарей: Русский этимологический словарь: Вып. 1-4 / А.Е. Аникин. – М, 2007-2011; Этимологический словарь русского языка: в 2 т. / А.Г. Преображенский. – М., 1959; Этимологический словарь русского языка: в 4 т. / М. Фасмер. – СПб, 1996; Историко-этимологический словарь современного русского языка: в 2 т. / П.Я. Черных. – М., 2001; Этимологический словарь германских языков: в 4 т. / В.В. Левицкий. – Черновцы, 2000-2001; *Indogermanisches Etymologisches Wörterbuch*. Bd. 1-3 / J. Pokorny. – Bern, 1959; *Breve diccionario etimológico de la lengua castellana* / J. Corominas. – Madrid, 2011.

Общий объём рассмотренных корневых слов, вошедших во все лексические корпуса, составил около 1000 единиц для каждого языка.

На защиту выносятся следующие положения:

1. Лексико-семантическая система языка является звукоизобразительной в своих истоках. Звукоизобразительное ядро языка образовано ограниченным числом семантических первоэлементов, из которых путём метафорических и метонимических переносов развиваются периферийные значения.

2. Лексемы, сформированные на основе первоначальных звукоизобразительных (звукоподражательных и звукосимволических) значений, со временем подвергаются естественным процессам демотивации и денатурализации, вследствие чего язык начинает восприниматься как произвольная система.

3. Цветонаименования, также являясь примарно мотивированными, развиваются из звукоизобразительных первоэлементов как ономатопеического, так и звукосимволического характера.

4. В фоносемантических источниках цветонаименований русского и испанского языков наблюдаются как типологически ориентированные тенден-

ции, так и специфические.

5. При сопоставлении первоисточников цветоименований русского языка с их аналогами в испанском языке выявляются идентичное семантическое развитие наименований белого цвета, предположительно схожие первоисточники терминов синего и серого цветов и различия в номинационных основаниях чёрного, красного, жёлтого, зелёного и синего цветов.

6. В рамках русского языка к числу универсальных тенденций относятся пути семантического развития цветовых значений из взаимообусловленных звукоизобразительных синкретичных сем «Резать/Бить/Связывать/Гнуть» (*чёрный, красный, синий, серый*) и «Звук/Блеск/Цвет» (*белый, жёлтый, зелёный, голубой, серый*).

7. Первоисточники наименований цвета в испанском языке имеют более разносторонний характер. Изоморфным можно считать развитие имён белого, серого и, возможно, синего цветов из соответствующих и.-е. корней со значением «блестеть, сверкать» (*blanco* «белый» от **bhel⁻¹*, *gris* «серый» от **gher⁻³*, *azul* «синий» от **leuk-*). Номинационные основания других ЦО отличаются и между собой, и от русских аналогов (*negro* «чёрный» от звукоизобразительного и.-е. корня **nē-* «отрицание», *rojo* «красный» от ономатопеического и.-е. **reu⁻¹* «рычать», *amarillo* «жёлтый» от речевого жеста *am*, *verde* «зелёный» от и.-е. **uer⁻³* «вращать»).

Теоретическая значимость проведённого исследования обусловлена положениями, выносимыми на защиту. Кроме того, полученные результаты, вновь подтверждая положения о первичной генетической звукоизобразительности в номинации (С.В. Воронин) и о расширении лексико-семантических систем языков посредством семантических переходов (В.В. Левицкий, М.М. Маковский, А.Б. Михалёв), способствуют дальнейшему развитию фоносемантической традиции (в частности, теории фоносемантического поля А.Б. Михалёва).

Определение предположительно универсальных принципов номинации ЦН и индивидуальных различий в сложившихся лексико-семантических си-

стемах двух языков вносит вклад в теорию номинации и, в более широком спектре, в изучение проблемы происхождения и развития языка и проблемы взаимосвязи языка и сознания.

Практическая ценность работы состоит в том, что результаты исследования могут быть использованы в курсах лекций и на семинарских занятиях по дисциплинам «Введение в языкознание» и «Общее языкознание», в частности, в разделах «Язык как знаковая система», «Лексическая семантика», «Фонетика и Фонология», «Лексические системы языка», «Происхождение и развитие языка», «Лингвистические универсалии» и т.п.

Теоретический обзор фоносемантической традиции может быть использован в спецкурсах по «Этимологии», «Фоносемантике», описание лингвистических исследований ЦН – в теме «Цветобозначения» в курсах «Лексикологии» и «Истории языка». Раздел «Причины языкового символизма» рекомендуется к использованию в курсах лекций и семинаров по психолингвистике. Результаты исследования и используемая методика могут послужить ценным материалом для этимологических изысканий, описания языковых картин мира различных лингвокультур, а также получить развитие в новых работах, обращённых к другим классам слов (термины родства, эмонимы, части тела и т.д.). Возможна перспектива создания целостной фоносемантической системы ЦН при условии дополнения уже изученного фрагмента материалом других языковых семей.

Апробация работы. Основные положения работы были изложены и обсуждены на конгрессе «Мир через языки, образование, культуру: Россия – Кавказ – Мировое сообщество» (2013 г.) и на конференциях «Университетские чтения» (2011, 2012 гг.), «Молодая наука» (2011, 2012 гг.) в Пятигорском государственном лингвистическом университете и отражены в 9 публикациях.

Структура диссертации. Диссертационное исследование состоит из Введения, трёх глав, Заключения, Библиографии и Приложения.

Во *Введении* излагаются актуальность, новизна, цели, задачи и методы

исследования, теоретические положения, выносимые на защиту, теоретическая и практическая значимость работы.

Глава 1 «История изучения звукоизобразительности» представляет собой краткий обзор фоносемантической традиции от древности до XIX в. и более детальное описание новейшего периода (XX-XXI вв.) в фоносемантике.

Глава 2 «История изучения цветоименований» посвящена анализу достижений когнитивного и исторического аспектов изучения ЦН, представляющих наибольшую ценность для нашего исследования.

Глава 3 «Фоносемантическое и этимологическое исследование основных цветоименований русского и испанского языков» содержит материал по каждому основному ЦН исследуемых языков. В соответствующих параграфах представлен фоносемантический анализ корпусов лексики с каждым из анализируемых ЦН. Третья глава завершается общими сравнительными выводами относительно универсальных тенденций в номинации цветов и алломорфных черт, проявляющихся в каждом из языков.

В *Заключении* обобщены результаты исследования и представлены перспективы дальнейшего развития проблематики.

Приложение содержит блок-схемы ФСП исследуемых лексических корпусов.

ГЛАВА 1. ИСТОРИЯ ИЗУЧЕНИЯ ЗВУКОИЗОБРАЗИТЕЛЬНОСТИ

1.1. Исследования звукоизобразительности до XX в.

На протяжении многих веков учёные предпринимают попытки установить семантику речевого звука, определить его смысл и влияние на человека. Мысль о том, что звук отприродно обладает определённой значимостью, долгое время занимает не только лингвистов, но и философов, поэтов и писателей. Вопрос о внутренней связи звука и значения имеет такую же долгую историю, как и сама наука о языке, а наиболее полно данная проблематика освещена в работах М. Магнус [Magnus, 1999; 2006].

Дискуссия восходит своими корнями ещё к древнеиндийским Ведам, где имя вещи представляется отражением её сущности, и получает развитие в эпоху античности в связи с проблемой происхождения языка и соотношения означающего и означаемого. Философы, обсуждавшие этот вопрос, делятся на два лагеря. Последователи теории «фюсей» утверждают, что имена объектов основываются на подражании их природе, являются «тенью» вещей, выражая их скрытую суть. Сторонники же теории «тесей» полагают, что имена утверждены человеком произвольно, по договору, и приводят в качестве аргументов явления синонимии и омонимии: одна и та же вещь может обозначаться различными словами, и, напротив, разные предметы называются одним и тем же словом. По их мнению, если бы имя отражало качества объекта и закрепляло за ним какие-либо свойства, оно не могло бы со временем заменяться другим.

Первой научной работой, посвящённой изучению обозначенного вопроса, можно по праву считать диалог «Кратил», в котором Платон, размышляя над возникновением первых слов, отвергает их божественное происхождение и устанавливает главный принцип их образования: «имя ... есть подражание с помощью голоса тому, чему подражают, и имя тому, чему подражают, дается при помощи голоса» [Античные теории языка и стиля, 1996, с. 52].

По мнению философа, слово – это результат изображения жестами и голосом: «Вещи становятся ясными, если изображать их посредством букв и слогов» [Античные теории языка и стиля, 1996, с. 54]. Связь означающего с означаемым очевидна вследствие того, что положение и движение речевых органов воспроизводят особенности предмета: буква ρ (ро) соответствует порыву, движению и твёрдости, λ (лямбда) – гладкости, скольжению, чему-либо лоснящемуся и склеивающемуся [там же, с. 54-55].

Стоит отметить, что в процессе дальнейшего наращивания лексикона посредством различных словообразовательных механизмов, по мнению Платона, видимая связь между означающим и означаемым может уступить место произвольности [там же, с. 51, 54].

Во многом совпадает с платоновской точка зрения санскритских грамматистов, которые обосновывали значение корней в соответствии с местом и характером их артикуляции. Например, назальный звук выражает идею подъёма, а гуттуральный – поддержки [Daniélou, 1967, p. 78, цит. по: Михалёв, 1995, с. 19].

Первые споры о соответствии имени и вещи со временем развиваются в противоположные философские направления (реализм и номинализм, идеализм и материализм), что не мешает, однако, дальнейшим лингвистическим изысканиям.

Большое внимание связи между звуком и значением уделяют стоики, сосредоточившись на звуковых характеристиках означаемого и подражании им языковыми средствами. Кроме того, дальнейшее словообразование представляется стоикам как результат сходства, контраста или смежности вещи с другой, уже названной вещью [Античные теории языка и стиля, 1996, с. 77-78]. Сложно переоценить значение древнейших изысканий и попыток установления звуко-смысловых корреляций для дальнейшего развития фоносемантики как науки.

Большинство философов в Средние века и в эпоху Возрождения находятся под влиянием взглядов Аристотеля и, как следствие, придерживаются

мнения об отсутствии связи между объектом, именем и его значением. Однако к середине XVII в. традиции, заложенные в платоновском «Кратиле», начинают возрождаться – в 1653 г. Дж. Уоллис обращает внимание на начальные консонантные сочетания и, исходя из их символического потенциала, пытается интерпретировать общее значение слова [Genette, 1972, p. 49-50].

Г.В. Лейбниц также настаивает на произвольной связи между звучанием слова и обозначаемым предметом [Leibnitz, 1882, p. 262]. Стоит отметить, что немецкий учёный не просто говорит о влиянии артикуляционных характеристик звука на его символические значения – именно Г.В. Лейбниц одним из первых обращает внимание на то, что способ и место артикуляции могут быть осмыслены по разным основаниям: например, [R] может олицетворять как бурное движение и шум, так и длину, богатство и знатность. Кроме того, изучив дальнейшую эволюцию лексикона на основе первичных мотивированных имён, философ указывает на изменение древних значений и восстанавливает процесс «денатурализации» слова (постепенной потери естественной связи между означающим и означаемым) посредством многообразных семантических переносов: метафоры, метонимии, синекдохи и пр. [Лейбниц, 1983, с. 279-280].

В XVIII в. фоносемантическая традиция продолжает своё развитие в работах Ш. де Бросса [Brosses, 1765], К. де Жеблена [Gébelin, 1775] и Ш. Нодье [Nodier, 1834], подхвативших положение стоиков о том, что в основе механизма наименования лежат сходство и смежность. Особого внимания заслуживает, на наш взгляд, трактат Ш. де Бросса «О механическом образовании языков и физических принципах этимологии» [Brosses, 1765]. Предвосхищая появление ностратической теории, автор говорит об основе для всех языков – некоем «примитивном языке», характеризующемся обязательной мотивированностью. Помимо этого, Ш. де Бросс становится первым в истории звуко-символизма, кому удаётся систематизировать языковую эволюцию, выделив пять этапов, и именно при характеристике последнего этапа учёный впервые

приближается к явлению кросс-модального восприятия.

Изучая процесс денатурализации языка, Ш. де Бросс вводит понятие «деривации» – движения от подражательной сущности к произвольности, и выделяет две её разновидности. «Идеальная деривация» (эволюция значения) заключается в образовании новых слов от примитивного корня. Согласно убеждению учёного, именно благодаря метонимии корневые слова получают значения, довольно далёкие друг от друга. «Материальная деривация» (эволюция формы) основывается на хрупкости гласных и способности согласных одной и той же артикуляции к взаимозамещению. На примере лат. *fort* и нем. *Vald* Ш. де Бросс формулирует ключевой принцип: «В этимологии при сравнении слов не следует обращать никакого внимания на гласные, а на согласные только в том случае, когда они произносятся различными органами» [Genette, 1972, p. 383, цит. по: Михалёв, 1995, с. 22]. Принцип мобильности гласных и фонемотипа согласных составляет основу современных этимологических исследований и широко используется при систематизации звукоизобразительной лексики [Воронин, 1982; Михалёв, 1995].

По количеству и важности поставленных проблем и оригинальности их решения Шарль де Бросс предвосхищает многие направления, развиваемые в фоносемантике вплоть до сегодняшнего дня.

В XIX в. к проблеме соотношения звука и смысла обращается В. фон Гумбольдт. Размышляя о стадиях зарождения речи, он устанавливает три первичных способа обозначения: звукоподражательный, звуко-символический и аналогический. Первый способ, в соответствии со своим названием, заключается в непосредственном подражании и связан с самым ранним периодом развития языка. По мнению учёного, слова, созданные по этому принципу, имеют определённое сходство во всех языках. Второй способ, названный В. фон Гумбольдтом символическим, тоже основан на подражании, но уже не звуку или предмету, а «некому внутреннему свойству, присущему им обоим». Аналогический принцип обозначения, будучи основанным уже на осмысленных звуковых единствах, созданных первыми двумя способами,

является наиболее плодотворным – на основе имеющихся звукокомплексов происходит дальнейшее развитие их первоначальных значений [Гумбольдт, 1984, с. 92-94].

Глубокий психологический анализ проблемы происхождения языка и естественной мотивированности слова осуществляет выдающийся немецкий учёный, основатель экспериментальной психологии Вильгельм Вундт. Изучая процесс семиозиса в обществе, В. Вундт на основе древнейших тезисов Платона разрабатывает «жестовую теорию» происхождения языка [Вундт, 1990], отталкиваясь от жестов как наиболее наглядных знаков в человеческой коммуникации. По мнению учёного, именно в жестах, а точнее, в их эволюции от ручных к языковым, заключается первичная мотивированность слов. Концепция В. Вундта поддержана современными отечественными фоносемантистами и развита в их работах [Воронин, 1982; Михалёв, 1995].

1.2. Исследования звукоизобразительности в XX в.

Выход в свет «Курса общей лингвистики» Ф. де Соссюра, уточнившего отделение фонетики от лингвистики и субстанции от формы, приводит к тому, что экспрессивность звуков начинает восприниматься как чуждый лингвистике факт, не входящий в основу языковой системы. Кроме того, постулат о произвольности языкового знака становится одним из устоев лингвистической доктрины, а исследование связи звучания и значения становится сомнительным и малоинтересным [Соссюр, 1977, с. 102].

Примечательно при этом, что Ф. де Соссюр не отрицает факт эволюции, приводящей к денатурализации знака: «... звукоподражания утратили нечто из своего первоначального характера и приобрели свойство языкового знака вообще, который ... немотивирован» [там же]. Нам остаётся лишь внести небольшую, но существенную поправку в постулаты швейцарского лингвиста: то, что лишь кажется произвольным, следует интерпретировать именно как результат прогрессирующего вырождения первоначального «истинного» языка, подверженного влиянию многочисленных факторов исторической

эволюции.

Несмотря на идеологическое неприятие, в XX в. исследования звуко-символизма продолжают и становятся всё более многочисленными. Учёные вновь обращаются к проблеме происхождения языка, но уже с учётом прогрессивной демотивации, обусловленной языковой эволюцией, и настаивают на введении в теорию лингвистики принципа фонетического иконизма.

Развитие семиотики и зарождение в 20-30-х гг. XX в. психолингвистики как объективного инструмента анализа человеческого языка открывают, наконец, новые возможности для экспериментальных исследований и практически доказывают существование универсального звуко-символизма в человеческом языке [Jespersen, 1922; Uznadze, 1924; Sapir, 1929; 1933; Köhler, 1929; Tsuru, Fries, 1933; Newman, 1933; Fox, 1935; Muller, 1935; Allport, 1935; Thorndike, 1945; Brown et al., 1955; Maltzman et al., 1956; Brackbill, Little, 1957; Miron, 1961; Taylor, Taylor, 1962; Chastaing, 1964; Weiss, 1964; Johnson et al., 1964; Aztet, Gerard, 1965; Reid, 1967; Hutchins, 1998; Abelin, 1999; Левицкий, 1969; 1973; 1975; 1980; 1989; Журавлёв, 1974; 1991; Koriat, Levy, 1977; Комарницкая, 1985; Кушнерик, 1987; Слоницкая, 1989; Балаш, 1999; Шадрина, 2001; Павловская, 2004; Пруцких, 2009 и др.].

Что касается отечественной лингвистики, научные изыскания в течение длительного времени ограничиваются изучением звукоподражательных слов с неизменным акцентом на их маргинальный статус. К началу 60-х гг. В советском языкознании, наконец, созревают условия для выхода за узкие рамки звукоподражания и полноценного изучения звукоизобразительности как многоаспектного явления. В 1965 г. А.М. Газов-Гинзберг в своей монографии обобщает обширный материал по звукоизобразительной лексике в семитских языках. Изучив прасемитские корни с точки зрения их строения и семантики, исследователь определяет связь акустико-артикуляционных свойств звуков с их символикой, а также реконструирует первоначальные значения посредством семантических преобразований. Проведённый автором статистический анализ показывает, что из 181 глагольного корня в семитских

языках 115 (64%) с уверенностью можно считать звукоподражательными по своему происхождению. Это позволяет учёному выдвинуть «теоретически обоснованное положение о звукоподражательности... происхождения языкового материала» [Газов-Гинзберг, 1965, с. 169].

В 1974 г. выходит книга А.П. Журавлёва, в которой определяется место фонетического значения в структуре слова [Журавлёв, 1974, с. 31-33], публикуются результаты экспериментального исследования символического значения звуков русского языка с применением метода «семантического дифференциала» Ч. Осугда [Osgood, 1952] и предлагается формула для нахождения величины фонетического значения слова с учётом позиций ударных и безударных, начальных и неначальных звуков [Журавлёв, 1974, с. 121-125].

С конца 60-х гг. исследования по фоносемантике как в диахроническом, так и в синхроническом аспектах проводит В.В. Левицкий [1969; 1973; 1975; 1980; 1989; 1994; 1997; 1998; 2007; 2009]. Большое количество накопленного межъязыкового материала вместе с полученными результатами позволяют В.В. Левицкому установить корреляции между понятиями и дифференциальными признаками фонем и прийти к важному заключению о межнациональном характере субъективного символизма [Левицкий, 1998, с. 27].

В области объективного звуко-символизма В.В. Левицкий, применив экспериментально-статистический метод к анализу словарного состава 59 языков, делает выводы о наибольшем символическом потенциале конкретных звуков (гласные [i] и [a] и согласные [l], [r], [t], [m], [p]), выделяет наиболее активные символизируемые ими признаки (шкалы твёрдости, гладкости, скорости, света, формы и размера) и, наконец, устанавливает статистически значимые корреляции между шкалами – сходные семантические единицы символизируются в различных языках сходными фонетическими единицами [там же, с. 45-46].

Результаты, достигнутые за многие столетия исследований, обобщены С.В. Ворониным в фундаментальном труде, обосновавшем главные постулаты фоносемантики. Предметом самостоятельной лингвистической дисципли-

ны является звукоизобразительность языка, а в её основе лежат принципы непроизвольности языкового знака, детерминизма, отражения, целостности и многоплановости [Воронин, 1982, с. 24-37].

Проведя скрупулёзный анализ звукоподражаний 250 языков, С.В. Воронин устанавливает основные типы звучаний денотатов и их коррелятов в фонетических пространствах изученных языков. Подобно В.В. Левицкому, С.В. Воронин опирается не на отдельные звуки, а на их дифференциальные признаки и вводит в научный обиход термин «фонемотип» – инвариант для фонем, сходных по своим артикуляционным или акустическим признакам.

Главная теоретическая ценность работы С.В. Воронина заключается в объединении понятий ономапии и звукоимеизма как двух естественных составляющих звукоизобразительности – основы для происхождения и развития языка, действующей, соответственно, как в синхроническом, так и в диахроническом аспектах и универсальной для всех языков мира.

Изучив и обосновав лингвистические, семиотические, психологические, и психофизиологические аспекты фоносемантической природы языка, А.Б. Михалёв развивает положение о генетической звукоизобразительности языкового знака, сформулированное С.В. Ворониным, и открывает полевой принцип структурирования лексики в языковой эволюции [Михалёв, 1995]. Благодаря механизму синестезии и широкой вариативности акустико-артикуляционных параметров звуков, их звукоизобразительные возможности и составляют ядро ФСП, посредством метафорических и метонимических переносов развивающееся в микро- и макрополя. В соответствии с выдвинутой теорией, формальной единицей ФСП является «фонемотип» – некоторое множество фонем, объединённых общим дифференциальным признаком. Идея о совпадении символических свойств звуков, объединённых акустико-артикуляционными характеристиками, ранее высказывалась в работах В.В. Левицкого [1979] и С.В. Воронина [1982], но именно у А.Б. Михалёва она получает своё развитие, и фонемотип описывается как комплексная фоносе-

мантическая единица, в различном окружении способная воплощать те или иные составляющие своего символического потенциала и, как следствие, обуславливать последующее семантическое наполнение слова.

Выделение фонемотипа как инварианта для фонем наводит А.Б. Михалёва на мысль о существовании аналогичной метаединицы на морфемном уровне. По мнению учёного, морфемотип представляет собой некую обобщающую модель, включающую различные вариации в пределах фонемотипа [Михалёв, 1995, с. 71-72]. То есть у морфемотипа со структурой CVC на месте первого и третьего элементов расположены определённые фонемотипы (например, дрожащий или спирант), а на месте второго – любой гласный (в том числе и нулевой). Совершенно не родственные корни, входящие в конкретный фонемотипический класс, образуют определённую семантическую структуру, которая в рамках одного и того же морфемотипа в разных языках имеет достаточно много общего. Подтверждением этой гипотезы служат результаты исследования на материале русского, английского, французского и арабского языков [там же, с. 160-202].

1.3. Исследования звукоизобразительности в XXI в.

Концепция ФСП А.Б. Михалёва находит развитие в диссертационных исследованиях его учеников. В работе Ж.М. Тамбиевой [2003] исследуются фоносемантические свойства начальных гуттуральных согласных в русском, английском, абазинском языках и выявляется их особенность символизировать буккальную деятельность (термин, введённый А.Б. Михалёвым).

Исследование М.Д. Зимовой [2005] подтверждает положение о том, что звукоизобразительность, обусловленная артикуляционно-символическими возможностями речевых звуков, является основой смыслообразования, а начальные согласные – его генетически первичными элементами. Лексические системы сравниваемых языков, сформированные на основе общей инициали, состоят из взаимосвязанных семантических полей со звукоизобразительными центрами, в которых и наблюдается наибольшее сходство, разли-

чия же касаются объёма полей и направлений семантического развития звукоизобразительных ядер. Результатом масштабного анализа корневого состава немецкого и новогреческого языков становится установление всех ядерных звукоизобразительных гиперсем и производных от них периферийных полей.

М.Э. Данилова [2007] посвящает свою работу конечным звукосочетаниям английской лексики. Согласно результатам исследования, рифмы, обладая теми же семантическими свойствами, что и начальные фонестемы, в зависимости от звукоизобразительных возможностей составляющих рифму фонем образуют ФСП на основе ядерных гиперсем и производных от них периферийных значений.

Исследование М.А. Джукаевой [2010], охватившее материал русского, немецкого и чеченского языков, вновь убедительно демонстрирует генетически первичную смыслообразующую функцию начальных согласных звуков. На примере анализа спирантов трёх языков автор показывает сходство семиотических тенденций, проявляемых объединёнными общим артикуляционным признаком звуками, и подтверждает тезис о первичной мотивированности языкового знака [Джукаева, 2010, с. 159].

В последующих своих работах А.Б. Михалёв [2007; 2008; 2009; 2010; 2011; 2012; 2013] последовательно развивает идею о том, что вся семантическая система языка вырастает из ограниченного числа первичных звукоизобразительных значений: «если руководствоваться принципом генетической звукоизобразительности языка, расценивать факты формального и семантического сходства слов как неслучайные, можно рискнуть <...> восстановить эту модель с большей или меньшей степенью вероятности» [Михалёв, 2009б].

С.С. Шляхова [2005] выделяет в звукоизобразительной системе языка (далее – ЗИС) ядро – систему фоносемантических маргиналий (далее – ФМ). В отличие от звукоизобразительных слов, утративших со временем примарную мотивированность, ФМ сохраняют свой маргинальный языковой статус

ввиду невозможности отрыва от своего начала – проторечи [Шляхова, 2005, с. 33-34]. Являясь центральной единицей ЗИС языка, ФМ отражают её основные принципы и законы сущности и функционирования. На основе тезиса С.В. Воронина об универсальности звукоизобразительности, С.С. Шляхова предполагает, что полученные выводы на материале русских ФМ могут обуславливать функционирование подобных форм и в других языках.

Диффузный, размытый, структурно и семантически неопределённый статус ФМ, их древнейшее происхождение, полисемичность, высокочастотность и абстрактная лексическая и категориально-грамматическая семантика позволяют С.С. Шляховой предположить, что структура и функции этих единиц отражают характерные особенности всех стадий развития языка, как в синхронии, так и в диахронии [Шляхова, 2005, с. 33-34]. Однако, архаичная природа звукоизобразительных единиц, а, следовательно, бесконечное количество семантических, фонетических, структурных превращений, делают реконструкцию «чистой» протоединицы практически невозможной. С.С. Шляхова настаивает на необходимости корректировки традиционных для лингвистики методологических подходов и научной парадигмы вообще с целью лучшего освоения утраченного гипотетического звукоизобразительного пространства языка.

Немалую ценность представляют рассуждения С.С. Шляховой о проблеме маргинальности звукоизобразительной системы вкупе с описанием философских и естественных концепций линейных и нелинейных динамик развития, теории катастроф, понятий Космоса, Хаоса и Хаосмоса. Эволюцию ФМ-системы С.С. Шляхова трактует в соответствии с принципом резонансного возбуждения [Ерохина, 1998]: под влиянием флуктуаций, система выбирает путь развития, согласующийся с её прошлым состоянием и внутренними характеристиками. Но благодаря резонансному возбуждению ФМ-система после разветвления и перехода в новое состояние не теряет свои внутренние свойства. Следовательно, развиваясь от языка жестов к абстрактному языку через звукоизобразительную стадию, система сохраняет свои первичные

фоносемантические свойства: результаты проводимых исследований демонстрируют примарную мотивированность большинства современных лексем [Шляхова, 2005, с. 269].

Синергетический цикл «хаос – порядок – хаос» исследуется в работе Н.В. Дрожащих [2006] на примере анализа фрагментов W-, S-, H-лексики ностратического, общеиндоевропейского праязыков и древнеанглийского языка. Исследование представляет собой модель процесса самоорганизации иконических единиц с общим начальным согласным, передающих, по мнению автора, архаическую систему представлений человека об окружающем мире. За значения активного типа («Прямой», «Часть», «Индивид» и др.) отвечает дентальная зона, значения инактивного типа («Округлый», «Кривой», «Множество», «Вопросительность» и др.) распределяются в лабиальной зоне, а значения лексем веллярной зоны распределяются между двумя первыми.

В основе синергетического движения языковых единиц и последующего появления интегративных смысловых полей в иконическом пространстве языка лежат процессы метафорического и метонимического расширения исходного смысла, а также механизм аттракции. В лексиконе ностратического праязыка происходит расширение указанных зон, в индоевропейском продолжается их специализация, а на этапе развития языков-потомков проявляется коренная трансформация системы. Несмотря на то, что в современных языках связи между денотатом, концептом и обозначающим затемнены, Н.В. Дрожащих убеждена в том, что вероятностно-статистический анализ лексем с общей консонантной инициальной может обнаружить и доказать действие процессов самоорганизации лексики и грамматики, неосознаваемых человеком.

Ж. Колева-Златева в своей монографии [Колева-Златева, 2008] обосновывает ценность этимолого-фоносемантического подхода к изучению звуковой символики. В качестве наиболее надёжного признака для распознавания и исследования первично мотивированных слов автор выделяет редупликацию

[там же, с. 291]. Развившаяся на основе редупликации семантика продолжает эволюционировать и в какой-то степени моделируется со стороны качества самих звуков, стремящихся связаться с обозначаемым.

Несмотря на обширные знания об иконических свойствах конкретных звуков, Ж. Колева-Златева предостерегает от каких-либо категорических выводов касательно влияния звуковой формы на семантику слова ввиду того, что звуки в ходе своего развития, подчиняясь действию фонетических законов, могут терять свои первоначальные характеристики и приобретать другие. Также может проявиться действие вторичного звукового символизма, присоединяющего к семантике слова новые семы.

Кроме того, с течением времени примарно мотивированные слова могут приобрести абстрактные значения и перейти в класс общеупотребительной лексики. Однако это не мешает Ж. Колевой-Златевой отнести звукоизобразительность к языковым универсалиям, а звукоизобразительные слова – к периферии языка [Колева-Златева, 2008, с. 291].

В 2009 г. В.В. Левицкий в труде, подводящем итог почти полувековым фоносемантическим исследованиям, приходит к выводу об относительном характере звукового символизма – символическое значение определённых звуков обусловлено лишь наличием противопоставленных им других звуков [Левицкий, 2009, с. 89].

Кроме того, под влиянием выводов О. Есперсена [Jespersen, 1933, p. 285-286], Дж. Орра [Ort, 1944, p. 4], Ст. Ульманна [Ullmann, 1964, p. 81-92] В.В. Левицкий уделяет особое внимание диахроническому аспекту звуко-символизма. В ответ на предположение западных учёных о влиянии звуко-символизма на жизнеспособность слова и на действие фонетических законов В.В. Левицкий выдвигает предположение о том, что на современном этапе развития языка семантическая образность является более яркой, чем фонетическая, основанная на звуковых ассоциациях [там же, с. 176].

К одной из последних работ по фоносемантике относится многоаспектное исследование ономотопеи на материале немецкого и русского языков

О.В. Шестаковой [2013]. Результатом проведённого анализа звукоподражательных единиц в фоносемантическом, семантическом и лексикографическом аспектах стал вывод о значительном преобладании универсальных черт над специфическими в ономотопее двух языков, что, по мнению автора, обусловлено именно примарной мотивированностью языковых единиц [Шестакова, 2013, с. 177].

В основе последней из опубликованных работ [Вершинина, 2013] также лежит теория ФСП А.Б. Михалёва. М.Г. Вершинина на уровне ФСП осуществляет системное описание пермских диалектов и ставит вопрос о выделении самостоятельного направления в изучении звукоизобразительности – диалектной фоносемантики. По мнению автора, стабильность языкового и этнического сознания носителей диалектов делает изучение данного языкового материала весьма плодотворным для звукоизобразительных исследований, что позволяет предоставить дополнительные доказательства фоносемантического тезиса о примарной мотивированности языкового знака [там же, с. 3].

Исследования звукоизобразительности на материале большого количества языков приводят к выводу о значительной доле первично мотивированных слов, а универсальность этого явления уже не подвергается сомнению. Активно ведущиеся научные разработки последних десятилетий затрагивают новые языки, не фигурировавшие ранее в фоносемантических исследованиях: корейский [Lee, 1992], якутский [Афанасьев, 1993], финский [Austerlitz, 1994], китайский [Lapolla, 1994], австралийские языки [Alpher, 1994], языки североамериканских индейцев [Aoki, 1994; Jacobsen, 1994; Silverstein, 1994], языки Латинской Америки [Langdon, 1994; Kaufman, 1994], африканские языки [Childs, 1994; McGregor, 1996], японский [Key, 1997; Hamano, 1998; Koike, Ivanova, 2002), шведский [Abelin, 1999], атлантические креольские языки [Bartens, 2000], абазинский [Тамбиева, 2003], чеченский [Джукаева, 2010] и др.

1.4. Причины звукового символизма

1.4.1. Первичный звукосимволизм

Согласно теории первичного звукосимволизма, символика звуков речи обусловлена их акустико-артикуляционными признаками и, как следствие, считается изначальной по отношению к понятийному значению. А поскольку звукосимволизм представляет собой обозначение неакустического денотата акустическими средствами, учёные приходят к выводу, что его психофизиологической основой является синестезия.

Отец психофизики Г.Т. Фехнер – автор первого экспериментального исследования цветных букв, проведённого среди 73 синестетов [Fechner, 1871] и продолженного Ф. Гальтоном [Galton, 1880]. Интерес к синестезии быстро распространяется по другим странам, но вследствие сложностей с измерением субъективного опыта испытуемых и растущей популярности бихевиоризма, отвергающего изучение чего бы то ни было субъективного, исследования прекратились вплоть до 1980 г., когда учёные вновь обратились к этому явлению. В отечественной науке прочные традиции изучения кросс-модального восприятия заложены исследованиями Д.Н. Узнадзе [2004] и А.Р. Лурии [1975] и развиты Б.М. Галеевым [1987; 1999; 2000; 2003; 2004; 2005].

Обусловленность звукосимволизма кросс-модальным восприятием отмечена в многочисленных исследованиях в области фоносемантики и подтверждена экспериментально [Горелов, 1976; Воронин, 1982; Рузин, 1993]. Р. Якобсон обращает внимание на то, что спорные результаты, полученные исследователями звукосимволизма, объясняются недостаточным вниманием к методам психологического и лингвистического анализа, не ставя под сомнение реальную связь между разными ощущениями [Якобсон, 1975, с. 30, цит. по: Прокофьева, 2007, с. 29]. По убеждению Ж. Колевой-Златевой, сходство между обозначающим и обозначаемым зачастую оказывается нарушенным, и именно синестезия компенсирует его, реконструируя взаимосвязь формы и значения [Колева-Златева, 2008, с. 36].

Считая синестезию нормальной и общезначимой, учёные объясняют этим явлением те или иные конкретные проявления звуко-символизма. Например, Л.Е. Маркс сравнивает результаты экспериментов Э. Сепира [Sapir, 1929] и С. Ньюмена [Newman, 1933] с наблюдениями над цветовым слухом и приходит к заключению о сходстве общих принципов, обуславливающих фонетический символизм и синестезию [Marks, 1975, p. 318, цит. по: Колева-Златева, 2008, с. 35].

Однако не все исследователи соглашаются с тем, что в основе звукового символизма лежит синестезия. Весьма категорично по этому поводу высказывается Р. Браун, полагая, что межсенсорные связи, обуславливающие звуковой символизм, должны быть универсальными, тогда как исследования синестезии свидетельствуют, на его взгляд, о значительных индивидуальных различиях [Brown, 1958, p. 132]. В соответствии с этим утверждением, сторонники данной позиции полагают, что синестезия характерна лишь для немногих людей, которые с самого раннего детства начинают испытывать её проявления [Grossenbacher, Lovelace, 2001, p. 36]. Другие, напротив, подчёркивают, что все люди способны испытывать ощущения в одной модальности, когда стимулируется другая [Ramachandran, Hubbard, 2001b, p. 4].

Согласно определению психологов, синестезия (от греч. *syn* «союз» и *aisthesis* «ощущение») состоит в том, что какой-либо раздражитель, действующий на соответствующий орган чувства, помимо воли субъекта вызывает не только ощущение, специфическое для данного органа чувств, но одновременно ещё и добавочное ощущение или представление, характерное для любого органа чувств» [Психология: словарь, 1990, с. 363]. Вследствие расширения представлений о синестезии на современном этапе лингвистических исследований становится очевидным, что в её основе лежит целый комплекс реальных психофизиологических процессов, без учёта которых выявление и объяснение закономерностей кросс-модального восприятия невозможно.

Исследования зарубежных психологов, неврологов и лингвистов дока-

зывают реальность, постоянство и частотность этого явления. Одну из разновидностей синестезии, а именно звуко-цветовую (или хроместезию) R. Cytowic сравнивает с фейерверком: голос, музыка и смешанные звуки окружающей среды типа гремящей посуды или собачьего лая вызывают цветные образы, которые поднимаются вверх, движутся вокруг и исчезают, когда умолкает звук [Cytowic, Eagleman, 2009]. У одних синестетов количество стимулов ограничено, у других кросс-модальное восприятие может спровоцировать большое разнообразие звуков.

Как и в случаях иных разновидностей, звуко-цветовое восприятие происходит спонтанно и не требует никаких усилий. Звуко-цветовые синестеты, как правило, осознают свои особенности в повседневной жизни. Синестеты, воспринимающие цветную музыку, испытывают вместе с тем те же ощущения от прослушивания, что и обычные люди. То есть синестетическое восприятие лишь дополняет нормальное, но не затмевает его [Simner, 2012].

Кроме того, исследователями рассматривается так называемая приобретённая синестезия – кросс-модальное восприятие, возникающее у несинестетов при определённых условиях: после травмы головы, паралича, при опухолях головного мозга, во время медитации, или под воздействием психоделических препаратов [Cytowic, Eagleman, 2009, p. 137-140].

На сегодняшний день известно около 150 разновидностей синестезии, и, возможно, такое разнообразие форм является одним из препятствий для формулировки адекватного определения феномена, которое могло бы установить чёткие критерии для выделения этого явления. Кроме того, проблему усложняет тот факт, что практически любое изучение синестезии охватывает лишь отдельную её разновидность, а полученные выводы авторы склонны применять в более широком контексте.

Указывая на некоторую узость сложившегося термина «синестезия», ограничивающегося чисто сенсорной областью действия, С.В. Воронин предлагает новое обозначение сенсорно-эмоциональных переносов – «сине-

стэмия», понимая под ним не только «соощущение», но и взаимодействие между ощущениями и эмоциями [Воронин, 1982, с. 77]. Ж. Колева-Златева отмечает, что о роли эмоции в механизме ассоциации между звуко-символическим словом и обозначаемым объектом писал ещё В. Вундт [1990, цит. по: Колева-Златева, 2008, с. 36].

Кроме того, следует отметить, что, с точки зрения С.В. Воронина, психофизиологическую основу звукового символизма составляют не только синестэмия, но ещё и синкинемия – совокупность интракинем и экстракинем [Воронин, 1988, с. 16]. Мысль о том, что причиной звукового символизма могут быть акустический или кинестетический фактор, или их сочетание, высказана ещё в 1929 г. Э. Сепиром [Sapir, 1929]. Именно процессы «синестэмии» в сочетании с «синкинемией» образуют единый психофизиологический базис звуко-символизма, получая у учёного название «синкинестэмия» [Воронин, 1988, с. 17].

Фундаментальное исследование Б.М. Галеева, рассматривающего проявления синестезии в различных областях творческой деятельности человека, приводит автора к выводу о существовании единого механизма интерактивности ощущений, в основе которого лежит «кинестетический анализатор», отвечающий за уподобление динамики процессов рецептирующей системы свойствам внешнего воздействия [Галеев, 1987, с. 105-106]. Этот вывод в точности согласуется с изученным С.В. Ворониным феноменом «синкинезии».

Развивая результаты своих ранних исследований, Дж. Симнер стремится создать универсальную дефиницию синестезии и выработать чёткие критерии её определения, установив его ключевые составляющие [Simner, 2012]. Исследовательница подчёркивает, что определение синестезии не должно упрощаться до банального «соощущения, слияния чувств», то есть критерии определения синестезии не должны быть ограничены лишь сферой чувств, а должны охватывать также и концептуальные категории. Например, ощущение цвета может быть вызвано концептом буквы, а не просто её физической

формой [Eagleman, 2012, p. 16]. Таким образом, определение синестезии как «объединённого ощущения» в корне неверно.

Продолжая решение проблемы адекватной терминологии, некоторые исследователи считают более точным термином «идеастезию», подчёркивая некорректность определения синестезии, которая, исходя из названия, должна подразумевать связь элементов лишь сферы чувств, а на деле распространяется и на когнитивный уровень. «Идеастезия» же призвана объединить ощущения, вызванные не чувственными свойствами стимула (как синестезия), а его семантическими образами и значениями. В этом и заключается принципиальное отличие этих двух явлений [Simner, Ward, 2006; Dixon et al., 2006; Mroczko et al., 2009; Nikolić et al., 2011].

Последние исследования, использующие одновременное тестирование большого количества синестетов, показывают, что между механизмами синестезии у разных испытуемых нет существенной разницы. Например, при исследовании звуко-цветовой синестезии выявлена тенденция связывания светлых цветов с высокими звуками, тёмных – с низкими, ярких – с громкими [Ward et al., 2006] или, к примеру, соотнесение графем с цветами также проявляет постоянство: «А» чаще бывает красным, «О» – чёрным или белым, «S» – жёлтым и т.д. [Sagiv, Robertson, 2005; Simner et al., 2005; Rich et al., 2005].

Несмотря на некоторые имеющиеся различия в восприятии синестетов, у подлинной синестезии можно установить общие черты. Например, R. Cytowic выделяет, среди прочих, следующие критерии: синестезия развивается в пространстве, происходит произвольно и автоматически, она постоянна, легко запоминается и несёт определённую аффективную нагрузку [Cytowic 2002; 2003; Cytowic, Eagleman, 2009].

Роль синестезии в развитии языка тщательно изучают В.С. Рамачандран и Э.М. Хаббард. По их мнению, в эволюции языка имела место неарбитrarная синестетическая связь между формой объекта и качествами звука: «... репрезентация определённых движений губ и языка в моторных областях

мозга, возможно, накладывается неарбитrarным способом на определенные звуковые модуляции и фонемные репрезентации в слуховой области, и последняя, в свою очередь, может иметь неарбитrarные связи с формой объектов из внешнего мира» [Ramachandran, Hubbard, 2001b, p. 19-21, цит. по: Колева-Златева, 2008, с. 35-36]. Авторы высказывают мнение, что, по всей вероятности, центральную роль в эволюции языка сыграла своеобразная сенсорно-моторная синестезия, которая основана на взаимной активации не двух сенсорных областей, а сенсорной (т.е. слуховой) и моторной (т.е. зоны Брока). Проявлением этой синестетической связи, по мнению учёных, является также танец, где ритм движений имитирует слуховой ритм, и отдельные случаи, когда звуки автоматическим способом вызывают занятие определённой позы.

Авторы говорят также о синкинезии – взаимной активации моторных областей, и объясняют с её помощью, например, происхождение некоторых местоимений как озвучение своеобразных движений губ и языка, которые сопутствуют определённым указательным жестам [ibid., p. 28-29, цит. по: Колева-Златева, 2008, с. 35-36].

Не так много известно о том, какие когнитивные изменения могут быть вызваны синестезией, если это вообще возможно. В 1980 Р. Cytowic впервые обнаруживает у испытуемых небольшие трудности с арифметикой и координацией, но эти данные не получают последующего подтверждения, в отличие от фотографической памяти [Smilek et al., 2002]. На мысль связать феноменальную память с механизмом синестезии Р. Cytowic наталкивает книга А.Р. Лурии «Маленькая книжка о большой памяти (ум мнемониста)», персонаж которой обладает 5-ступенчатой комплексной синестетической чувствительностью: каждый звук непосредственно рождал в нём переживания света, цвета, вкуса и прикосновения.

Наиболее спорным и по сей день остаётся вопрос возникновения синестезии. Результаты огромного количества исследований не обеспечивают учёным возможность прийти к какому-либо окончательному заключению относительно природы синестезии, и это неизбежно приводит к противоречиво-

сти высказываемых мнений.

Общая тенденция трактовки синестезии в современный период склоняется в пользу её психофизиологической природы, проявляющейся наиболее отчётливо на ранних ступенях ментального развития. Она может быть утрачена во взрослом состоянии вследствие преимущественно практической, логической, научной ориентации в столкновении с действительностью, хотя следы её остаются разбросанными по всему полю оценивающей и качественной лексики.

Некоторые исследователи проводят аналогию между механизмом развития синестезии и освоением языка [Rich et al., 2005]: человек имеет врождённую предрасположенность к овладению языком, которое также зависит от воздействия различных эмпирических факторов, сопровождающих развитие человека. То же можно сказать и о синестезии – длительный процесс синестетического «приобретения» заставляет задуматься над тем, каким образом предположительно врождённое свойство [Baron-Cohen et al., 1996; Grossenbacher, Lovelace, 2001; Cytowic, 2002; Rich et al., 2005; Ward, Simner, 2005; Ward et al., 2005; Simner et al., 2006;] может подвергаться воздействию внешних факторов.

R. Cytowic становится первым, кто для анализа синестезии и выявления её физиологической основы использует современные технологические методы нейрологического исследования (сканирование мозга и радиоактивный мониторинг, микрохирургия и диодные имплантации и др.). Согласно выводам учёного, синестезия возникла ещё до разделения сенсорных путей в коре головного мозга. Будучи связанной с древними подкорковыми мозговыми структурами, отвечающими за эмоции и более примитивные функции, в настоящее время синестезия представляет собой остаточное явление [Cytowic, 2002].

Заключение американского невролога совпадает с высказанным ранее мнением Д.Н. Узнадзе о том, что все ощущения развились из одного диффузного сенсорного переживания [Узнадзе, 2004, с. 194].

Данной точке зрения противостоит теория обратного кортикального растормаживания, согласно которой в момент кросс-модального восприятия нервные пути, отвечающие за сфокусированное восприятие какого-то одного чувственного образа, могут оказаться частично расторможенными, в результате чего возникает синестезия [Grossenbacher, Lovelace, 2001].

Теория кортикальной модулярной несостоятельности (S. Baron-Cohen и J. Harrison) разделяет мнение об аномальной природе синестезии. Согласно этой гипотезе, причиной мультиобразного восприятия является апоптоз – генетически запрограммированная клеточная смерть. Если некоторые клетки в коре головного мозга не погибают, то их группы не разделяются на части, специализированные для разных ощущений. Существование таких недифференцированных групп нервных клеток и приводит к нерасчленённым ощущениям [Baron-Cohen, Harrison, 1997].

С этой теорией перекликается гипотеза, согласно которой частые перекрёстные помехи между разными участками головного мозга могут стать причиной возникновения синестетического восприятия. Например, добавочное ощущение цвета при виде букв может быть вызвано пересечением зон, отвечающих за узнавание букв и цвета соответственно. Одна из предполагаемых причин возникновения таких пересечений – невозможность сократить количество синапсов, которые, как правило, образуются в избытке в первые годы жизни человека [Ramachandran, Hubbard, 2001b].

Тем не менее, многочисленные подходы к установлению природы синестезии совпадают в признании её физиологической основы. Например, из-за отсутствия изолирующих оболочек между слуховым и зрительным нервами возбуждение одной группы клеток переносится на другие [Лурия, 1975, с. 19]. Близкая расположенность слуховых и зрительных клеток также приводит к выходу возбуждения за границы своего анализатора и связи двух видов раздражения. Возникающие при этом объединённые реакции становятся физиологической базой «звукоцветоощущений» [Блинова, 1974, с. 54].

Л.П. Прокофьева осуществляет комплексный анализ звуко-цветовой ас-

социативности в языке и художественной речи на материале русского и английского языков. Изучив долгую историю исследований звуко-смысловых корреляций, с одной стороны, и феноменологии цвета, с другой, Л.П. Прокофьева сосредотачивается на изучении синестезии, рассматривая различные подходы отечественных и зарубежных учёных, и приходит к выводу о том, что в основе системного механизма синестетического восприятия лежит эмоциональное обобщение. Обеспечивая взаимодействие ощущений разных модальностей, синестезия приводит к реконструкции целостного образа на основе восприятия одной модальности [Прокофьева, 2007, с. 52].

Д. Иглман предполагает, что явление синестезии может оказаться гораздо более сложным, чем кажется. Вполне вероятно, что синестезия представляет собой целую серию различных явлений в центральной нервной системе (далее – ЦНС), объединённых под одним названием. В этом смысле синестезия может быть аналогична глухоте, в основе которой лежат различные механизмы (повреждение барабанной перепонки, недостаточно развитые ушные раковины, травма восьмого черепного нерва и др.). Так же и источниками синестезии, возможно, являются совершенно разные процессы в ЦНС (гипертрофия нейронов и их сокращение, несбалансированное торможение или, напротив, возбуждение), каждый из которых может привести к отклонениям в механизмах восприятия или когниции [Eagleman, 2012, p. 18].

1.4.2. Вторичный звуко-символизм

В 60-е гг. XX в. учёные предлагают иной ответ на вопрос о происхождении символических звуков речи – «ассоциативная» теория представлена в работах американских лингвистов И. и М. Тэйлоров [Taylor, 1963; 1965; 1967; Taylor, Taylor, 1962; 1965]. По итогам исследования 6 гласных и 12 согласных в английском, корейском, тамильском и японском языках учёные делают заключение о национальной обусловленности звукового символизма, в основе

которого, по их убеждению, лежит языковая привычка (*language habit*), приобретённая в процессе овладения языком и закрепившая ассоциацию между определёнными звуками и значениями. Чем ближе родственная связь между языками, тем больше склонны совпадать проявляемые в них звукосимволические тенденции, и наоборот.

Подвергая сомнениям ранее полученные результаты, критика в исследованиях И. и М. Тэйлоров касается, в первую очередь, процедурных погрешностей во всех предшествующих экспериментах. Однако, вместо того, чтобы осуществить корректировку своих методологических принципов, большинство исследователей предпочитают игнорировать результаты исследований американских лингвистов, продолжая настаивать на универсальной природе звукового символизма. И лишь спустя три десятилетия фоносемантистам становится ясно, что результаты И. и М. Тэйлоров заслуживают внимания.

Очевидно, что итоги исследований причин звукосимволизма довольно противоречивы – ни одна концепция не воспринимается однозначно. Принятие теории об универсальных свойствах звукового символизма означало бы, что, с точки зрения фоносемантики, языки не отличаются друг от друга существенным образом, но это не так. С другой стороны, если бы существование звукосимволизма было обусловлено лишь «языковой привычкой», то мы не обладали бы способностью распознавать это явление в тексте на незнакомом языке, что также неверно – именно в иноязычной речи звуковой символизм достигает максимального проявления [Штерн, 1969; Павловская, 1999].

Вследствие такой противоречивости выдвинутых теорий мы считаем целесообразным признать неоднозначную природу звукового символизма. Так, согласно точке зрения А.Н. Журина [1972, с. 95-124], первой причиной возникновения звукового символизма является естественная аналогия свойств звучания и значения, а вторая разновидность звукосимволизма, отличающаяся от языка к языку, основана на соотношении исконной и заимство-

ванной лексики.

В.В. Левицкий также полагает, что результаты психолингвистических экспериментов могут быть порождены комплексным взаимодействием синестезии и языкового навыка [Левицкий, 2009, с. 119-120].

Противопоставление первичного и вторичного звуко-символизма можно сопоставить с разграничением, которое делает М. Чан [Chan, 1996], противопоставляя универсальный звуко-символизм локальному. В таком случае первичный звуко-символизм можно считать универсальным, а вторичный – локальным. Первичный звуко-символизм обусловлен универсально действующими принципами синестезии и возможностями человеческого когнитивного и перцептивного аппарата, а вторичный – языковой системой конкретного языка.

Я. Малкиель отмечает, что о первичной звукоизобразительности можно говорить лишь тогда, когда налицо очевидное подражание естественным звукам, терпящее ограничения со стороны конкретного языка [Malkiel, 1990, p. 43]. Случаи изображения незвукового образа или экспрессивности (эмотивности) фонетическими средствами автор относит ко вторичной звукоизобразительности. Иными словами, согласно Я. Малкиелю, первичной может быть только звукоподражательность, а звуко-символизм всегда вторичен.

Оптимальной нам представляется точка зрения А.Б. Михалёва, не согласного с тем, что звуко-символизм является вторичным эффектом, обязанным действию анализа и синтеза, которыми пользуются говорящие в специфической системе фонологических и семантических оппозиций каждого языка, а не продуктом структурного качества, свойственного субстанции означаемого [Михалёв, 1995, с. 59]. По мнению А.Б. Михалёва, символизм звуков касается, прежде всего, синестетических ассоциаций, вызываемых отдельными фонемами или группами фонем, лишённых лингвистического означаемого. Огромное количество лабораторных исследований выявило, что на этом уровне различные фонемы обладают сами по себе экспрессивны-

ми качествами, которые являются постоянными, систематичными и предсказуемыми в различных лингвистических и культурных контекстах [Михалёв, 1995, с. 60]. Вместе с тем А.Б. Михалёв признаёт, что причины звуко-символизма разнообразны, и приходит к выводу, что на доязыковом уровне звуко-символизм обусловлен структурными факторами, а на языковом – их взаимодействием с факторами ассоциативного и «культурного» порядков [там же].

ВЫВОДЫ ПО ГЛАВЕ 1

1. Проблема внутренней связи означающего и означаемого имеет такую же долгую историю, как и сама наука о языке. Древнейшие изыскания античных времён (Платон, стоики), подхваченные в эпоху Возрождения (Г.В. Лейбниц, Ш. де Бросс и др.) и развитые в новое время (В. фон Гумбольдт, В. Вундт и др.), подготовили надёжную базу для современных работ. Фоносемантические исследования новейшего времени (В.В. Левицкий, С.В. Воронин, А.Б. Михалёв, С.С. Шляхова, Л.П. Прокофьева, Н.В. Дрожащих, Ж. Колева-Златева и мн. др.) не оставляют никаких сомнений в универсальности явлений звукового символизма, подтверждая положения о фонетическом семиогенезе во всех языках и развитии семантических систем из ограниченного числа первичных звукоизобразительных значений.

2. Учёными принято выделять две причины звукового символизма: психофизиологический механизм синестезии и «языковую привычку».

3. Современными учёными доказано, что синестезия – явление гораздо более распространённое, чем считалось ранее. Это означает, что результаты последующих исследований помогут пролить свет на природу не только кросс-модального восприятия, но и языка вообще, его появления и овладения им человеком. Дальнейшее сотрудничество психолингвистов, психологов и неврологов должно помочь заполнить существующий пробел между языко-

выми и когнитивными явлениями, порождающими синестезию, и её конечным результатом, сказывающимся на восприятии. Гетерогенность синестезии нужно рассматривать как ключ к её разгадке, а не как недостаток, который многие стремятся проигнорировать.

4. Ошибка многих исследователей, на наш взгляд, заключается в обращении либо исключительно к теории синестетического происхождения звукового символизма, либо к концепции «языковой привычки». Последнее направление сталкивается с экспериментально доказанными данными о постоянных экспрессивных свойствах фонем, независимых от реальной лексико-фонологической ситуации данного языка.

5. Мы склонны полагать, что звуковой символизм обусловлен как кросс-модальным восприятием, так и механизмом языковой привычки.

ГЛАВА 2. ИСТОРИЯ ИЗУЧЕНИЯ ЦВЕТОНАИМЕНОВАНИЙ

2.1. Общие предпосылки

Многочисленные попытки разделить накопленный столетиями теоретический материал по изучению цвета на направления и аспекты даже в рамках лингвистики носят достаточно условный характер, так как зачастую один и тот же автор прибегает в ходе работы к нескольким различным подходам и методикам.

Цветом пронизаны все аспекты жизни человека, и, казалось бы, крайне важно, чтобы языки выражали цветовые концепты ясно и точно, не допуская двусмысленности. Однако любые сопоставительные исследования цветовой лексики двух и более языков всегда обнаруживают разницу в классифицировании и наименовании цветов, что приводит к недоразумениям. Моноглоты твёрдо верят в ясность и очевидность их собственной системы цветов, поэтому легко могут быть озадачены при знакомстве с любой альтернативной категоризацией. Особенное удивление могут вызвать ЦН, чья семантика включает в том числе и «невидимые» элементы (сухость-влажность, съедобность-несъедобность и др.), которые не могут быть исключены из общего смысла слова или фразы. Составляющие семантики, не имеющие отношения к видимому аспекту ЦН, часто связываются с цветовой символикой: английское ЦН *blue* в определённых контекстах приобретает значение грусти, *white* – чистоты и др. Стоит понимать, что эти коннотации сопровождают далеко не каждое употребление данных ЦН. Однако в некоторых языках неразрывная связь видимых и невидимых элементов семантики ЦН приводит к тому, что более важными оказываются именно последние, что, в свою очередь, заставляет воспринимать ЦН данного объекта как неверное, ведь собственно цветовая составляющая термина кажется второстепенной.

Поскольку для того, чтобы учесть все элементы значения того или иного ЦН, учёный должен понимать людей, говорящих на данном языке, при

семантическом исследовании ЦН других языков жизненно важно абстрагироваться от «родной» системы цвета, освободившись от всякого рода предубеждений о том, как цвет «должен» быть описан и классифицирован, дабы получить возможность проникнуть в самую суть других языков, культур и цвета как такового.

Природа цвета, который мы видим, – результат сложного взаимодействия физики света, физиологии человеческого глаза, факторов окружающей среды, физических свойств объекта и способа получения и интерпретации всей этой информации мозгом. В семантических исследованиях, однако, решающую роль играет не комплекс взаимообусловленных физических и физиологических факторов, а именно толкование мозгом всех полученных данных. Учёные подвергают тщательному анализу значение ЦН, тем самым сократив к минимуму случаи неверного толкования. Даже носители близкородственных языков, несмотря на все сходства культурного и лингвистического порядков, не всегда понимают друг друга (ср., например, системы ЦН уэльского и британского английского), неродственные же языки обнаруживают большие различия и трудности в понимании. Именно попытки ещё древних греков прояснить суть этих явлений и приводят к зарождению и развитию современной семантики цвета.

2.2. Исследования цветоименований в XIX – начале XX вв.

На протяжении столетий интерес к цвету проявляют ремесленники и купцы, работающие с цветными тканями и красками, исследователи геральдики, художники, философы, авторы первых экспериментов со светом, писатели, поэты и многие другие – все, кроме собственно лингвистов. Ситуация меняется лишь в 1858 г. с выходом в свет работы У. Гладстона [Gladstone, 1858]. Автор замечает «странные» примеры описания цветов в произведениях Гомера и в третьем томе своего труда посвящает большой раздел изучению древнего цветового лексикона. Это исследование можно считать первым

предшественником современных трудов по семантике цвета. У. Гладстон составляет списки референтов каждого ЦН и подчёркивает важность контекста употребления, который может существенно повлиять на восприятие. Кроме того, писатель приходит к выводу о том, что изучение употребления ЦН в поэзии должно проводиться иначе, чем в прозе [Gladstone, 1858, vol. 3, p. 484]. А наибольшую важность для того времени представляет отказ У. Гладстона от мнения о том, что классификация цветов в его родном языке – единственно возможная [ibid., p. 487].

Несмотря на ценные методики исследования и важные наблюдения, работа У. Гладстона не воспринимается современными учёными всерьёз. Причина такого отношения в том, что в итоге своего выдающегося во многих смыслах исследования У. Гладстон формулирует неверное заключение. Заметив, что язык Гомера включал в себя гораздо меньшее количество ЦН, чем британский английский XIX в., исследователь решает, что древние греки попросту не видели (то есть не способны были распознать с помощью глаз) те цвета, наименований которых не было в их языке.

В 1877 г. У. Гладстон получает от немецкого офтальмолога Г. Магнуса копию его труда [Magnus, 1877]. Как и У. Гладстон, Г. Магнус считает, что вокабуляр древних писателей напрямую соответствовал тогдашнему уровню развития цветного видения человека. Исследователь предполагает, что распознавание цветов человеком развивалось постепенно в течение нескольких веков, минуя 4 стадии:

- 1) распознавание красного, оранжевого и жёлтого цветов;
- 2) способность отличать красный, оранжевый и жёлтый друг от друга;
- 3) распознавание цветов зелёных оттенков и способность отличать светло-зелёные от тёмно-зелёных;
- 4) распознавание и различение синего и фиолетового цветов [Magnus, 1877, S. 9-41].

Вдохновлённый работой Г. Магнуса, У. Гладстон продолжает исследование тезауруса Гомера и в том же 1877 г. публикует результаты своих тру-

дов. На основе порядка распознавания цветов, установленного Г. Магнусом, У. Гладстон пересматривает словарь цветов Гомера и делает вывод о том, что поэт мог распознавать светлое, тёмное, красный и, возможно, оранжевый цвета [Gladstone, 1877, p. 388], находясь, согласно концепции Г. Магнуса, на первой стадии развития.

Однако, и это исследование У. Гладстона не получает признания, а наиболее разумную критику его труда представляет последователь теории Ч. Дарвина Г. Аллен. В своём труде [Allen, 1879] он впервые говорит об эволюции и адаптации цветовидения у многих животных и утверждает, что все высшие животные обладают превосходно развитым восприятием цвета благодаря фруктоедению. Г. Аллен считает, что естественный отбор проходят те животные, которые способны быстро и точно распознать, в частности, съедобный плод, таким образом, восприятие цвета играет решающую роль в их выживании. Люди тоже являются фруктоедами, поэтому и наше восприятие цвета находится на высоком уровне развития.

На основании того, что восприятие цвета человекоподобных обезьян находится на том же уровне, что и у людей, Г. Аллен приходит к выводу, что данная психофизиологическая способность должна была быть развита ещё до того, как человек эволюционировал из обезьяны, а это, в свою очередь, означает, что «чувство цвета должно быть общим свойством для всего человечества, в любой стране и в любом возрасте» [ibid., p. 202].

Аргументы биологического порядка Г. Аллен подкрепляет культурологическими и лингвистическими данными. Внимательно изучив цветовые словари многих языков, исследовав артефакты и произведения искусства, исследователь делает заключение о том, что «все существующие расы обладают вполне развитым чувством цвета» [ibid., p. 212].

Будто бы готовясь к дискуссии с У. Гладстоном о языке Гомера, Г. Аллен исследует и литературные источники. Говоря о «неопределённости» древних ЦН, он указывает на то, что причиной тому послужило не недоразвитое восприятие, а то, что древних греков по преимуществу окружали предме-

ты неопределяемых цветов, пёстрые или разноцветные, включая людей, лошадей и крупный рогатый скот. То же происходило и в природе: «море, белое или синее, или зелёное, или серое, или фиолетовое», аналогичной была ситуация с небом, горами, реками и пр. Именно в отсутствии чётких референтов каждого ЦН Г. Аллен видит причину такой их неясности [Allen, 1879, p. 271-272] и в заключение утверждает, что развитие цветового словаря, равно как и любого другого, всегда обусловлено нуждами говорящих [ibid., p. 281]. Другими словами, восприятие цвета человеком – результат нейрофизиологического развития, а развитие системы ЦН зависит от потребностей каждой конкретной культуры, то есть между восприятием и языком нет неразрывной связи.

Работа Г. Аллена вынуждает Г. Магнуса подвергнуть сомнению собственные ранее полученные выводы и предпринять новое исследование. Одним из его десяти заключительных постулатов становится утверждение о том, что восприятие и распознавание цвета не связаны друг с другом, то есть отсутствие в языке какого-либо ЦН вовсе не означает неспособность носителя данного языка воспринимать данный цвет [Magnus, 1880, S. 34].

К концу XIX в. интерес к ЦН неуклонно растёт. Помимо общих теоретических работ продолжают появляться исследования классических языков, очевиден интерес как к древним текстам (Ригведа, Библия, Песнь о Роланде), так и к современным языкам (чукотский, эскимосский, берберский, румынский, маори, самоа).

С опубликованием результатов очередного масштабного антропологического исследования возрождается мысль о том, что восприятие цвета человеком не носит универсальный характер. У. Риверс, британский антрополог и психиатр, является одним из участников целой исследовательской экспедиции на острова в проливе Торреса (между Австралией и Папуа Новая Гвинея). Будучи заинтересованным проблемами цветовидения, У. Риверс стремится исследовать восприятие цвета и системы ЦН местных жителей. В ходе своих экспериментов он фиксирует случаи совпадений синего цвета с зелёным и

фиолетовым [Rivers, 1901, p. 49-53]. Кроме того, с синим цветом возникают трудности в процессе наименования – У. Риверс обнаруживает, что в изучаемых языках нет эквивалента английскому *blue*, либо ЦН, в его понимании, является неопределённым. Подобно своим европейским и североамериканским коллегам, У. Риверс называет неопределёнными, путанными или неполноценными те категории цвета, которые, отличаясь от его собственных, зачастую охватывают более широкую часть спектра, чем ЦН английского языка, вследствие чего воспринимаются как неточные и неясные: «им казалось совершенно естественным применять это наименование [чёрного цвета] по отношению к сверкающему синему цвету неба и моря» [ibid., p. 55]. Однако, несмотря на кажущуюся «неточность» определений, восприятие цвета испытуемых не отличается никакими особенностями, что приводит У. Риверса в недоумение: «они точно видели синий и могли отличить его от других цветов». Казалось бы, работа У. Риверса может опровергнуть мнение У. Гладстона о том, что в языке нет определённого ЦН постольку, поскольку носители этого языка физиологически не различают этот цвет. Тем не менее, противоречивые результаты исследования приводят У. Риверса к ложному выводу о том, что папуасам присуща «частичная нечувствительность к цвету... по сравнению с европейцами», обусловленная, в частности, физиологическими факторами [ibid., p. 94-95]. Так или иначе, данный вывод служит лишь поддержкой взглядам У. Гладстона.

2.3. Исследования цветоименований в XX-XXI вв.

2.3.1. Проблема понятия «основное цветоименование»

Исследования семантики цвета в 20-60-е гг. XX в. ведутся под влиянием гипотезы лингвистической относительности Сепира-Уорфа, и если какой-то учёный вновь сталкивается с языком, в котором отсутствует, скажем, наименование синего цвета, речь идёт уже не о дефекте восприятия, а об отсутствии концепта синевы в сознании человека. Учёные приходят к мнению, что чело-

век не может познать синий, потому что в его языке нет обозначения данного цвета, способного «создать» недостающий концепт. Гипотеза лингвистической относительности влияет и на сравнительные исследования языков – цвет становится главным инструментом в попытках установить, есть ли связь между языковыми и неязыковыми факторами: «Языковая относительность превратилась в крестовый поход, а цвет – в его знамя» [MacLaury, 1997a, p. 20].

Э. Леннебергу и Дж. Робертсу в ходе сравнительного эксперимента на материале английского и языка народа Зуни (запад штата Нью-Мексико) не удаётся установить направление причинной связи – язык ли обеспечивает появление концепта в сознании, или наоборот [Lenneberg, Roberts, 1956, p. 461].

Традиционно цитируемой работой по проблеме ЦО является книга Б. Берлина и П. Кея [Berlin, Kay, 1969]. Воспринятая как вызов гипотезе лингвистической относительности, эта книга возвещает о начале эры семантики цвета.

Центральное место в теории Б. Берлина и П. Кея (далее БК) занимает понятие «основное цветонаименование». Обработав обширный языковой материал, авторы приводят набор признаков, которыми должно обладать каждое основное ЦН:

- 1) непроизводность;
- 2) отсутствие гипонимии;
- 3) широкая сочетаемость;
- 4) психологическая релевантность [Berlin, Kay, 1969, p. 6].

Первый критерий БК вызывает возражения, в первую очередь, у тех, кто знаком с языками с редупликативным механизмом образования новых слов и значений. В языке самоа, например, *tī* означает «поджигать», а *tītī* – «красный» [Snow, 1971, p. 386]. Остальные потенциальные основные ЦН образованы тем же способом: *pa'era'e* «белый» (от *pa'e* «отбеливать»), *uliuli* «чёрный» (от *uli* «собака; проводник; рулевой»), и *samasama* «жёлтый» (от *sama* «смесь молотой куркумы и кокосового масла»). В связи с эти многие

исследователи признают первый критерий БК непригодным для выявления основного ЦО. Он не отвергается полностью, но учёным становится ясно, что критерии нужно корректировать при обнаружении структурных особенностей некоторых языков. По мнению К.П. Биггам, британской исследовательницы семантики цвета, такие редупликативные образования всё же следует воспринимать как независимые лексемы [Biggam, 2012, p. 23].

Наименования зелёного и синего цветов в языке самоа тоже не проходят проверку первым критерием (*lanumeamata* («цвет чего-то незрелого»), *lanulau'ava* («цвет листа кавы»), *lanimoana* («цвет самой глубокой части моря»)), и их значения также можно предугадать, исходя из формы [Snow, 1971, p. 386-387]. Статья Д. Сноу по языку самоа – один из первых примеров трудностей, возникающих при применении некоторых критериев БК. Учёными, подвергшими труд БК критике, отмечаются многочисленные случаи, когда ЦО, функционирующее как основное, не является таковым по данной теории. Например, в современном персидском языке наиболее употребительным ЦО синего и единственным с неограниченной сочетаемостью является *ābi*, которое, по БК, не может быть признано основным, так как является производным от слова *āb* – «вода».

Многие критики [Hays et al., 1972; Crawford, 1982; Boynton, Olson, 1990; Corbett, Davies, 1997] упускают из виду, что авторы представили свою теорию не в качестве «закона», а всего лишь обозначили общий курс исследований. Об этом не следует забывать при обнаружении языков, которые «не вписываются» в обозначенные критерии.

С другой стороны, в ряде языков (например, в древнеанглийском) присутствует основное ЦО серого, но отсутствует ЦО синего, что также противоречит предположениям БК о стадийном развитии систем ЦО. Также отмечается, что в некоторых языках существует два конкурирующих ЦО (например, *синий* и *голубой* в русском языке), что не предусмотрено данной теорией [Норманская, 2005, с. 9-12].

Примеры языков, не подходящих под выдвинутые критерии, пополняет

Р. Маклори. Изучив язык племени карук (северо-запад Калифорнии), учёный находит несколько ЦН, образованных на основе сходства с чем-либо: *ʔa•x-kúniš* «красный» переводится буквально «как кровь», *čánča•f-kúniš* «белый» – «как пена», *ikxáram-kúniš* «чёрный» – «как ночь». С одной стороны, значение этих имён угадывается по их форме, но с другой стороны, такое возможно, если слушателю известно, что речь идёт о цвете. В противном случае, такие слова могут обозначать и иные качества объекта, например, текучесть крови, пузырчатость пены, холод ночи и др. Исходя их полученных данных, Р. Маклори приходит к разумному выводу о том, что «основное ЦН правильной определять исходя из его употребления, а не формы или происхождения» [MacLaury, 1992b, p. 8].

Это мнение получает поддержку в межкультурных исследованиях Н. Альварато и К. Джеймсон [Alvarado, Jameson, 2002], показавших, что предпочтению односложным ЦН в английском противостоят вьетнамский и другие языки, в которых более привычно использование составных ЦН, включающих в себя слова типа *светлый*, *тёмный*, *яркий* и др., что отражает сущность их системы ЦН.

Второй критерий БК, относящийся к гипонимии, не вызывает никаких возражений, в отличие от следующего, третьего. Дж. Лайонз утверждает, что ограниченная сочетаемость ЦН не должна лишать его статуса основного, однако учёный слишком широко трактует это понятие, выделяя основные ЦН второго уровня (в дополнение к первому) и относя к ним *scarlet* «алый», *mauve* «лиловый» и *turquoise* «бирюзовый» [Lyons, 1995a, p. 202-207].

Определённый интерес представляют взгляды на контекстуальную неограниченность Е.В. Рахилиной и Г.В. Парамей [Rakhilina, Paramei, 2011]. Учёные вводят понятие сочетаемости – способности ЦН описывать как явления природы, так и различные артефакты. В результате исследования русского и данных нескольких других языков, Е.В. Рахилина и Г.В. Парамей замечают, что некоторые ЦН, созданные для обозначения какого-либо частного оттенка вновь появившегося артефакта, со временем могут применяться и

в более широком контексте, распространяясь на мир природы. Вследствие данного наблюдения учёные приходят к выводу, что такая сочетаемость является предпосылкой для получения ЦН статуса основного.

Наиболее весомой критике подвергся четвёртый критерий БК, учёными было признано нецелесообразным сочетать психологический подход с предыдущими тремя чисто лингвистическими критериями. Критерий «психологической выделенности» также упрекается за расплывчатость и неизмеримость. П. Кей предполагает, что наиболее серьёзные трудности возникают с этим критерием в системах ЦН, в которых ещё происходят изменения [Кау, 2001, р. 2250-2251].

В силу неясности определения, четвёртый критерий БК может быть интерпретирован самыми разными способами. По определению авторов, к числу «психологически выделенных» следует относить ЦН по трём основаниям:

4.1) они появляются в начале списка в эксперименте, где информантов просят перечислить известные им цвета или записать их;

4.2) они обладают устойчивым денотативным значением, т.е. их денотаты для разных носителей языка и в разных контекстах совпадают;

4.3) они присутствуют во всех идиолектах данного языка.

Критерий 4.1. используют Г. Морган и Г. Корбетт [Morgan, Corbett, 1989] в эксперименте с русскоязычными испытуемыми. Информантам даётся задание перечислить на листе бумаге все ЦН, пришедшие им на ум в течение пяти минут, подводя черту под списком в конце каждой минуты. Система ЦН русского языка включает два наименования синего цвета: *синий* и *голубой*, и многие учёные скептически относятся к тому, что оба этих ЦН считаются основными. Исследователи предполагают, что результаты эксперимента могут прояснить этот спорный вопрос. Согласно полученным данным, ЦН *синий* упоминается в течение первой минуты 24 информантами из 31, а *голубой* – 27 из 31. Эти показатели выше, чем у ЦН *чёрный*, *жёлтый* (21 из 31) и *белый* (18 из 31), чей статус основных не вызывает никаких сомнений. Разумеется, результаты *синего* и *голубого* значительно выше, чем у неосновных ЦН (мак-

симальный показатель среди последних – 13 из 31) [Corbett, Davies, 1995, p. 320]. Результаты исследования Г. Моргана и Г. Корбетта подтверждают статус обоих ЦН русского языка как основных, но другие учёные предупреждают, что в решении этого вопроса нельзя полагаться лишь на результаты подобных экспериментов [Taylor et al., 1997, p. 420].

Стоит отметить и данные, полученные по другим языкам. ЦН английского языка *white* и *black* тоже показывают невысокий результат, учёные предполагают, что это связано с тем, что не все информанты уверенно относят чёрный и белый к цветам [Corbett, Davies, 1995, p. 320-325].

Понимая, что первые критерии не всегда оказываются достаточными, Б. Берлин и П. Кей дополняют их четырьмя второстепенными для применения в спорных ситуациях, когда статус ЦН всё ещё находится под вопросом [Berlin, Kay, 1969, p. 6-7].

1. Основные ЦН могут при помощи суффиксов образовывать новые слова, и если исследуемое ЦН обладает такой способностью, велика вероятность отнесения его к основным. Р. Уэскотт высказывал похожую точку зрения, назвав «политипией» свойство производить новые слова, относящиеся к другим частям речи [Wescott, 1970, p. 354-355]. В качестве примера Р. Уэскотт приводил английское *black* и образованные от него прилагательное *blackish*, существительное *blackness*, глагол *blacken* и наречие *blackly*.

Т. Кроуфорд отрицает состоятельность этого критерия, считая, что деривационный потенциал ЦН не имеет никакого отношения к его статусу [Crawford, 1982, p. 341], иллюстрируя свою точку зрения примером с английским ЦН *orange*, которое в отличие от других основных ЦН чаще присоединяет суффикс *-ey*, а не более привычный *-ish*. Т. Кроуфорд утверждает, что нежелание англоговорящих образовывать *orangish* от *orange* может означать, что у этого ЦН иные словообразовательные возможности, что могло бы подвергнуть сомнению его статус. Однако *orange* признаётся основным ЦН, вследствие чего Т. Кроуфорд делает вывод о непригодности данного критерия. К.П. Биггам считает неудачным пример исследователя, объясняя предпо-

чтение носителями английского формы *orangey* фонетическими причинами: из-за соседства двух звуков, представленных *g* и *sh* лексема *orangish* по меньшей мере неудобна для произношения, а предложенный БК критерий учёная советует применять лишь в качестве дополнительного [Biggam, 2012, p. 30]. К тому же мнению приходят и другие исследователи ЦО русского и французского языков [Corbett, Davies, 1995, p. 325-327], а А. Steinval утверждает, что отсутствие в словарях каких-то словообразовательных вариантов ЦН вовсе не означает, что такие варианты неприемлемы. Более того, учёный считает более значимым для исследования фактом именно отсутствие в словарях существующих в языке форм [Steinval, 2002, p. 83].

2. Второй дополнительный критерий БК посвящён явлению омонимии. Если слово называет не только сам цвет, но ещё и объект похожего оттенка, могут возникнуть сомнения по поводу его принадлежности основным ЦН. Например, английское *turquoise* – это наименование не только цвета, но и полудрагоценного камня сине-зелёного цвета. БК отмечают, что статус основного у ЦН *orange* тоже мог казаться сомнительным, если бы оно не прошло успешно проверку первыми четырьмя критериями [Berlin, Kay, 1969, p. 6]. Образование ЦН от названий конкретных объектов – явление нередкое, и суть данного критерия в том, что значение основного ЦН должно быть полностью отделено от значения объекта-прототипа. Лексемы могут совпадать по форме, но их значения должны разойтись в сознании настолько, чтобы стать независимыми друг от друга, хоть это и сложно установить исследователям. Иными словами, чувство цвета должно стать абстрактным и уже не ассоциироваться в сознании говорящего с конкретным объектом.

3. Следующий критерий предлагает исключить из состава основных те ЦН, которые являются недавними заимствованиями. Предложение БК раскритиковано ввиду расплывчатости определения «недавний» [Crawford, 1982, p. 341].

4. Последний из предложенных БК критериев выводит за пределы основных составные ЦН и является вспомогательным самому первому крите-

рию при разрешении спорных ситуаций на предмет того, относится ЦН к монолексемным образованиям или нет.

За выходом в свет книги БК в 1969 г. следует шквал статей – появляется много желающих проверить на деле новую теорию, готовых подтвердить её или опровергнуть. Некоторые из этих трудов приводят к полезным дискуссиям и распространению научной информации по семантике цвета, однако каждый специалист должен понимать, что подобные исследования, в том числе экзотических языков, зачастую представляют собой лишь попытки подогнать изучаемый материал под кажущиеся жёсткими формальные рамки теории БК, вместо того, чтобы отказаться от неприменимых к данному языку критериев вообще. Не стоит думать, что непринятие каких-то критериев будет противоречить всей теории БК. Если исследователь недоволен критериями по тем или иным параметрам, но по-прежнему считает их релевантными для своего анализа, это может привести к искажению полученных данных [Biggam, 2012, p. 32-33].

К.П. Биггам также предлагает избегать в процессе изучения системы ЦН того или иного языка постоянного и неизменного списка критериев, который, по её мнению, превращается в настоящее бремя для исследователей. Последние должны владеть языком в должной мере, чтобы быть способными исключать из рассмотрения непригодные критерии ввиду лингвистических особенностей структуры и узуса, но, к сожалению, первым исследованиям семантики цвета не были свойственны какие бы то ни было обращения к непосредственному знанию изучаемых языка и культуры [ibid., p. 33].

Кроме того, в своей книге К.П. Биггам, будучи заинтересованной в исторических исследованиях, рассматривает предложенные БК критерии с точки зрения их релевантности в диахроническом аспекте и приходит к выводу, что большинство критериев сами по себе недостаточны для определения статуса ЦН, но могут обеспечить дополнительными доводами «за» и «против» отнесения ЦН к основным [ibid., p. 24-33].

Известны и другие варианты решения проблемы выявления основных

ЦО. М. Дурбин предполагает, что основное ЦН должно быть сравнительно коротким словом [Durbin, 1972, p. 270-272], и этот критерий включают в свой список другие исследователи [Hays et al., 1972, p. 1110-1111]. Критерий длины слова признаётся особенно полезным при диахроническом исследовании как проверка выделенных БК стадий развития системы ЦН. Данная идея основана на известном законе аббревиации Дж.К. Зипфа, согласно которому чем чаще слово употребляется, тем короче оно становится. Следовательно, основные ЦО, скорее, будут короче по числу входящих в их состав фонем, чем неосновные. Результаты других исследований длины слова, исходя из фонемного и слогового состава, в английском, французском, испанском и русском языках приводят к выводу о несостоятельности предложенного критерия. Например, во французском и русском есть, по меньшей мере, по одному неосновному ЦН короче самого короткого среди основных, а в английском три самых коротких неосновных ЦН короче, чем шесть основных [Corbett, Davies, 1995, p. 333-335]. Несмотря на обнаружение некоторых соответствий между статусом ЦН и количеством составляющих его слогов, данный критерий всё же представляет сомнительную ценность при определении ранга ЦН.

Внимание уделяется и частоте употребления ЦН в текстах – чем значимее для носителей языка ЦН, тем чаще оно употребляется [Hays et al., 1972, p. 1111-1113]. Согласно полученным данным по семи языкам, в английском наиболее часто встречаются *white* «белый», *brown* «коричневый», *red* «красный» и *black* «чёрный», в испанском – *blanco* «белый» и *negro* «чёрный», во французском – *blanc* «белый» и *noir* «чёрный», в немецком – *weiss* «белый» и *rot* «красный», в румынском – *alb* «белый» и *negru* «чёрный», в японском – *shiro* «белый» и *kuro* «чёрный», в русском – *белый* и *красный*. Учёные полагают, что данный критерий может оказаться полезным и в диахронических исследованиях при определении возраста основных ЦН (они называли их «фокусными»), особенно при большом количестве сохранившихся письменных источников, хотя определение степени репрезентативности текста может

вызвать определённые трудности.

По мнению Р. Болтона, предыдущий критерий можно применить не только к текстам, но и к устной речи. Изучив испанский язык перуанских учащихся от 13 до 26 лет, Р. Болтон обнаруживает заметную разницу в показателях: наименее часто встречающееся основное ЦН *morado* «фиолетовый» (22 из 113) всё равно заметно превосходит показатель самого «популярного» неосновного ЦН *plomo* «серый» (всего 8 из 113). Вызывает вопросы отнесение учёным ЦН *morado* к основным, ведь термин не проходит проверку уже первым критерием: подобно русскому ЦН *фиолетовый*, образованному от названия цветка, *morado* является производным от *mora* «ежевика; тута». Тем не менее, примечательно в результатах тестирования то, что даже наиболее распространённые ЦН *rojo* «красный», *amarillo* «жёлтый» и *verde* «зелёный» встречаются не у всех испытуемых, а у 104, 102 и 101 соответственно [Bolton, 1978a, p. 291]. В процессе обработки полученных данных Р. Болтон формулирует два исключения. Относительно высокие показатели ЦН *celeste* «небесно-голубой» (39 из 113) заставляют Б. предположить его принадлежность к основным [ibid., p. 294]. Напротив, считающееся основным ЦО *gris* «серый» встречается всего 4 раза из 113 возможных. Р. Болтон объясняет это тем, что *plomo*, будучи неосновным для обозначения серого цвета, оказалось более распространённым и невольно нанесло ущерб популярности основного наименования [ibid., p. 293].

Целесообразность применения критерия частоты употребления ЦН в речи подтверждается на основе проведения похожих экспериментов на материале русского, японского и американского английского [Corbett, Davies, 1995, p. 315-316].

Следующий критерий предложен как верный способ определить психологическую значимость ЦН [Haas et al., 1972, p. 1120; Boynton, Olson, 1990, p. 1314-1315]. Смысл критерия в том, что основное ЦН требует меньшего времени реакции по сравнению с неосновным, и результаты экспериментов подтверждают его состоятельность [Corbett, Davies, 1995, p. 313-315], однако

он совершенно не пригоден в исторических исследованиях, так как требует участия в эксперименте носителей языка.

Критерий культурно-исторической значимости, по мнению К.П. Биггам, – последний шанс для определения статуса спорного ЦН, когда все более объективные критерии уже были использованы и не дали однозначного ответа на вопрос [Biggam, 2012, p. 40]. Данный критерий проверяется на примере русских ЦН *синий* и *голубой*. Проблема данных ЦН в том, что при описании некоторых объектов они являются взаимоисключающими [Paramei, 2005, p. 14-15]. Следовательно, если одно из них исключить из числа основных, это приведёт к тому, что подразумеваемые референты вовсе не смогут быть описаны при помощи основного ЦН. Р.М. Фрумкина предполагает, что в подобных случаях нужно прибегать к помощи культурных и исторических факторов. Критикуя работу БК, Р.М. Фрумкина отмечает, что выделение «основных» цветов в противоположность «оттенкам» является культурно-историческим и психологическим фактом, а не психофизиологическим, потому что психофизиологически все цвета для человека равны [Фрумкина, 1984]. Г.В. Парамей поддерживает Р.М. Фрумкину в том, что разделение (между синим и голубым) провоцируется и усиливается культурой носителей языка, так что говорящие сталкиваются с особыми факторами, создающими изменения в цветах, но в других условиях не имеющими такого значения [Paramei, 2005, p. 29].

Некоторые учёные, например, Т. Кроуфорд и Р. Маклори [MacLaury, 1982], – приверженцы минималистского подхода. Т. Кроуфорд предлагает сокращённый минимум критериев для распознавания ЦН, основанный на теории БК, исключив составление списка ЦН информантами, критерий монолексемности и все дополнительные критерии БК, посчитав их неопределёнными и неуместными. Таким образом, универсальное определение основного ЦН выглядит следующим образом:

- встречается во всех идиолектах всех информантов;
- имеет постоянный референт у всех информантов и во всех случаях

употребления;

– не является гипонимом другого ЦН;

– не ограничивается контекстуально, то есть обладает широкой сочетаемостью [Crawford, 1982, p. 342].

В.А. Москович выделяет следующие формальные признаки основных ЦО: наибольшая частота употребления, отсутствие внутренней формы, древность происхождения, односоставность, стилистическая нейтральность, неограниченная сочетаемость [Москович, 1965].

А.П. Василевич активно утверждает мысль о том, что универсальность свойственна не только процессу развития системы основных ЦН в прошлом, но и современному состоянию языков [Василевич, 1987]. Несмотря на мысль об одинаковой физической природе цвета для всех культур, автор отмечает, что использование в качестве точки отсчёта исследования ЦО так называемых основных цветов затруднено тем, что их выделение не представляется одинаковым для всех языков. В процессе изучения ЦО А.П. Василевич предлагает установить все возможные синонимические ряды, различимые носителями языка [там же, с. 55]. Для этого учёный исследует одновременно и объекты действительности – оттенки цвета, и обозначающие их слова, считая этот подход «единственно приемлемым» [там же, с. 6].

В.Г. Кульпина вводит понятия этнопriorитетного и этнорелевантного цветов и формулирует критерии их установления:

- 1) прочное присутствие цвета в языке и культуре народа;
- 2) связь с естественным прототипом;
- 3) широкая сочетаемость;
- 4) участие в создании образа родины в качестве его цветового элемента;
- 5) эстетическая и эмоциональная функция [Кульпина, 2001, с. 422-424].

Описанные выше дополнительные критерии призваны оказать помощь при определении, является то или иное ЦН основным для данного языка или нет. Нужно понимать, что ни один из критериев, каким бы объективным ни был или ни казался, недостаточен сам по себе для принятия решения, и что

приемлемость какого-либо критерия для одного языка вовсе не означает применимость для другого. Исследователи конкретных языков должны подобрать подходящие способы определения статуса ЦН, исходя не из личных предпочтений и удобства, а из особенностей структуры и узуса изучаемых языков. Как только критерии удаётся установить, они должны всегда применяться при анализе конкретного языка.

Кроме того, при изучении систем ЦН исследователь никогда не должен предполагать очевидную принадлежность того или иного ЦН к основным. Каким сильным бы ни был соблазн, необходимо провести предварительный семантический анализ и прийти к максимально объективному заключению, прежде чем делать поспешные и необоснованные выводы. Несомненно, важно знать, какие ЦН являются основными, а какие – нет, однако нельзя накладывать это разделение на все аспекты исследования. В некоторых случаях может быть предпочтительней классифицировать ЦН по другому, более важному признаку.

2.3.2. Эволюция системы ЦН

2.3.2.1. Теория эволюционной последовательности (1969 г.)

Б. Берлин и П. Кей, изучая этимологию цвета, исследуют процесс возникновения и развития ЦО в 98 языках и приходят к выводу о существовании универсального набора из 11 ЦО, выявив иерархию в их значимости. Так, все языки имеют имена для чёрного и белого, которые раньше всех других цветов выделяются человеком. Языки некоторых народов остаются на этой стадии и поныне. Третьим появляется слово для передачи красного цвета, четвёртым и пятым – либо зелёный, либо жёлтый, шестым термином цвета становится синий, седьмым – коричневый, а далее в разном порядке в язык включаются фиолетовый, розовый, оранжевый и серый. Таким образом, выделяется семь стадий развития языков, и эволюция системы ЦО, по мнению авторов, соответствует уровню технического и культурного развития общества [Berlin,

Кау, 1969, р. 2-3]. Все развитые индоевропейские языки находятся на стадии VII, но можно найти примеры языков, представляющих любую из шести предыдущих.

Этнографы, в целом, поддерживают взгляд на цвет как на культурную реалию и идею поступательного развития системы ЦО. Однако они упрекают теорию БК в отсутствии конкретного исторического анализа хозяйственно-трудовой деятельности, которая как раз и детерминирует структуру цветовых понятий [Василевич и др., 2011, с. 17].

Критика работы БК касается нечётко установленных исследовательских методов и некоторых пробелов в информации. М. Дурбин подчёркивает, что в книге нет достаточно данных об опросе носителей 20 языков на территории Сан-Франциско [Durbin, 1972, р. 258]. Неизвестно, в частности, в одном ли месте происходило тестирование всех информантов, были ли исследователи знакомы с информантами и владели ли экспериментаторы изучаемыми языками. Н. Хикерсон отмечает, что количество информантов по каждому языку также осталось неизвестным, хотя авторы признают, что в некоторых случаях тестирование проходил всего один носитель языка. Кроме того, среди информантов было много билингвов, что могло существенно повлиять на полученные результаты [Hickerson, 1971, р. 260-261; Berlin, Kay, 1969, р. 7]. Н. Хикерсон также критикует работу БК за несбалансированность выбранных для исследования языков, с точки зрения как их географии, так и происхождения, игнорирование механизмов языковой аккумуляции и смешения с другими языками, использование устаревших данных, явные несоответствия при определении принадлежности основным ЦН и упрощение интерпретаций тех или иных ЦН для того, чтобы подогнать их под определённые стадии последовательности [Hickerson, 1971, р. 261-268; Saunders, 1995, р. 24-26]. Конечно, такие процессы имели место, но стандартизация не всегда носила субъективный характер, как это представлено некоторыми критиками [Kay et al., 2009, р. 14].

Но прежде всего, теория БК обвиняется в том, что общее состояние ин-

теллектуального и культурного развития общества якобы оценивается по его положению в эволюционной последовательности, и в том, что языки с меньшим количеством категорий считаются примитивными. Такая реакция на последовательность, по мнению К.П. Биггам, может быть вызвана неверной трактовкой понятия «эволюционный». Слово имеет несколько значений, и одно из них, биологическое, ссылается на всем известное развитие человека от обезьяны, что и приводит к тому, что критики воспринимают теорию как описывающую устойчивый и необратимый прогресс от примитивных обществ к вершинам интеллектуальных и технологических достижений, представленных западными государствами. К.П. Биггам понимает под эволюционным «постепенное и естественное развитие», то есть последовательность БК всего лишь указывает на то, что прибавление категорий цвета происходит постепенно с течением времени, и нет никакой необходимости оценивать как-либо разные её стадии, раз язык, находящийся на стадии I, удовлетворяет потребностям общества не хуже, чем расположившийся на стадии VII [Biggam, 2012, p. 91].

Утверждение БК о том, что существует определённая связь между количеством основных категорий цвета в языке и уровнем культурного развития [Berlin, Kay, 1969, p. 16-17] некоторые принимают за оскорбление, хотя определённая корреляция существует. Общество, живущее в преимущественно естественном окружении и создающее инструменты из натуральных материалов, имеет гораздо меньше потребности в развитии абстрактных категорий цвета по сравнению с обществом, производящим, к примеру, огромное количество промышленных товаров, включая разного рода краски и много других предметов, которые могут отличаться лишь по цвету (автомобили, одежда и мн. др.). Устройство последнего общества считается не превосходящим первое, а более сложным, комплексным и, как следствие, требующим дальнейшего развития системы ЦН.

Многие специалисты при критике эволюционной последовательности упускают из внимания, что с самого начала порядок появления в языке кате-

горий цвета был установлен авторами лишь «частично» [Berlin, Kay, 1969, p. 5], тем самым отрицалось буквальное понимание «универсальности». С 1969 г. и по сей день БК и их коллеги совершенствуют и развивают методику лингвистических и антропологических исследований цвета. В основе их диахронической гипотезы лежит эволюционная последовательность, которая сама по себе тоже непрерывно развивается, будучи готовой принимать во внимание научные открытия и обеспечивая глубокую удовлетворённость тем из нас, кто хочет верить в осмысленность и закономерность человеческих поступков.

2.3.2.2. Развитие теории эволюционной последовательности

Привычным для многих является упоминание теории БК 1969 г., и, к сожалению, немногие исследователи знают, что существуют и более поздние версии концепции, основой для которых служат дальнейшие изыскания.

В 1975 г. П. Кей пересматривает некоторые аспекты их с Б. Берлином теории 1969 г. Главной причиной этому послужила работа Э. Рош Хайдер [Rosch Heider, 1972a] на материале системы ЦН языка дани (Папуа Новая Гвинея), представлявшей собой, по БК, первую стадию развития. Считалось, что в языке дани нет названий цветов, за исключением ахроматических *белого* и *чёрного*. Э. Рош Хайдер выясняет, что система дани устроена не так просто, и помимо «тёмного» и «светлого» в ней всё же имелось некое понятие цвета. П. Кей резюмирует результаты: в языке дани слово *mili*, обозначение тёмного, включает холодные цвета, а *mola*, термин для светлого, — тёплые [Kay, 1975, p. 258].

Кроме того, Э. Рош Хайдер устанавливает, что фокусами категорий первой стадии эволюции являются не чёрный и белый, по БК. Многие информанты соотносят *mili* не с чёрным, а с тёмно-зелёными и тёмно-синими оттенками, а *mola* — с тёмно-красным (в большинстве случаев) или бледно-

розовым. Э. Рош Хайдер уточняет у каждого информанта, не являются ли чёрный и белый образцы лучшими примерами терминов *mili* и *mola*, но ни один из них не соглашается с этим [Rosch Heider, 1972a, p. 451-453]. Исследовательница также обнаруживает, что около половины информантов пользуются ЦН *pimut* или *boksu* для обозначения красного (50%) и *bodli* – для жёлтого (45%), а 28% употребляют ЦО *juaiegen* «синий» [ibid., p. 451-456].

Кроме того, Э. Рош Хайдер вводит в научный обиход понятие «естественного прототипа» и «фокусного цвета». Её первоначальной задачей становится изучение психологического аспекта семи фокусных цветов (белый, чёрный, красный, жёлтый, зелёный, синий, коричневый). Проведя ряд экспериментов, учёная приходит к выводу, что именно эти цвета соответствуют изначально свойственным человеку прототипам, детерминированным не столько социально, сколько биологически (они заложены в человеческом сознании от рождения, и мы воспринимаем это как данность). Согласно Э. Рош Хайдер, фокусные цвета лучше воспринимаются, чем нефокусные, стабильно выделяются среди множества близких оттенков, могут рассматриваться как денотат соответствующего основного ЦН, дольше сохраняются в кратковременной и удерживаются в долговременной памяти, а имена фокусных цветов быстрее воспроизводятся в заданиях, ориентированных на называние цвета, и раньше других цветов усваиваются детьми [Rosch Heider, 1975, p. 310].

К началу 70-х гг. становится ясно, что установленные стадии эволюционной последовательности нуждаются в переосмыслении. В 1969 г. БК замечают, что японское *ao* обозначает и синий, и зелёный [Berlin, Kay, 1969, с. 42], а к 1975 г. уже очевидно, что такие сине-зелёные категории присущи многим языкам: агуаруна [Berlin, Berlin, 1975, p. 71-72, 81-83], эскимосский [Heinrich, 1973], западно-футунский [Dougherty, 1974]. Новые данные заставляют П. Кея внести изменения в теорию:

Стадия I: БЕЛЫЙ и ЧЁРНЫЙ

Стадия II: + КРАСНЫЙ

Стадия IIIa и IIIb: + СИНЕ-ЗЕЛЁНЫЙ (IIIa) *или* + жёлтый (IIIb)

Стадия IV: + жёлтый *или* + СИНЕ-ЗЕЛЁНЫЙ

Стадия V: + зелёный *и* + синий

Стадия VI: + коричневый

Стадия VII: + фиолетовый *и/или* + розовый *и/или* + оранжевый *и/или* + серый [Кау, 1975, р. 260].

Заглавными буквами П. Кей обозначает макрокатегории, а строчными – фокусы. Так, категория БЕЛЫЙ включает белый, очень светлые оттенки всех цветов, все тёплые цвета, как с белым, так и с розовым или красным в качестве фокуса. ЧЁРНЫЙ включает чёрный, некоторые очень тёмные коричневые и фиолетовые оттенки, все кроме самых светлых синих и зелёных, с возможными чёрным, тёмно-зелёным или тёмно-синим фокусами. Появление категории КРАСНОГО означает переход в неё всех тёплых оттенков из древней категории БЕЛОГО. На стадиях III и IV появляются либо категория GRUE – СИНЕ-ЗЕЛЁНЫЙ (green + blue = grue), либо жёлтый цвет, а на стадии V единая категория СИНЕ-ЗЕЛЁНЫЙ расщепляется на зелёный и синий [ibid., р. 260].

Версия БК 1969 г. подразумевает, что на ранних стадиях эволюции большие пространства цвета остаются не названными никаким основным ЦН, пока работа Э. Рош Хайдер не вызывает в этом сомнений. Таким образом, последовательность 1975 г. учитывает точку зрения о том, что ранние макрокатегории покрывают ВСЁ цветовое пространство, а последующие подразделения этих больших категорий ведут к увеличению числа простых одноцветных. Подразделение макрокатегорий может быть длительным процессом, однако не все общества чувствуют потребность в подобных подразделениях ради увеличения числа простых категорий цвета и могут довольствоваться их меньшим количеством до тех пор, пока (и если) не появится необходимость в развитии.

Следующее обновление теории П. Кей публикует в соавторстве с Ч. Макдэниелом в 1978 г., оно обозначает всё возрастающий интерес к ней-

ро- и психофизиологии зрения и к вопросу о границах между категориями. В своей работе П. Кей и Ч. Макдэниел подытоживают весь накопленный материал по физиологическим и психологическим процессам, вовлечённым в восприятие цвета [Kay, McDaniel, 1978, p. 617-621], стадии эволюционного развития ЦН пересматриваются вновь, и на этот раз в последовательность включаются первоначальные цвета Э. Геринга и ограниченное число их соединений и пересечений. Иными словами, первые стадии превращаются в составные категории, каждая из которых включает в себя более одного первоначального цвета (теория восприятия Э. Геринга заключается в том, что цвета воспринимаются посредством трёх противоположных пар: красный-зелёный, жёлтый-синий и чёрный-белый).

Лучшим решением проблемы обозначения границ категорий становится, очевидно, теория нечётких множеств, заимствованная из математики. Новая теория имеет много общего с представленной в 1973 г. теорией прототипов Э. Рош Хайдер, где некоторые предметы называются типичными, лучшим образом представляющими категорию, а другие располагаются где угодно между лучшим и худшим примерами [Rosch Heider, 1973, p. 112]. Например, фокусный синий мы можем посчитать прототипическим для категории синего, тогда как бледно-голубой имеет на это меньше шансов, зелёно-голубой тоже, а фокусный красный вовсе не имеет шансов попасть в категорию синего. Теория нечётких множеств позволяет избежать необходимости присвоения цвету статуса причастности к той или иной категории, дав возможность лишь указать *степень* членства в категории. П. Кей и Ч. Макдэниел приводят примеры того, что категории цвета скорее являются нечёткими, чем дискретными. В частности, *жёлто-красный*, *бледно-красный*, *насыщенный красный* и др. указывают на степень принадлежности категории КРАСНЫЙ [Kay, McDaniel, 1978, p. 622], в то время как *бирюзовый*, например, не обязан быть приписанным в категорию синего или зелёного цветов, а может быть рассмотрен как имеющий определённую степень принадлежности каждой из категорий.

Порядок появления основных ЦН, опубликованный в 1969 г., представляет собой простую последовательность и включает всего одну встроенную возможность выбора: на третьей стадии общество может добавить ЦН либо жёлтого, либо зелёного. С каждым новым исследованием на материале всё большего количества языков становится ясно, что в последовательность должны быть добавлены такие дополнительные опции, указывающие на разные траектории развития систем ЦН. Особенно большим количеством материала учёных обеспечивают два больших исследования: World Colour Survey (WCS) под руководством Б. Берлина, П. Кея и У. Меррифилда начато в 1976 г. и охватывает более ста языков, подвергшихся минимальному влиянию запада; Mesoamerican Colour Survey (MCS) во главе с Р. Маклори проводится с 1978 по 1981 гг. с участием 900 носителей 116 мезоамериканских языков. Все полученные данные обрабатываются в начале 80-х гг. и приводят к интересным результатам.

В 1985 г. на основе первоначального изучения 72 языков WCS представлена новая последовательность. Помимо перемен в терминологии (две категории стадии I названы «бело-светлой» и «чёрно-тёмной», а термины «тёплый» и «холодный» появляются в стадиях II, III, IV и V), в последовательность добавлены долгожданные опции: стадия III делится на 3 части, а стадии IV-VI включают в себя по две траектории развития [Berlin et al., 1985, p. 384].

В 1991 г. появляется очередное обновление последовательности: стадия III включает уже 5 подразделений, а стадия IV – три [Kay et al., 1991, p. 19]. Схема последовательности также указывает с помощью стрелок направления путей развития, выбранных разными языками в процессе эволюции системы ЦН. Несмотря на то, что не все языки выбирают одну и ту же траекторию, количество опций всё же строго ограничено.

В заключение стоит отметить, что каким бы изменениям ни подверглись различные детали концепции, два принципа теории БК остаются неизменными.

1. Чёрный, белый, красный, жёлтый, зелёный и синий, по отдельности или в сочетании друг с другом, представляют некие ориентиры для восприятия и играют значительную роль в когнитивных системах цвета для большинства обществ мира.

2. Основные категории цвета, как правило, появляются в частично установленном порядке, и очень невелика вероятность того, что категория цвета исчезнет из языка после того, как стала основной [Кау, Maffi, 1999, p. 744; поддержано Кау et al., 2009, p. 8].

2.3.3. Установление прототипов и развитие категорий

Идея соотнесения цвета с его эталонным носителем лежит в основе хорошо известной когнитивной теории А. Вежбицкой [1996; 1999], согласно которой цвета в языке не абстрактны, а связаны с какими-то значимыми для человека объектами во внешнем мире, ассоциирующимися с тем или иным цветом. Несмотря на то, что наименования одного и того же цвета в разных языках не идентичны друг другу с семантической точки зрения, А. Вежбицкая полагает, что фокусы у разных категорий могут быть относительно стабильны, будучи основанными на общем человеческом опыте [Вежбицкая, 1999, с. 283].

Стоит понимать, что прототипы категорий цвета существуют в контексте отдельных языков – снег не может быть прототипом белого для народа, живущего в тропиках. Тем не менее, самые первые категории были образованы в настолько древние времена, что могут относиться к доисторическим универсалиям.

Предприняв попытку установить связь между фокусными цветами и окружающей средой, А. Вежбицкая приходит к выводу о том, что прототипом белого цвета является день, чёрного – ночь, красного – огонь, жёлтого – солнце, зелёного – растительность, синего – небо, коричневого – земля. Автор отмечает, что на сознательном уровне отношения между ЦО и их естествен-

ными прототипами могут не ощущаться, но бессознательно носитель языка активизирует эти связи, что подтверждается в многочисленных психо- и этно- и собственно лингвистических свидетельствах.

Е.В. Рахилина [2010] придерживается противоположной точки зрения, считая невозможным выделить универсальный фокус у ЦО разных языков и полагая, что ЦО редко участвуют в описании предметов с фиксированным цветом. Стоит прислушаться к критике Е.В. Рахилиной – действительно, установить цветовые прототипы для всех языков представляется крайне сложным. Кроме того, нужно учитывать, что многие предметы склонны менять свой цвет в разных ситуациях, поэтому даже если какой-либо объект во всех языках описывается с помощью ЦО, принадлежащих, например, к красной группе спектра, не всегда правильно называть этот объект прототипически красным.

Именно в сравнении двух вышеописанных концепций описания семантики ЦО наиболее ярко видны достоинства каждой из них. А. Вежбицкая предлагает новый способ описания семантики ЦО, исходя из их предметной сочетаемости (этот способ кажется наиболее перспективным при работе как с живыми, так и с мёртвыми языками). Е.В. Рахилина впервые обосновывает важность коннотативного компонента в толковании ЦО, ведь именно коннотации играют важнейшую роль при изменении систем ЦО от праязыка к языкам-потомкам.

Ю.В. Норманская [2005], отчасти подтверждая гипотезу А. Вежбицкой, считает, что и в мёртвых языках существуют прототипические предметы для ЦО, а причины различных несоответствий заключаются либо в наличии разного количества ЦО для одного и того же предмета в разных языках, либо потреблении в разных языках разных ЦО для описания одного и того же объекта.

Дальнейшие исследования А. Вежбицкой показывают, что цвет не входит в число универсальных первичных концептов, а строится на основе подлинно универсального концепта «видеть» [Wierzbicka, 2006, p. 6]. Первый

шаг на пути к созданию системы ЦН – визуальное восприятие человека, и, по мнению К.П. Биггам, высока вероятность того, что древними концептами были «видеть» и «не видеть», прототипы для которых очевидны: день и ночь. Дневной свет и ночная тьма – древнейшие регуляторы жизни человека. Свет олицетворяет активную деятельность и солнечное тепло, а ночной мрак – пассивность, холод и неизвестность. Именно эти ассоциации порождают неизменные для большинства культур положительные значения светлого, белого и отрицательные – тёмного и чёрного. К.П. Биггам предполагает, что древним людям важнее всего было быстро и эффективно понимать то, что было жизненно необходимо для них или, напротив, представляло угрозу [Biggam, 2010, p. 232]. Дневной свет был необходим для охоты и собирательства, производства орудий труда и жилищ, распознавания различного рода угроз, безопасного передвижения и мн. др. Темнота же всегда была для человека условием повышенной опасности. Лингвистическое значение такого важного противопоставления заключается в том, что свет и темнота, играя такую важную роль, должны были быть предметом частого обсуждения [ibid., p. 234-239].

Доказательством того, что после категорий светлого и тёмного в языке появляется категория красного цвета, служат данные 21 языка из изученных БК [Berlin, Kay, 1969, p. 52] и 11 языков из World Colour Survey (WCS). Поэтому разумно предположить, что категории появлялись в том же порядке и в доисторических языках.

А. Вежбицкая предполагает, что прототипом для макрокатегории красного послужил огонь. Наиболее важными элементами этой макрокатегории являются красный и жёлтый, но в неё входят и все остальные тёплые цвета, и все эти оттенки включены в концепт огня (оранжевое и жёлтое пламя, красная пылающая древесина и жареное мясо коричневого цвета). Более того, эта категория, должно быть, развилась из категории светлого и имеет в составе какой-то элемент яркости, типичный для пракатегории и, конечно, для огня. С точки зрения выживания огонь имел решающее значение, обеспечивая теп-

ло в холодное время года и защиту от диких зверей по ночам. Кроме того, огонь позволял готовить еду и давал человеку возможность переселяться в более холодные районы. Огонь также, вне всякого сомнения, внушал древним людям благоговение из-за своей власти превращать ночь в день, причинять боль и дотла разрушать некоторые материалы. Способность разжигать огонь и управлять им была, возможно, самым ранним технологическим достижением человека, и неизбежным представляется заключение о том, что огонь наверняка был предметом для обсуждения, обучения и предупреждения, требуя наличия относительно богатого словарного запаса.

С. Митен [Mithen, 1996] предполагает, что человеческое мышление в самой примитивной форме функционировало на основе небольшого количества модулей, связанных с жизненно важными аспектами доисторической жизни. Эти модули включали в себя сведения о взаимодействии с другими людьми, познании окружающей среды, создании и применении орудий труда и, возможно, некие отдельные языковые навыки. Вероятно, поначалу данные модули действовали отдельно друг от друга, а позже, спустя время, связи между ними окрепли настолько, что знание, полученное в одном модуле, могло применяться в другом. Лёгкость перехода от одного модуля к другому обеспечила изобретательность и креативность с целью преуспеть за более короткий срок [ibid., p. 66-72]. Если такой сценарий развития головного мозга верен (а не все специалисты поддерживают это предположение), К.П. Биггам кажется естественным, что достижение такого уровня когнитивной подвижности (*cognitive fluidity*) могло стать основной предпосылкой для развития концептов цвета, действующих в любом прежде независимом модуле головного мозга [Biggam, 2012, p. 174].

Исследовательница совершает попытку реконструировать возникновение и развитие древних прототипов цвета и соответствующих категорий. По мнению К.П. Биггам, как только мы представим себя живущими в естественных условиях и пользующимися артефактами, сделанными из природных материалов, нам станет ясно, что цвета окружающего нас мира воспри-

нимались бы нами как нечто само собой разумеющееся. Все мы знали бы, какого цвета трава или небо, или море, и не было бы никакой необходимости описывать вербально их внешний вид. А что, если наша жизнь зависела бы от того, сможем ли мы найти какое-нибудь особенное растение для пропитания или уберёмся ли от опасного хищника? В этих обстоятельствах человеческий мозг фиксирует внешний облик жизненно важных или смертельно опасных объектов для последующего распознавания. Например, мозг может отметить размер медведя, его поведение, форму и цвет. Так явление переходит от уровня восприятия к познавательному, но элемент цвета не является независимым концептом, а всего лишь входит в общую систему распознавания медведя.

Спустя время люди могут начать использовать фразы типа «как медведь», подразумевая именно его окраску, и это может привести к образованию неосновной категории цвета. В данном случае необходимо принимать во внимание, что особенности прототипа цвета в виде медведя или другого животного или явления природы обусловлены конкретным обществом, живущим в конкретной области, что подразумевает возможные отличия от языка к языку. Прототип медведя в сознании современного исследователя может значительно отличаться по цвету от соответствующих древних особей, поэтому необходимо изучить этот вопрос и с точки зрения зоологии и археологии. Предложенная схема, тем не менее, описывает лишь происхождение прототипа и не препятствует последующим изменениям концепта под влиянием, например, миграции.

Большинство концептов цвета остаются привязанными к конкретным объектам и, как правило, называются словами, напрямую связанными с этими объектами. Однако некоторые цветовые концепты могут оказаться настолько важными и распространёнными, что впоследствии освобождаются от связи с объектами-прототипами и становятся применимыми в любом контексте и для описания любого объекта соответствующего цвета. Они и превращаются затем в основные категории цвета.

К.П. Биггам предполагает, что мотивацией для развития этих категорий, свободных от контекстуальных ограничений, становится их практическая ценность, основанная на потребности назвать социально важное или опасное явление. Допустим, что под цветом медведя наше гипотетическое древнее сообщество подразумевало красно-коричневый оттенок. Частое использование этого понятия может привести к образованию новой категории путём извлечения красно-коричневого сегмента из существующей макрокатегории красного. Теория перспектив [MacLaury, 1997a; 2002] трактует это развитие как усиление внимания к различию, то есть отличие коричневых оттенков от красных становится всё более заметным, и причиной этому всегда служит объект-прототип (в нашем случае медведь). Как только произошло отделение новой категории, она может расширяться путём распространения на другие сходные оттенки. Красно-коричневый может включить, например, тёмно-коричневый, жёлто-коричневый и другие участки цветового пространства. Чем больше похожих цветов включит в себя категория, тем сложнее и реже она будет ассоциироваться с красно-коричневым окрасом медведя, и это несоответствие, предполагает К.П. Биггам, приведёт к усилению абстрактности категории и возможному включению её в разряд основных. Ведь ключевым свойством основной категории является именно её широкое покрытие, позволяющее соответствующему ЦН преобладать над другими прилагательными цвета. Категория красно-коричневого, основанная на конкретном объекте, со временем может превратиться в категорию коричневого, после чего, в рамках того же процесса, прототип категории также сменится с «цвета медведя» на фокусный коричневый.

Первоначальная мотивированность основного ЦН со временем склонна «увядать» по мере того, как ЦН абстрагируется, и связь между ним и первоначальным прототипом перестаёт быть ясной и очевидной, особенно если формы данных лексем (ЦН и имени прототипа) тоже претерпевают изменения. В конечном счёте, прозрачность ЦН может быть полностью утеряна для носителей языка настолько, что ни один современный носитель англий-

ского не сможет догадаться о прототипе *yellow*, например, исходя из формы лексемы.

К.П. Биггам предполагает, что прототипы имеют огромное значение в происхождении первых категорий цвета, хотя более поздние категории и их подразделения, относящиеся к меньшим участкам цветового спектра, могут развиваться и под влиянием других процессов. Например, поздние категории могут быть основаны на контрастном суждении: фиолетовый может восприниматься как «не синий» и «не красный», тем самым отделяясь от них обоим. Исходя из процесса разделения категорий, можно предположить, что общество, называя разные оттенки зелёного, к примеру, оливковым, изумрудным и пр., стремится заполнить обнаруженные им пробелы в покрытии всего цветового пространства и создаёт для этого новые ЦН.

К.П. Биггам поддерживает Р. Маклори в том, что сокращение макрокатегорий вызвано возрастающим осознанием внутренних категориальных различий, и предполагает, что неоднородность пространства категории осознаётся впервые при знакомстве с новым объектом похожего цвета. Можно предположить, например, что макрокатегория красного с огнём в качестве прототипа раскололась на две части по мере того, как росла значимость вновь познанного объекта жёлтого цвета. С другой стороны, расширение категории от обозначения только одного объекта-прототипа вызвано распознаванием других схожих оттенков – они кажутся настолько похожими на цвет прототипа, что границы категории расширяются для того, что вместить в себя все оттенки. Вновь включённые в категорию цвета могут отличаться от цвета древнего прототипа достаточно, чтобы ослабить его позицию и привести к развитию нового, уже абстрактного прототипа, отвечающего за фокусный оттенок [Biggam, 2012, p. 171-172].

В то время как прототипы категорий светлого и тёмного и, возможно, красного цвета, могут считаться универсальными, позднее развитые прототипы таковыми не являются. Ещё в первой версии последовательности [Berlin, Kay, 1969] выявлена особенно тесная связь между зелёным и жёлтым, и БК

выделяют в стадии III две опции: прибавление зелёного раньше жёлтого или наоборот. В первой версии никакая другая стадия не была разделена. Категория, ранее названная зелёной, в более поздних версиях превращается в сине-зелёную (*grue*), то есть становится ясно, что пространство жёлтого, зелёного и синего не всегда концептуализируется как три разных категории [Kay, Maffi, 1999, p. 748-754; Kay et al., 2009, p. 33-39]. Существует ли прототип, объясняющий такую тесную взаимосвязь жёлтого, зелёного и синего? Возникает предположение, что прототипом послужили зерновые культуры [Biggam, 2010, p. 244]. Нужно отметить, что возделывание злаков, обеспечившее человека сырьём для хлеба и каш, стало самым надёжным средством выживания по сравнению с собирательством. Конечно, процесс выращивания осложнялся погодными условиями и пасущимися дикими животными, в общем, сельское хозяйство оказало важную поддержку населению и привело к осёдлому образу жизни, что, в свою очередь, оказало благоприятное воздействие на развитие цивилизации.

Представим, как люди вложили большую часть сил и времени в надежде на хороший урожай, и стали буквально наблюдать за изменениями цвета: от зелёного (незрелого) к жёлтому (спелому и готовому для сбора). По мере того, как злаки созревают, поле из зелёного постепенно превращается в ярко-жёлтое. Вот почему, согласно этой гипотезе, зелёный и жёлтый цвета так тесно связаны в эволюционной последовательности БК.

В отличие от дня, ночи и огня, злаки могут и не быть универсальным прототипом, так как не все общества занялись сельским хозяйством вообще и выращиванием злаковых культур в частности. Более поздние прототипы цветов, независимо от того, принадлежат они к основным категориям цвета или нет, склонны быть более специфичными для своих культур. Они могут быть представлены красками, животными, фруктами или другими разноцветными объектами, и в таких случаях именно этимология может оказать неоценимую помощь в установлении прототипа того или иного цвета.

2.3.4. Исторический аспект изучения ЦН

Работы Б. Берлина, П. Кея, К.П. Биггам, А. Вежбицкой, Ю.В. Норманской, Е.В. Рахилиной и мн. др. демонстрируют органичную взаимообусловленность когнитивного и исторического аспектов изучения ЦО. Знать историю изучаемой группы слов, их происхождение необходимо, так как такие знания являются основанием, на котором базируются современные теории концептуального изучения цветowych терминов, а история семантики ЦО, в свою очередь, проясняется благодаря установлению семантического первоэлемента.

Эволютивное изучение цветолексики вскрывает архаические истоки ЦО основного цветового спектра. В истории очевидны рост количества ЦО, всё большая дифференциация их функций и привязка к контекстам употребления. Исторический подход предполагает исследование происхождения и развития отдельных слов и групп слов, называющих цвет, изучение процесса формирования групп колоронимов, а также их состава в тот или иной период развития языка.

Н.Б. Бахилина [1975] изучает историю ЦО русского языка на протяжении длительного периода с XI до XVIII вв. в трёх основных аспектах: происхождение, значение, употребление. Согласно наблюдениям Н.Б. Бахилиной, основные ЦО в русском языке сформировались в XI-XII вв. и в памятниках древнейшего периода играют вспомогательную роль, не используя в контексте, где название цвета является единственной целью сообщения [Бахилина, 1975, с. 264].

Особое внимание исследователь уделяет установлению значения как наиболее важной составляющей ЦО. Н.Б. Бахилина считает своей главной задачей определение ЦО, обладающих способностью выражать самым обобщённым образом основное представление о цвете, называя любой его оттенок [там же, с. 265]. Абстрактные ЦО отличаются древним происхождением, неограниченной сочетаемостью и стилистической нейтральностью, не вызывая

дополнительных ассоциаций. Автор относит к абстрактным *белый, чёрный, жёлтый, зелёный*, другие же ЦО рассматриваются как результат развития абстрактных – проводится тщательный анализ истории обозначений красного, синего, коричневого, оранжевого и фиолетового цветов [Бахилина, 1975, с. 108-263].

Т.И. Вендина [1999] изучает проблему этнокультурной значимости ЦО и выявляет диахроническое соотношение категорий цвета – от старославянского к древнерусскому и русскому языкам. В центре исследования находятся основные ЦО русского языка (*белый, чёрный, красный, жёлтый, зелёный, синий, голубой, серый*), служащие деривационной базой для дальнейшего производства имён. На основе лексики, производной от ЦН, привлекая материал русских народных говоров, автор рассматривает вопрос о значимости цвета в жизни человека. Исследование Т.И. Вендиной доказывает, что морфологический состав слов включает в себе множество важной информации о концептуализации мира.

Ю.В. Норманская [2005] в процессе анализа древних и.-е. языков при рассмотрении эволюции в системах ЦО от праязыка к его потомкам, обращает внимание на то, что некоторые ЦО остаются неизменными на протяжении тысячелетий (например, этимоны и.-е. корня **reudh-* «красный» принадлежат к основным ЦО во многих современных и.-е. языках), а другие имена цвета подвергаются изменениям, что зачастую препятствует их семантической реконструкции в праязыке. В соответствии с описанными тенденциями, системы ЦО некоторых языковых семей практически не отличаются от системы своего праязыка, а системы других языковых семей, напротив, кардинально отличаются от ЦО соответствующих праязыков (например, индоевропейский и латинский языки).

С целью интерпретировать подобные траектории эволюции систем ЦО и установить вероятность исчезновения или сохранения того или иного ЦО в языках-потомках Ю.В. Норманская считает необходимым обращать внимание на наличие или отсутствие коннотаций и частотность ЦО. В результате

анализа автор приходит к выводу о том, что высокие шансы на сохранение в большинстве языков-потомков имеют ЦО с высокой частотностью и без коннотаций [Норманская, 2005, с. 245-275].

Мы убеждены, что исторический аспект исследований ЦО, с одной стороны, обогащает наши знания о семантике ЦО, позволяя избежать трудностей с переводом, и, с другой стороны, может оказаться крайне полезным при восстановлении спектральной системы ЦО праязыка и реконструкции эволюции спектральных систем современных и.-е. языков.

ВЫВОДЫ ПО ГЛАВЕ 2

1. Анализ терминов цвета с позиций фоносемантики и, шире, когнитивистики объединяет достижения целого ряда лингвистических и межпредметных исследований – семантики, лексикологии, морфологии, фонетики и фонологии, социо-, психо- и этнолингвистики, этимологии, психологии, культурологии и др. Специфика нашего исследования делает для нас особо значимыми достижения когнитивного и исторического подходов к изучению ЦН.

2. Исследователи природы цвета и ЦН XIX в. в большинстве своём [Gladstone, 1858; 1877; Magnus, 1877; Rivers, 1901] приходили к неверным выводам об отличиях в восприятии цвета у разных народов и в разные исторические эпохи.

3. Наиболее значимой и часто цитируемой стала работа Б. Берлина и П. Кея [Berlin, Kay, 1969], положившая начало семантическим исследованиям цвета. Несмотря на многочисленную критику, теория БК стала первым обширным трудом, где провозглашалась идея универсализма и в той или иной форме отрицалась гипотеза Сепира-Уорфа о неповторимости каждой языковой картины мира.

4. Б. Берлин и П. Кей установили эволюционную последовательность появления ЦН во всех языках, которая подтверждается относительной хроно-

логией основных социально-экономических достижений. Выделяется семь стадий развития ЦН:

Стадия I: белый *и* чёрный

Стадия II: + красный

Стадия IIIа и IIIб: + сине-зелёный *или* + жёлтый

Стадия IV: + жёлтый *или* + сине-зелёный

Стадия V: + зелёный *и* + синий

Стадия VI: + коричневый

Стадия VII: + фиолетовый *и/или* + розовый *и/или* + оранжевый *и/или* + серый.

Универсальность этой последовательности может подвергаться сомнению, но её основные положения, как правило, действительно применимы ко всем языковым семьям.

5. БК ввели понятие «основного цветоименования» и выделили несколько критериев для его определения, среди которых односоставность лексемы, отсутствие гипонимических отношений с другим ЦН, широкая сочетаемость, психологическая релевантность, деривационный потенциал и др.

6. Другими учёными [Durbin, 1972; Hays et al., 1972; Bolton, 1978a; Crawford, 1982; Boynton, Olson, 1990; Corbett, Davies, 1995; Кульпина, 2001; Paramei, 2005; Biggam, 2012 и др.] были выделены дополнительные критерии для установления статуса ЦН: длина слова, частота употребления в текстах и в речи, короткое время реакции, культурно-историческая значимость, древность происхождения, опора на естественный прототип и др.

7. Эволютивный аспект изучения ЦН [Бахилина, 1975; Норманская, 2005 и др.] позволяет расширить наши знания об их функциях, роли в эволюции человеческого мышления, социально-символической значимости в жизни общества и других сферах концептуализации мира. В свою очередь, когнитивные процессы, в которых задействованы термины цвета, базируются на уникальном сочетании этнической символики и её непосредственной

обусловленности историей и культурой народа. Именно всесторонний анализ ЦО на основе закономерной взаимосвязи исторического и когнитивного подходов, а также с привлечением фоносемантических методов и этимологических данных обеспечивает более глубокое осмысление языковой картины мира и расширяет наши знания об особенностях соотношения языка и мышления.

ГЛАВА 3. ФОНОСЕМАНТИЧЕСКОЕ И ЭТИМОЛОГИЧЕСКОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ ОСНОВНЫХ ЦВЕТОНАИМЕНОВАНИЙ РУССКОГО И ИСПАНСКОГО ЯЗЫКОВ

3.1. Методологический алгоритм исследования

Более полувека назад известный филолог Я. Малкиель писал о запущенности исследований звукоизобразительности, подчёркивая, что это приводит к трудностям этимологизации. Учёный выразил надежду, что незаслуженно дискредитированный звукосимволизм сможет укрепить свои позиции с появлением и развитием психолингвистики [Malkiel, 1962, p. 218].

Спустя четверть века выдающийся русский этимолог В.И. Абаев по-прежнему с сожалением отметил «методологический застой» в этимологии и в качестве одного из способов его преодолеть указал на звукосимволизм, настаивая на том, что этимологические словари следует пересмотреть с целью повышения их ценности путём наиболее полного выявления звукосимволических слов [Абаев, 1986а, с. 8, 16-20; 1986б, с. 37].

Вынуждены признать, на сегодняшний день методика этимологических исследований звукосимволических слов всё ещё остаётся неразработанной и малопривлекательной. В целом, среди этимологов продолжает господствовать скептическое отношение к звукоизобразительности – наследство догматических постулатов о произвольности языкового знака и о морфеме как минимальной значимой единице языка.

Исследователи подчёркивают, что в ходе своей эволюции многие звукосимволические слова подвергаются своеобразной маскировке – фонетически мотивированные слова стремятся превратиться в обычные конвенциональные обозначения. В таких словах символика звучания «приобретает латентный характер, скрываясь от внимания не только носителя языка, но и исследователя» [Журавлёв, 1974, с. 142]. Поэтому утверждение об иконическом характере языка выглядит неприемлемым – более верным кажется известный постулат Ф. де Соссюра о произвольности языкового знака, так как из-за не-

мотивированности знаков с одним означающим может связаться больше, чем одно означаемое.

Однако перегрузка языковой системы немотивированными словами может привести к торможению семантической памяти, которая должна сохранять все знаки без их возможной опоры на прямую связь между означающим и означаемым. Как отмечает Л. Во, постоянное нарастание словаря в связи с социокультурными изменениями, отражающимися в языке, приводит к тому, что в языковой системе всё сильнее начинает проявляться тенденция к иконичности, реализуя принцип когнитивной экономии [Waugh, 1993, p. 80, цит. по: Колева-Златева, 2008, с. 43].

Несмотря на то, что в работах Я. Малкиеля [1990] рассмотрены отдельные аспекты диахронических исследований звукоизобразительности, и С.В. Ворониным [1990а] сформулированы правила распознавания первично мотивированных слов, цитированные труды не привели к систематическому пересмотру этимологических словарей. Признание универсальности звукоизобразительных слов имеет методологическую важность для этимологии – не должно быть сомнений в существовании слов с прямой связью между формой и значением в любом языке, если не на современной стадии развития, то на более ранней.

Ж. Колева-Златева целью своей монографии [2008] ставит формулирование и систематизацию теоретических постановок, исследовательских приёмов и процедур, на которых должно основываться распознавание звуко-символических слов в этимологическом анализе. Ж. Колева-Златева подчёркивает, что для каждого конкретного случая этимологизации необходимо учитывать общую картину формально-семантических данных звуко-символических слов в исследуемом языке, а также в родственных ему языках. Также необходимо привлекать исторические данные, принимать во внимание гипотезы словарей и отдельных этимологических исследований [Колева-Златева, 2008, с. 20].

Остановливаясь более подробно на методологии, Ж. Колева-Златева

формулирует совокупность процедур, порядок их применения для исследования звуко-символических слов в языке. В качестве основы берётся общепринятая методика этимологизации обычных слов, в которую включены:

- определение заимствованного или исконного характера слова;
- определение времени его возникновения;
- реконструкция формы слова и определение этапов ее изменения;
- семантическая реконструкция, в том числе определение мотивирующего признака и уточнение промежуточных звеньев семантического развития;
- определение этимологического гнезда слова [Колева-Златева, 2008, с. 77].

Безусловно, работа Ж. Колевой-Златевой ценна обоснованием необходимости совершенствования методологии этимологических изысканий путём более пристального внимания к звукоизобразительной лексике. Однако, согласно нашей концепции (и в этом её главное отличие от подхода Ж. Колевой-Златевой), звукоизобразительная лексика является ядром лексико-семантической системы языка – располагаясь в самом центре изучаемого пространства, именно звукоизобразительные единицы дают основу для развития остальных слов, воспринимаемых как произвольные. Таким образом, по нашему глубокому убеждению, все слова языка являются звукоизобразительными в той или иной степени – либо примарно мотивированными, либо восходящими к таковым. Тезис о первичной генетической звукоизобразительной сущности языка позволяет нам рассматривать примарно мотивированные слова не в отрыве от основного массива лексики, а, напротив, разместив их в самом центре системы.

Этимолого-фоносемантический подход к изучению лексики не только обусловил выработку уникальной методики, но и определил последовательность этапов анализа слов вообще и цветообозначений в частности:

1. Начальным этапом исследования становится лексическая выборка. Исходя из предмета изучения, в качестве материала исследования нами вы-

браны БЛ-, ЧР-, КР-, ЖЛ-, ЗЛ-, ГЛ-, СМ-, СН-, СР-лексемы русского и ВЛ-, N-, RJ-, RC-, RQ-, RG-, RZ-, RS-, AM-, VR-, AZ-, LS-, LZ-, GR- лексемы испанского языков, включающие основные наименования белого, чёрного, красного, жёлтого, зелёного, синего и серого цветов в изучаемых языках. Под БЛ-лексемой, в частности, мы подразумеваем любое слово, имеющее согласные [Б] и [Л] в качестве начальных, рассматриваются не только контактные сочетания (например, *блоха, блуд*), но и дистантные (*большой, булка*), причём звукоизобразительный потенциал гласных в рамках данной работы не учитывается. То же касается и всех остальных звукосочетаний и соответствующих лексем.

Следует отметить, что материал исследования может быть расширен на основе теории о фонемо- и морфемотипах – например, поле БЛ-лексики может быть дополнено ПЛ-лексикой, исходя из общих места и способа образования согласных ([Б] и [П] являются смычными губно-губными звуками) и, как следствие, идентичных звукоизобразительных возможностей, обусловленных именно акустико-артикуляционными сходствами двух фонем. Однако целями данной работы ограничен столь широкий подход к установлению первоисточников той или иной лексемы, подразумевающий изучение практически всего словарного фонда языка.

2. Следующий шаг – составление ФСП для каждого выбранного фрагмента лексики путём установления первично звукоизобразительных ядерных и развившихся на их основе периферийных значений. Результатом составления ФСП становится выявление семантической организации внутри полученной системы – определение гиперсем и соответствующих им макрополей, а также вторичных значений и микрополей. Подробно описываются и обосновываются семантические переходы внутри системы как на уровне отдельных значений, так и на уровне микро- и макрополей. Отметим, что реконструкция многих значений носит комплексный характер, вследствие чего нами указывается несколько предположительных путей развития тех или иных сем и отмечается, что большое количество внутрисистемных связей и пересечений не свиде-

тельствует о сомнительности высказанных гипотез, а, напротив, подчёркивает обоснованность развития того или иного значения в изучаемом пространстве и включения тех или иных лексем в конкретные микро- и макрополя.

3. Третий этап – этимологическое исследование всех без исключения слов, вошедших в ФСП. Постулируемые фоносемантические интерпретации лексем и системные связи внутри пространства сопоставляются с этимологическими данными, в случае необходимости предварительно указанные внутрисистемные связи корректируются. В случае обнаружения лексем, производных от и.-е корней на другие согласные, таковые исключаются из ФСП.

Как правило, данные этимологических словарей не противоречат ранее обозначенным путям семантического развития. В силу описанной «неполноценности» этимологических словарей, обращение к ним редко может помочь в решении трудностей, возникших на ранних этапах исследования. Напротив, наш уникальный подход способен обеспечить этимологов новыми ценными гипотезами возникновения тех или иных лексем, происхождение которых в словарях обозначается как неясное, спорное или затемнённое.

В соответствии с темой и целями исследования, наибольшее внимание уделяется микрополю, включающему цветное значение – именно эта траектория эволюции гиперсемы интересует нас более остальных, анализируется самым тщательным образом, в спорных случаях озвучиваются несколько гипотез, и интерпретируется наш выбор в пользу одной из них.

Непростым для решения оказался вопрос заимствований. Исходя из цели нашего исследования, установить первоисточники номинации цветов в двух индоевропейских языках, а также учитывая выработанную методологию, элементом которой является возведение лексем к конкретным и.-е. корням, мы посчитали целесообразным не включать в наши фоносемантические поля слова тюркских, семитских и других неиндоевропейских языков. С ними проблемы возникают лишь при неясной этимологии – подобные спорные случаи разрешаются на наше усмотрение.

Что касается лексем, восходящих к латинскому, греческому, персид-

скому и другим и.-е. языкам, мы рассматриваем все этимологические версии, в случае необходимости выдвигаем дополнительные гипотезы и определяем несколько соответствующих траекторий развития. Как бы то ни было, мы стараемся не игнорировать непонятные нам слова и не ограничиваться причислением их к «неясным», несмотря на то, что, на первый взгляд, они могут не очень гармонично входить в воссозданную нами систему. Поэтому ни одно слово не остаётся за рамками исследования, оно, в крайнем случае, не входит в ФСП, но обязательно подвергается тщательному анализу. В наиболее спорных ситуациях, следуя примеру предшествующих этимологических изысканий, мы приводим все состоятельные версии, комментируя их и указывая, какая из них кажется нам наиболее приемлемой.

4. После досконального этимологического анализа лексем современного языка и на основе данных об их производности от и.-е. языка мы переходим к разбору корневой системы праязыка, сосредоточив своё внимание на корнях с теми же начальными согласными, что и у корня-первоисточника цветового значения. Среди множества корней выделяются гиперсемы, далее устанавливаются протосемы – ограниченное число семантических первоэлементов, давших начало всей лексической системе языка. Ядерные семы определяются и обосновываются, исходя из акустико-артикуляционных свойств начальных звуков и их ономотопеического и звукосимволического потенциала.

Особое внимание уделяется так называемым омонимичным корням, которых в древнем и.-е. языке насчитывается немало. Путём тщательного семантического анализа реконструируются пути развития значений «омонимичных» корней, демонстрируется их мнимое свопадение по форме, которое в действительности является результатом целого ряда переносов по сходству и по смежности. На конкретных примерах рассматривается также и явление энантиосемии – по причине тех же метонимических превращений у одной формы могут развиваться противоположные значения.

По итогам тщательного анализа корневой системы формируется ФСП,

аналогичное уже составленному на основе лексем современного языка. Проводится сопоставление, устанавливаются корреляции между семантической организацией внутри выбранного фрагмента лексики современного языка и участка корневой системы и.-е. языка. Структура ФСП и их гиперсемы практически полностью совпадают, что говорит не только о генетической связи праязыка и его потомков, но и об универсальных звукосимволических свойствах фонем и тенденциях семантического развития.

5. Описанным выше образом анализируются все ЦН, формулируются внутриязыковые выводы, и на завершающем этапе исследования проводится компаративный анализ полученных результатов в двух языках. Выявляются общие семантические свойства и тенденции в номинации ЦН, а также индивидуальные особенности фоносемантики ЦО в русском и испанском языках.

Подобный алгоритм исследования может использоваться как для «локального» изучения других ЛСГ, установления первоисточников любого выбранного значения, так и для сплошного, тотального фоносемантического анализа лексики языка на основе разбора всей корневой системы и.-е. праязыка. Стоит отметить, что порядок проведения и описания исследовательских процедур может нарушаться – например, в некоторых случаях бывает более целесообразным привести сначала результаты фоносемантического исследования протокорней, а затем приступить к описанию современной лексики. Последовательность осуществления и описания этапов проведённого анализа не имеет решающего значения и может подвергаться изменениям в зависимости от полученных результатов.

3.2. Наименования белого цвета

3.2.1. Белый

Несмотря на то, что наша исследовательская методика под начальным этапом подразумевает анализ языка в его современном состоянии и далее поэтапно доходит до семантического анализа индоевропейских протокорней, значения которых затем обосновываются с точки зрения звуко-смысловых со-

ответствий, ввиду идентичных первоисточников наименований белого цвета в обоих языках описание осуществлённого анализа мы предпочитаем начать с характеристики звукоизобразительного потенциала звуков, обусловленного их акустико-артикуляционными признаками.

Лабильность смычного [В] указывает, прежде всего, на понятие округлости, а его взрывной характер и сильное отталкивание губ друг от друга могут изображать удар, бульканье или кипение. А.Б. Михалёв полагает, что раздувание щёк перед выбросом воздуха способно символизировать нечто объёмное, раздутое (вдобавок к уже отмеченному понятию округлости). Кроме того, за губными звуками закреплена возможность изображения различных проявлений буккальной деятельности (говорить, есть, дуть и др.) Латеральный сонант [L] на основании характерного жеста языка при его артикуляции связывается с чем-то жидким. В свою очередь, значение «Жидкий» даёт развитие другим семам: «Течь/Лить», «Плавный/Гладкий», «Скользкий», «Лёгкий», «Липкий» и др. [Михалёв, 1995, с. 94-95].

Следующий этап – обращение к словарю Ю. Покорного с целью дать семантическую оценку и.-е. корней на ВНL- и VL-. Даже поверхностный взгляд выявляет значительное количество смежных и даже совпадающих значений, более тщательный анализ подтверждает это наблюдение. В центре изученного фрагмента корневой системы находится ономотопеическая гиперсема «Звук/Шум», представленная, в основном, двумя макрополями: «Буккальная деятельность» и «Мануальная деятельность» (за их пределами остаётся лишь звукоподражательный корень **bhei-* «пчела»). Первое макрополе разделяется на два меньших:

– ГОЛОСОВОЕ ЗВУКОИЗВЛЕЧЕНИЕ (**bau-* «звук лая», **bē-*, **bā-* «блеяние овцы», **blē-* «блеять», **bhlē-* «выть, плакать», **baba-*, (**bal-bal-*, **bar-bar-*) «грубая речь», **bhā⁻²* «говорить», **bhel⁻⁶* «звучать, говорить», **blat-* «болтать»);

– ДУТЬ/НАДУВАТЬ, давшее основу целому ряду практически совпадающих по своей семантике корней (**baxb-*, *bhaxbh-* «набухать, раздуваться»,

*b(e)u⁻², **bh(e)ũ*- «набухать, пыхтеть», **bhelġh*- «набухать, раздуваться», **bhleg*^w- «набухать, раздуваться», **bhlei*⁻² «набухать, раздуваться», **bhleu*- «дуть; набухать, течь»).

На примере значения последнего корня проявляются указанные выше символические свойства начальных согласных: [B] отвечает за «Дуть/Набухать», [L] – за «Течь», и с точки зрения логики семантического развития, данный переход («Дуть» > «Набухать» > «Лопаться» > «Течь») вполне оправдан. Приведённые корни, развитые на основе первичной звукоизобразительности составляющих их звуков, дают основу для метафорического и метонимического развития других значений: **bhel*⁻³, **bhlē*- «расти, распространяться», **bheu*-, **bheuə*- (**bhūā*-, **bhūē*-), **bhōu*-, **bhū*- «быть; расти», **bhel*⁻⁴, **bhlē*-, **bhlō*-, **bhlə*- «листок, цветок»; **bhlēd*-, **bhłd*- «кипятить; болтать, хвастаться» и **bu*- «губа, поцелуй» (пересечение с семой «Буккальная деятельность»); **bol*- «клубень, бугор» и **bhabhā*- «фасоль» (пример развития значения «Округлый» из «Дуть/Надувать»).

Ко второму макрополю «Мануальная деятельность» мы относим, в первую очередь, звукоподражательные **b(e)u*⁻¹, *bh(e)u*- «звук удара», а также следующие совпадающие по значению корни: **bhlaġ*-, **bhliġ*- «бить», **bhāu*⁻¹ «бить, ударять», **bheld*- «стучать, ударять». Следующим элементом гиперсеммы «Резать/Бить», помимо значения «Бить/Ударять», являются смежные «Резать» (**bel*⁻¹ «отрезать»), «Трясти» (**bal*-, **balbal*- «трясти, танцевать»). Значение «Резать/Бить» развивается в **bhōi*- «Бояться», «Портить/Наносить вред», откуда: **bhlēu*⁻² «плохой», **bheleu*- «ударять; слабый, больной», **bh(e)lāg*- «слабый, смешной», **bhleus*- «слабый, мягкий». Последние значения пересекаются с семой «Лёгкий», олицетворяемой формантом [L].

Отчасти именно этими «пересечениями» и «совпадениями» мы склонны объяснить наличие в изучаемом фрагменте корней тех значений, которые можно отнести к разным семам. Например, развитие значения корня **bel*⁻² «сильный» может быть обязано как гиперсеме «Резать/Бить» (таким образом, возникает явление энантиосемии: от одного значения развиваются противо-

положные «Слабый» и «Сильный»), так и из «Дуть/Надувать» (> «Объёмный/Большой» > «Сильный»). В пользу первой версии также говорит мнимая, на наш взгляд, омонимичность корней **bel-¹* «отрезать» и **bel-²* «сильный». Кроме того, согласно статистическим подсчётам В.В. Левицкого, значение «Причинять вред» образует сильные связи с «Резать», «Большой», «Сильный» и др. [Левицкий, 2008, с. 56].

Корни **bhē-* «греть, жарить», **bhleu-* «гореть, сжигать» могут развиваться, с одной стороны, из упомянутого выше значения «Кипеть/Булькать» (от «Дуть»), либо быть связанными с **bholo-* «дым, пар» («Дуть» > «Пыхтеть»), а с другой стороны – из «Резать/Бить». В пользу второй версии – гипотезы М.М. Маковского [1988, с. 38; 1989, с. 24], В.В. Левицкого о возможной связи «Резать» и «Дым». Последний предполагал такие траектории семантического развития: «Резать» > «Делать» > «Делать огонь»; «Резать» > «Двигаться» > «Дрожать» > «Дымиться» [Левицкий, 2008, с. 53].

Корень **bhlōk-* «шерсть, ткань», по нашему мнению, развивается либо из звукоподражательного **blē-* «блеять» на основе двойного метонимического переноса («Блеяние» > «Овца» > «Шерсть»), либо из «Дуть/Надувать» (> «Накрывать/Покрывать»). Значение корня **blou-* (**bhlou-*, **plou-*) «блоха» могло развиваться на основании сходства с пчелой (**bhei-* «пчела», дополненное «лёгким» [L]) или от значения «Скакать», смежного с «Трясти» от гиперсемы «Резать/Бить». Корень **bhel-⁵* «брус, балка» представляется нам продолжением семантического развития других значений **bhel-*: «Листок, цветок» и «Расти»: «Расти» > «Удлиняться/Длинный» > «Брус, балка».

Абсолютное совпадение приведённых нами выше артикуляционно-символических значений с семантикой и.-е. корней на ВНЛ- и ВЛ- может показаться удивительным и неоправданным, но, по нашему глубокому убеждению, анализ корневой системы праязыка с точки зрения фоносемантики в очередной раз подчёркивает отнюдь не псевдонаучный статус этой дисциплины и доказывает, что звукоизобразительность действительно служит базой для дальнейшего развития лексико-семантической системы языка.

Об и-е. корне **bhā-*, обозначающем «Звук» (**bhā⁻²*) и «Свет» (**bhā⁻¹*), сказано уже немало [Левицкий, 2000; 2001; Михалёв, 2012б]. Значение «Звук», согласно результатам анализа В.В. Левицкого, связано со значениями «Цвет» и «Блестеть», и все они возникают на базе значения «Прерывистое движение» [Левицкий, 2008, с. 51]. В рамках нашего исследования сема «Светить» производна от ядерной звукоизобразительной гиперсемы «Звук/Шум», объединяющей в себе, в том числе, и значение «Прерывистое, быстрое движение».

Значением «Светить» объединено немалое количество практически идентичных и.-е. корней: **bhā⁻¹*, **bhō-*, **bhə-*, **bhāu⁻²*, **bheleg-*, **bhleiq-*, **bhles-*, **bhlēiġ-*, *bhlīġ-*, **bhlei⁻¹*, **bhlēu⁻¹*. Эти корни дали развитие следующим, уже включающим цветовой компонент: **bhel⁻¹*, **bhela-* «блестящий, белый», **bhel⁻²* «белена», **bhlaido-s-* «бледный», **bhlendh-* «бледный, красноватый», **bhlē-uo-s-* «синий, золотой». Возможно, именно от «положительного» значения «Светить» развились и **bhili-*, **bhilo-* «гармоничный, дружелюбный» и **bhlagh-men-* «священник».

Таким образом, мы тщательно исследовали все и.-е. корни на ВНЛ-, ВЛ-, а также те, которые образованы только одним согласным – начальными В- или ВН-. Отдельного внимания заслуживает затронутое нами явление омонимии. В данном корпусе корней оно представлено следующими формами: **bel⁻¹* «отрезать» и **bel⁻²* «сильный», **b(e)u⁻¹* «звук удара» и **b(e)u⁻²* «набухать, пыхтеть», **bhā⁻¹* «светить» и **bhā⁻²* «говорить», **bhlēu⁻¹* «светить», **bhlēu⁻²* «плохой», **bhlei⁻¹* «светить» и **bhlei⁻²* «набухать, раздуваться», **bhel⁻¹* «блестящий, белый», **bhel⁻²* «белена», **bhel⁻³*, **bhlē-* «расти, распространяться», **bhel⁻⁴*, *bhlē-*, *bhlō-*, *bhlə-* «листок, цветок», **bhel⁻⁵* «брус, балка», **bhel⁻⁶* «звучать, говорить». Отталкиваясь от тезиса о первичной генетической звукоизобразительности языка, именно звукоподражательные и звукосимволические значения мы считаем ядерными и давшими начало всем остальным. Примечательно то, что семантические компоненты, объединяющие корни с одинаковыми начальными согласными, совпадают с теми, которые сближа-

ют и полностью идентичные («омонимичные») корни. Это говорит о регулярности и неслучайности семантических переходов и об обусловленности ядерных значений корней акустико-артикуляционными свойствами составляющих их звуков.

Возвращаясь к предмету нашего исследования, отметим, что к и.-е. корню *bhel*⁻¹ «блестящий, белый» этимологи возводят как русское, так и испанское ЦН *белый* и *blanco* [Фасмер, 1996, т. 1, с. 149; Черных, 2001, т. 1, с. 383; Corominas, 2011].

В функции ЦО *белый* появилось в самых первых памятниках (XI в.) и уже тогда имело неограниченную сочетаемость. В некоторых контекстах слово ещё долго сохраняло значение «сверкающий, сияющий белизной», а сам белый цвет в христианской символике знаменовал причастность к ангельскому чину, лику святых и пр. Долгое время это слово было единственным для обозначения белого; исключение составляло *бронный*, но оно служило только для названия масти лошадей [Василевич и др., 2002, с. 12].

Н.Б. Бахилина также отмечает, что к XI в. слово уже пережило свою историю как ЦО и является абстрактным для названия этого цвета, поэтому история данной лексемы не может быть описана на основе имеющихся памятников [Бахилина, 1975, с. 266]. Что касается первичных объектов, наиболее отчётливо передающих обобщённые, абстрактные цвета, белый сравнивается с цветом снега, молока (что привычно для современного человека), но также волны, руна, сыра, мрамора, пены, бумаги, полотна, ваты, чеснока и др. Кроме того используются сравнения, выраженные сложными прилагательными «снегобелый, снегоподобный, белоснежный, снежный, снеговой» [там же, с. 10].

Следующим этапом нашего комплексного анализа становится рассмотрение БЛ- и ВЛ-лексики русского и испанского языков соответственно. Материалом исследования русского ЦО послужил лексикографический корпус, включающий слова с начальными БАЛ-, БЕЛ-, БИЛ-, БЛ-, БОЛ-, БУЛ-, БЫЛ- (далее – БЛ-лексемь).

Из ФСП предварительно исключены производные от слов, не относящихся к БЛ-лексемам (*былина* от *быть*, *блин* от *млин*, *балласт* от герм. *barlast*), производные от географических имён (*болонка* от *Болоньи*), общенная лексика и однокоренные слова. Также в силу заявленной цели нашего исследования, а именно анализа семантического развития и.-е. корней, из предмета изучения исключены слова тюркского и семитского происхождения (*балык*, *булат* и мн. др.).

Ядро семантического пространства БЛ-лексики (см.: Приложение, Рис. 1) составляет исконно звукоподражательная гиперсема «Звук/Шум» (*бала лайка*, *бултых*). Одна из траекторий её развития – значение «Резать/Бить» с производными «Сжимать», «Скакать/Болтать», «Сила» (*близкий*, *блоха*, *болтать*, *боль*, *большой*). Второе «ответвление» – «Буккальная деятельность», включающая значения «Говорить» (*балаболка*, *балагур*, *баламут*, *баловать*, *блясничать*, *блеть*), «Дуть/Надувать» с производным значением «Округлый» (*балахон*, *блюдо*, *блямба*, *булава*, *булка*, *бульженик*, *булькать*, (*буль-буль*), а также *бульон* (от лат. *bulla* «пузырь»), *болт* (от англ. *bolt* «болт»), *балл*, *баллон* (от франц. *balle* «шарик»). Сочетание лабиального взрывного [В] с открытым гласным [А] – прекрасная имитация губной деятельности и интенсивного звучания. В основе большинства лексем микрополя «Говорить» лежит *бала* – образование звукоподражательного характера, имитирующее процесс говорения.

Отдельного замечания заслуживает лексема *баловать*. Этимология этого слова спорная, словари дают разные интерпретации его происхождения. Мы склонны согласиться с М. Фасмером в том, что слово произошло от слав. *балий* «заклинатель, врач» [Фасмер, 1996, т. 1, с. 117] и претерпело в ходе своего развития следующие семантические изменения: «Говорить» > «Заклинать» > «Лечить» > «Баловать».

Лексемы *бултых*, *булькать* также носят звукоподражательный характер – в представленных словах [Л] олицетворяет щёлкающие, хлопающие звуки, присущие артикуляции лингвального форманта.

К производным от и.-е. *bhel-⁵ «брус, балка» относятся, в первую очередь, иностранные заимствования, рассмотренные нами в следующем параграфе (*балка, балкон, бильярд, блок, бульвар* и соответствующие им испанские лексемы *balcón, billar, bloque, bulevar*), а также лексема *болван*. Этимологические словари приводят сравнения лексемы с укр. *бовв́ан* «массивная глыба неопределенных очертаний, идол, болван», белор. *балва́н* «деревянный столб в углу печи, столб, свая», ср.-болг. *балванъ* «изваяние», сербохорв. *ба̀лван* «идол, брус», словенск. *balvân* «идол, бревно, глыба», *bolvân* «идол, глыба», чешск. *balvan* «ком, глыба», польск. *batwan* «большой камень, обломок скалы, глыба» [Фасмер, 1996, т. 1, с. 186]. Ввиду приведённых данных по другим европейским языкам значение слова *болван* могло развиваться и из семы «Большой/Сильный» (от «Дуть/Надувать» или «Резать/Бить»). Эта же сема могла послужить основой для возникновения ряда иностранных слов, производных от значения «Бык»: *булимия* (от греч. *βοῦς* «бык» и *λίμος* «голод»), *бульдог* (от англ. *bull* «бык» и *dog* «собака»), *бульдозер* (от англ. *bull* «бык» и *dose* «доза») – издавна это животное благодаря своим внушительным размерам олицетворяет силу и могущество.

Этимология целого ряда слов в силу их иностранного происхождения будет также рассмотрена в следующем разделе работы на примере испаноязычных аналогов (*бал, балет, баллада (baile, ballet, balada) болид, баллистика (bóvido, balística), билет (billete), блиндаж (blindaje), балюстрада, баяси-на (balaustre)*).

К микрополю «Свет/Блеск» в анализируемом семантическом пространстве, в первую очередь, были отнесены лексемы *белый, бледный, блёклый, блеск, блесна, блик, блиц, благо, блюсти, болото, блат, блеф, блуд*. Русские лексемы, однокоренные слову *белый*, не были включены в ФСП.

Развитие семантики большинства представленных лексем достаточно ясно: «Сверкать» > «Блестящий, светлый». В случае с *благо* имел место метафорический перенос: «Светлый» > «Добрый, благой». Лексему *блюсти* Фасмер связывает с др.-инд. *bódhati* «просыпаться, замечать» [Фасмер, 1996,

т. 1, с. 178], что позволяет нам предположить следующее развитие семантики данной лексемы (с метафорическим и метонимическим переносами): «Светить» > «Рассветать» > «Бодрствовать, просыпаться» > «Наблюдать, блюсти».

Этимология слова *болото* не выяснена до конца, но мы склонны согласиться с исследователями, связывающими *болото* с *белый* ввиду белого цвета болотистых мхов [Фасмер, 1996, т. 1, с. 190].

Значение лексем *блеф* и *блуд* представляется нам результатом следующей цепочки семантических переходов и финального метафорического переноса: «Сверкать» > «Ослеплять» > «Быть ослеплённым» > «Заблуждаться/Ошибаться». Реконструкция семантики данных лексем возможна и по другим траекториям: «Дуть/Надувать» > «Округлый» > «Кривой/Изогнутый» > «Заблудиться» или «Резать/Бить/Связывать/Гнуть» > «Изогнутый» > «Заблудиться».

Повышенный интерес вызвала у нас лексема *блат*, потребовавшая углублённого анализа. Несмотря на большое количество гипотез, этимология слова до сих пор остаётся невыясненной. М. Фасмер говорит о связи с польск. *blat* «укрыватель» из идиша *blat* «посвящённый, согласный» [там же, с. 172]. Наиболее правдоподобной нам представляется версия, по которой слово, появившись в русском языке ещё во времена Петра I, произошло от голл. *blat* или нем. *Blatt* «лист бумаги» и означало список бояр, откупившихся от «позорных» повинностей. К концу XIX – началу XX вв. понятие перешло в преступный мир, а в своём нынешнем смысле вернулось в лексикон в 1917 г. и стало обозначать знакомство или связи, используемые в обход общепринятых правил в ущерб интересам общества. В рамках данного исследования конкретное время появления слова в русском языке принципиального значения не имеет. Важно то, что очевидна аналогия, например, с обозначениями белого цвета в романских и славянских языках. Вследствие таких выводов, лексеме *блат* мы тоже относим к словам, производным от семы «Свет/Блеск».

Лексема *блиц* являет собой яркий пример смежности значений «Быстрый» и «Свет/Блеск», которая и отвечает за выделение в ФСП отдельного од-

ноимённого микрополя: *блиц* обозначает лампу для мгновенной сильной вспышки, используемую при фотографировании. Это значение объединяет в себе два элемента: «Быстрый» и «Блестящий», что и приводит к тому, что в составе сложных слов *блиц-* обозначает нечто быстрое, молниеносное. Явление молнии, кстати, также иллюстрирует смежность значений «Быстрый» и «Свет/Блеск».

3.2.2. Blanco

Испанское наименование белого цвета также является одним из основных ЦО и соотносится с цветом снега. Этимологи восстанавливают путь его развития следующим образом: лат. *blancus* «белый» < герм. *blank* «блестящий» < протогерм. *blangkaz* «светить, ослеплять» < и.-е. **bhel-¹* «светить, блестеть» [Corominas, 2001]. ЦН стало употребляться в кастильском варианте испанского языка с 1140 г. Белый цвет в испанской культуре, подобно всем европейским, символизирует чистоту и непорочность.

Материалом исследования испанских лексем послужил лексикографический корпус словаря, включающий слова с начальными ВАИЛ-, ВАЛ-, ВЕЛ-, ВИЛ-, ВЛ-, ВОЛ-, ВУЛ-. Из семантического анализа предварительно исключены производные от слов, не относящихся к ВЛ-лексемам (*balance, balasto, billion* и мн.др.), производные от географических имён (*blasón (blasonar)* от *Bles* и др.) и однокоренные слова. Также исключены из предмета изучения слова тюркского и семитского происхождения (*baladí, bálsamo, belén* и мн. др.).

Изучаемый материал испанского языка является аналогичным русскому фоносемантическому пространству БЛ-лексики и рассмотренному участку корневой системы и.-е. языка (см.: Приложение, Рис. 2). Ядерная гиперсема «Звук/Шум» так же представлена двумя макрополями: «Буккальная деятельность» и «Мануальная деятельность». Первое включает в себя звукоподражательные лексемы, объединённые семой «Говорить» (*balar* «блеять», *balbucear (balbucir)* «бормотать, лепетать, говорить невнятно», *bululú* «актёр, исполня-

ющий все роли в пьесе)), а также микрополе «Дуть/Надувать» с производными значениями «Округлый», «Объёмный», «Кипеть», «Расти», «Накрывать/Покрывать», «Вместилище», (*balaustra* «цветок граната» (производное от него *balaustre* «балясина»), *ballena* «кит», *balón* «мяч», *balota* «избирательный шар», *bol* «пиала», *bola* «шар», *bolo* «кегля», *bulbo* «луковица», *blastema* «бластома» (от греч. *blástos* «зародыш, росток»), *bulto* «объём, неясный силуэт», *balandrán* «пальто», *blefaritis* «блефарит» (от др.-греч. *βλέφαρον* «веко»), *baluarte* «бастيون»).

Отдельно мы считаем нужным отметить латинское слово *bulla* «пузырь», которое дало начало многим лексемам, входящим в поле «Дуть/Надувать»: в первую очередь, *bullir* «кипеть», *bollo* «булочка; вмятина», *collar* «ставить вмятину, клеймо». Кроме того, слово *bulla* обозначало круглую металлическую печать, затем капсулу, в которую заключалась печать, скреплявшая документ, и, далее, распространилось на название самого документа с такой печатью – *bula* «булла». От последнего произошли, в свою очередь, лексемы *boleta* «входной билет» и *billete* «записка, билет».

Лексемы *baladrón* «хвостун» и *bulo* «ложный слух, сплетня» могут связываться семантически как со значением «Говорить», так и с производным от «Дуть/Надувать» значением «Набухать/Пухнуть». Аналогична ситуация со вторым значением слова *bola* «враньё, рассказы»: как и в случае с *bulo* «ложный слух», возможна связь и с семьей «Говорить», и с «Дуть/Надувать». Учитывая первое значение слова (*bola* «шар»), более вероятной нам представляется связь с семьей «Набухать/Пухнуть», смежной с «Округлый/Объёмный».

В изученном фрагменте русского языка значение «Жидкий» было представлено лишь звукоподражательными *бултых* и *булькать*, в испанском языке эта сема получила более широкое развитие и образовала целое микрополе: *balandra*, *balandro* «разновидность небольшого парусного судна», *balneario* «водолечебница», *balsa* «пруд», *bilis* «желчь», *blenorragia* «бленнорея». Лексемы *bilis* «желчь» и *blenorragia* «бленнорея», по данным этимологических

словарей, производны от др.-греч. βλέννος «слизь», что соотносится и с фоносемантическими свойствами L-форманта, реализующего в данном случае значение «Скользкий, жидкий», и с предполагаемой связью с буккальной деятельностью. Теми же свойствами фонемы [L] объясняется включение в это поле и лексем *balandra*, *balandro*, *balneario* и *balsa*.

Что касается макрополя «Мануальная деятельность», к производным от и.-е. корней **bal-*, **balbal-* «трясти, танцевать» можно было бы отнести лексемы *blandir* «трясти, размахивать», *blando* «мягкий, нежный», *baile* «танец», *ballet* «балет», *balada* «баллада», к смежному значению «Бросать/метать» – слова *bala* «пуля, ядро», *bellota* «жёлудь», *bólido* «болид, метеорит», *balística* «баллистика», *ballesta* «арбалет», *belemnites* «белемнит» (от греч. *bélemnon* «стрела»). Однако, согласно этимологическим данным, слова из микрополя «Бросать/Метать» производны от и.-е. **gwelə-* «бросать, метать». К сожалению, нам неизвестны причины такого этимологического решения. На наш взгляд, высока вероятность того, что перечисленные лексемы восходят к указанным и.-е. корням **bal-*, **balbal-* «трясти, танцевать». Сама редупликативная форма корня **balbal-* олицетворяет собой повторное, многократное действие, а из значения «Трясти» может развиться сема «Бросать/Метать». Также стоит отметить, что лексемы *bala* «пуля, ядро», *bellota* «жёлудь», *bólido* «болид, метеорит» и *bolero* «болеро» могут восходить и к значению «Округлый», производному от «Дуть/Надувать», а лексема *blando* «мягкий, нежный» в силу своего происхождения от лат. *blandus* «льстивый» – к семе «Говорить».

К корням со значением «Бить/Ударять» (**bhāu⁻¹*, **bhlaġ-*, **bhliġ-*, **bheld-*), а также «Портить/Наносить вред» (**bhōi-*) мы относим слова *bélico* «военный, воинский», *bellaco* «негодяй, пройдоха» (от лат. *bellum* «война»), *blasfemia* «богохульство» (от греч. *blapto* «оскорблять» и *phemi* «говорить»). Значение перечисленных лексем могло развиться и из «Бросать/Метать» ввиду метонимической связи значений «Пуля, ядро», «Стрела», «Арбалет» с понятием «Война».

К производным от и.-е. **bhel⁻⁵* «брус, балка» относятся лексемы *billar*

«бильярд» (от лат. *billa* «ветка»), *baliza* «навигационный знак» (от лат. *palus* «палка»), *bálago* «солома», *balcón* «балкон», *balea* «грабли», *biela* «шатун, рычаг», *bloque* «глыба; блок, группировка» (от нидерл. *blok* «пень»), *bulevar* «бульвар» (от нидерл. *bol* «брус, бревно» и *werc* «работа»).

Определённые затруднения вызвали лексемы, спорное происхождение которых не позволяет отнести их к конкретному полю. С другой стороны, многозначность самих лексем тоже усложняет стоящую перед нами задачу. Например, существительное *bolero* обозначает как песню (связь со звукоподражательным *bala*) или танец (производность от и.-е. **bal-*, **balbal-* «трясти, танцевать»), так и предмет одежды – укороченный жакет (согласно данным словаря, от *bola* «шар») [Diccionario de uso del español actual, 2006, p. 283]. Кроме того, словом *bolero* принято обозначать человека лживого и непостоянного, прогульщика (от *bola* «враньё»), а также чистильщика обуви (от *bola* «вакса, гуталин»). Происхождение термина остаётся неясным, известно лишь, что в определённый период слово *bolero* обозначало шляпу андалузского танцовщика и могло впоследствии распространиться на название самого танца и соответствующего напева. Е. Calderón и вслед за ним J. Corominas выдвинули гипотезу о происхождении *bolero* от слова *vuelo* «полёт», что соотносится, по их мнению, и с танцем, и со значением непостоянности и некой «ветрености» [Sosa, 2012]. Возможно, аналогичный путь развития прошла и лексема *bulería* «разновидность танца фламенко».

Оставшееся поле в пространстве ВЛ-лексики испанского языка – «Свет/Блеск». К нему относится ЦН *blanco* «белый», а также *blondo* «белокурый», *baladre* «олеандр», *beleño* «белена». Слова *baladre*, *beleño* включены в данное поле в силу их связи со значением *белый*, так как олеандр и белена имеют (или могут иметь) белую (или светлую, белёсую) окраску. Определённые затруднения возникли при анализе лексем *bledo* «лебеда», *blenda* «сфалерит, сульфид цинка», *blindar* «бронировать». В случае с *bledo* «лебеда» примечательно то, что русское название растения (лебеда), согласно М. Фасмеру, происходит от белой сыпи на листьях и восходит к лат. *albus* «белый». Инте-

ресно также, что русское слово *баланда* заимствовано из литовского названия лебеды *balánda*, в то время как испанское *bledo* происходит от греч. *βλιτον* «безвкусный». Таким образом, литовское и греческое названия этого растения отражают его вкусовые качества, точнее, отсутствие таковых – лебеда не имеет ни вкуса, ни запаха.

Лексемы *blenda* «сфалерит, сульфид цинка» и *blindar* «бронировать» восходят к герм. *blenden* «ослеплять». Значение «Ослеплять» могло развиваться напрямую из гиперсемы «Свет/Блеск»: «Светить» > «Ослеплять» (ср. с англ. *blind* «слепой») и далее в ходе семантической эволюции дать начало семе «Покрывать/Защищать» – отсюда и значение «Бронировать». Что же с безвкусной лебедой? Осмелимся предположить, что значение «безвкусный» развилось на основе ещё одного синестетического переноса – со зрения на вкус («не видеть» > «не чувствовать вкуса» > «не иметь вкуса»), отсюда – греч. *βλιτον* «безвкусный», лит. *balánda* «лебеда, русск. *баланда* «невкусная похлёбка». Возможна версия и другого развития значения «безвкусный, невкусный», связанная с семой «Буккальная деятельность»: на примере др.-греч. *βλέννος* «слизь», русск. *блевать* можно предположить с высокой долей вероятности, что артикуляционно-символические свойства фонемы VL- могли дать основу для появления указанного значения, ассоциируясь с чем-то скользким, противным и неприятным на вкус.

Тщательный фоносемантический анализ и.-е. корней на VHL- и VL- и последующее исследование производных от них лексических корпусов русского и испанского языков выявляют абсолютную семантическую идентичность изучаемых пространств. Одинаковая структура и сходный состав трёх составленных ФСП говорят не только об общности происхождения русского и испанского языков от и.-е. праязыка, но и об универсальных закономерностях эволюции значений вообще и семантики наименований белого цвета в частности.

3.3. Наименования чёрного цвета

3.3.1. Чёрный

В ходе этимологического анализа ЧР-лексики русского языка нами было выявлено, что большинство лексем, в том числе и *чёрный*, возводятся к и.-е. корням на KR-. Вследствие этого мы считаем целесообразным перенести в фоносемантическое поле красного цвета (см.: Приложение, Рис. 4) следующие слова: *чара, чары, червь, черевки, череда, черенок, черешок, череп (черепаха, черепица), чёрный, черпак, чёрствый, черта, чрево, чур, чурбак (чурбан, чурка), чёрт*. Происхождение последней лексемы по-прежнему остаётся неясным, существует несколько гипотез этимологии слова *чёрт*, которые мы рассмотрим в соответствующем разделе.

3.3.2. Negro

Слово *negro* появилось в испанском языке в 1140 г. как обозначение одного из основных цветов – чёрного. Этимологи не сомневаются в его производности от лат. *nīger* «чёрный», но затрудняются в дальнейшей реконструкции происхождения лексемы, считая её исконно латинской.

Для установления первоисточников ЦО мы предприняли анализ всех и.-е. корней на N- и всех N-лексем испанского языка с целью отобразить полную картину семантической эволюции назального звука и весь спектр его потенциальных значений (см.: Приложение, Рис. 3). В соответствии с принципами лексической выборки из ФСП исключены производные от других и.-е. корней (*nacer, nación, natal, nativo, natura, Navidad, naife* и др. от **ĝen⁻¹* «родить», *narrar, noble, norma, notar* и др. от **ĝen⁻²* «знать, узнавать» и пр.), а также слова семитского происхождения (*noría, nusa*).

Ономатопеические возможности [N] заключаются, в первую очередь, в подражании протяжным звукам (**ned⁻²* «издавать звуки, рычать, реветь», смежный **nedo-* «тростник, свирель, дудочка»), а особенности образования (назальность) прочно связывают с ним значение «нос» (**nas-* «нос») и смеж-

ное **neu-ks-*, *neu-s-* «нюхать». Среди изучаемого фрагмента корневой системы находится лепетное слово **nana* (**nena* и пр.) со значением «мама и др.».

Сонорность [N] переосмысливается как внутреннее звучание и переходит к символизации вообще внутреннего, обращённого внутрь, к самому себе (**nei-³*, **ni-*, **nei-* «в, внутрь»; **ne-³*, **nō-* «мы»). Можно предположить, что корень **nī̃-* «сейчас» – также результат развития «указательного» значения «Внутрь». Данные микрополя представлены в испанском языке лексемами *nariz*, *napias* «нос», *nasal* «носовой» и *nosotros* «мы», а к производным от лепетного **nana* относятся лексемы *nana* «бабушка», *nena* «девочка», *nene* «ребёнок; мальчик», *niña* «девочка; зрачок» (пример семантической производности значения «Маленький»).

Кроме того, от семы «Внутрь» возможно развитие значения корня **neġh-* «проколоть, воткнуть» (**n̥si-s* «меч»), отсюда как последствие этого действия – **nebh-¹* «лопнуть, разорваться», а также смежные **nēik-* «нападать, бороться, ругать», **neid-¹* «бранить, пристыдить», **nā-²* «бояться, стыдиться», **nant-* «сметь, рисковать». Значение **neġh-* «проколоть, воткнуть» метонимически эволюционирует в **nebh-²* «пупок, центр, середина», а **nebh-¹* «лопнуть, разорваться» – в **neid-²* «течь, струиться», отсюда **neig^w-* «мыть», **neik-* «отсеивать зерно», **nebh-* «влажный, сырой; вода; облака» и **nāus-¹* «лодка». От этих корней с общей семой «Влажный/Мокрый», возможно, произошли испанские лексемы *naufregar* «терпеть кораблекрушение», *náusea* «тошнота», *náutica* «навигация», *nautilo* «кораблик; аргонавт», *nava* «заболоченная долина, низина», *nave* «корабль, судно» (*naval* «морской», *navegar* плавать; вести корабль» и др. однокоренные), *nereida* «нереида», а также *nafta* «нефть».

Мы предполагаем, что сема «Течь» может дать начало целому ряду сходных и смежных друг с другом значений: **nei-¹*, **neiə-* «вести, направлять», **nei-²*, **neiə-* «быстро двигаться, быть возбуждённым, сверкать», **ner-¹* «жизненная энергия, человек», **neu-dh-* «жаждать чего-либо», **neu-²* «приложить усилие; кивнуть», **nā-¹* «помогать, быть полезным», **nem-¹* «брать, приводить в порядок, считать», **neu-d-* «приобрести, использовать», отсюда, ве-

роятно, корни **nōm̥-* «имя», **neu-¹* «называть, хвалить». Возможно, с этими значениями связано и **nāg^wh-* «трезвый, спокойный, рассудительный». К лексемам, представляющим эти значения в испанском языке, мы относим следующие: *nombre* «имя», *nominar* «назначать, называть», *número* «число», *numismática* «нумизматика», *numen* «языческий идол; вдохновение», *nómada* «кочевой», *neto* «чистый, без примесей» и *nítido* «чистый, ясный, безупречный» (от **neiə-* «сверкать»).

Физические свойства чёрного цвета, а именно его ахроматичность вследствие отсутствия светового потока от объекта, позволяют нам предположить связь ЦН *negro* с и.-е. корнем **nē-* (**nē¹*, **nei-*) «отрицание»: «чёрный» = «без света, без цвета». Фоносемантические данные о звукоизобразительных свойствах N-форманта подкрепляют нашу гипотезу: из-за специфических сокращений мышц носа при выражении отвращения у назального звука развивается символическое значение отрицания [Михалёв, 1995, с. 95].

Корень **nē-* дал основу многим лексемам испанского языка (например, всем словам на *neg-*): *negar* «отрицать», *negligente* «небрежный, нерадивый» (от лат. *nes* + *legens* «не читающий»), *negocio* «дело, занятие» (от лат. *nes* + *otium* «без досуга, без свободного времени»), *neutro* «нейтральный» (от лат. *ne* + *uter* «один из двух, который»), *ninguno* «никакой», *ni* «ни, не», *no* «нет», *nunca* «никогда», *nulo* «недействительный», *necesario* «необходимый», *pescedad* «глупость, чушь», *pecio* «невежественный», *nefando* «недостойный», *nefasto* «злосчастный», а также *niel* «чернь (по серебру, золоту)» и *nirvana* «нирвана» (в переводе с санскр. «угасание, прекращение»).

Значение «Отрицание», могущее стать первоисточником ЦО, символически развивается в «Тёмный/Отрицательный»: **n̥si-* «грязь, чёрный», **nek^w-(t-)*, **nok^w-t-s*, **nok^w-(t-)* «ночь», **neuk-* «тёмный, неясный» (отсюда возможно развитие **neucos-* «новый»). Кроме того, сема «Отрицание» может дать основу значению «Голый» (**nog^w-*, **nog^wod(h)o-*, **nog^w-no-* и производное от них *nudez* «нагота»). Сема «Тёмный» представлена в испанском языке, в первую очередь, лексемой *noche* «ночь» от одноимённого и.-е. корня **nek^w-(t-*

), а также целым рядом однокоренных слов, обозначающих атмосферные явления: *niebla*, *nube* «облако, туча», *neblina* «лёгкий туман», *nebuloso* «туманный, пасмурный; тёмный, неясный», *nevar* «идти снегу», *nimbo* «нимб, ореол; сплошная облачность» и др.

Как уже было отмечено, значение «Новый» тоже может входить в описанное микрополе: «Тёмный» > «Неясный/Неизвестный» > «Новый». Сема представлена в испанском языке большим количеством лексем: *nova* «звезда», *novedad* «новизна», *nuevo* «новый», *novia* «невеста, новобрачная», *noviazgo* «обручение, помолвка», *novela* «роман, повесть», *novillo* «телёнок» и др.

Синкретичные значения «Накрывать/Связывать» могут быть производными на основе метонимии как от значения «Тёмный», так и от значения «Внутренний». Равно, как и «Тёмный» может развиваться из «Внутреннего». Результатом тесного переплетения нескольких смежных значений становится наличие в изученном фрагменте корневой системы и.-е. праязыка целого ряда связанных друг с другом сем и производных от них, согласно этимологическим словарям, лексем испанского языка: **ner*⁻³ «скрывать, накрывать, тайник, дупло», **nak*- «мех, шкура» (*niccho* «ниша, углубление» от итал. *nicchio* «раковина моллюска»), **ner*⁻², **ndhos*-, **ndheri*- «под» (*norte* «север» от и.-е. **ner*⁻²), **nōt*-, **nət*- «за, позади», **nes*- «присоединиться; скрыться» (*nostalgia* «ностальгия»), **ned*⁻¹ «свернуть, связать, согнуть» (*nodo* «узел, точка пересечения», *nudo* «узел, утолщение, нарост»), **nem*⁻² «сгибать», **nē-tr*-, **nə-tr*- «змея», **niz-do*- «гнездо» (*nido* «гнездо»). От последнего корня возможно метонимическое развитие корня **nog*^{wo}-, **nag*^{wo}- «дерево».

Ещё один пример тесной связи между описанными значениями и семантической производности значения «Накрывать» от «Свернуть/Согнуть» — значения лексемы *nin* в разных языках. Обратившись к истории возникновения графемы N, мы выяснили, что изображение буквы восходит к пиктограмме *нун* протосинайского алфавита в форме змеи. Кстати, в иврите слово *змея* также начинается с *нун* — четырнадцатой буквы алфавита. Пиктограмма трак-

туется как змея, сбрасывающая кожу, – символ перерождения. В английском языке лексема *nun* имеет значение «монахиня» (предполагаемая связь с семой «Накрывать»), а *nun-bird* обозначает птицу вдовушку, название которой дано из-за «траурной» чёрной окраски («Накрывать» > «Тёмный/Чёрный», «Отрицание/Отсутствие»).

Значение полисемичного корня **nepōt-* «дядя; племянник; потомок» также представляется нам развитым из семы «Связывать», в данном случае подразумеваются родственные отношения. В этом же микрополе может находиться и уже упомянутое нами выше значение корня **nebh-²* «пупок, центр, середина» (связь матери с младенцем посредством пуповины). К лексемам, составляющие аналогичное микрополе в испанском языке, мы относим *nexo* «связь, отношение», *nepote* «родственник Папы Римского», *nepotismo* «кумовство», *nieto* «внук».

Два корня со значением «Смерть» (**nāu-²* и **nek-*) могут быть результатом развития сразу нескольких сем: «Проколоть/Воткнуть» (> «Убить»), «Отрицательный», «Накрывать/Связывать», а наиболее вероятной кажется производность значения «Смерть» от семы «Отрицание» (> «Отсутствие» > «Смерть»). Соответствующее микрополе в испанском языке составлено словами *necrosis* «омертвление», *nocivo* «вредный» и их производными. Вероятно, со значениями «Накрывать» и «Тёмный» связано и развитие целого ряда слов с общим корнем *parco-*, объединённых семой «Сон»: *narcosis* «наркоз» и мн. др.

К словам со спорным происхождением относятся, возможно, однокоренные лексеммы *núbil* «достигший половой зрелости, на выданье» и *nupcial* «свадебный, брачный». Согласно одной из версий, слово *núbil* производно от *nube*, которое помимо значения «облако, туча» называет так же и вуаль – атрибут подвенечного наряда невесты. Следовательно, термин *núbil* употреблялся лишь по отношению к девушкам на выданье.

С другой стороны, этимологи указывают на и.-е. корень **sneubh-* «жениться» как основу для лексеммы *nupcial*. Примечательно, что в соответству-

ющем разделе нашей работы (см.: п. 3.6.1) мы проводим анализ *sn*-корней и.-е. языка и приходим к выводу о производности **sneubh-* «жениться» от **se-* «связывать». Таким образом, по аналогичной семантической траектории от корня со значением «связать» (**ned-¹*) могла развиваться и семантика испанских слов *núbil* и *nupcial*: «Связать» > «Жениться». Однако, учитывая определённую долю вероятности происхождения *nupcial* от **sneubh-*, мы можем предположить связь некоторых корней на N- с корнями на SN-.

Несмотря на то, что физические характеристики чёрного и синего цветов имеют общие черты (оба цвета относятся к тёмным), высказанная нами гипотеза о происхождении некоторых и.-е. корней на N- от SN-корней не касается восстановленной семантики *negro*. По нашему убеждению, первоисточник ЦО – звукоизобразительный корень **nē-* «отрицание».

3.4. Наименования красного цвета

3.4.1. Красный vs. Чёрный

Тщательное фонологическое и этимологическое исследование КР- и ЧР-лексики позволяет нам сделать вывод о том, что большинство представленных лексем имеет звукоизобразительное происхождение – как ономапевическое, так и звукоименическое. Особенности звукоизобразительного потенциала фонемы КР- и отдельно составляющих её звуков обуславливают характер изучаемых слов. Вибрант [R] обладает чрезвычайно широкими звукоизобразительными возможностями в подражании длительным дрожащим шумам, а также символизирует круговое движение (вращение, возвращение назад, повторяемость, нечто округлое) и движение вообще. Заднеязычный [K], образуясь соприкосновением задней части языка с мягким нёбом, т.е. у самой гортани, изображает горловую деятельность (глотание, голосовое звукоизвлечение, собственно гортань) и звук вообще [Михалёв, 1995, с. 95].

Таким образом, начальное консонантное сочетание КР-, в первую очередь, символизирует различные виды буккальной деятельности (*каркать*,

курлыкать, кричать и др.) и мануальной деятельности (кроить, кромсать, крутить и др., объединённые гиперсемой «Резать/Бить»). Кроме того, фонематема КР- является звукоподражательной по отношению к огню, горению и другим процессам, производящим характерные трещащие шумы.

Данные из и.-е. языка согласуются с предварительными звуко-смысловыми корреляциями. Ядро фрагмента корневой системы с начальным КР- составлено звукоизобразительными значениями, в числе которых собственно ономотопея (*ker-¹, *kor-, *kr-, *kreb-⁵, *krei-², *kreig-, *kreik-, *krep-², *krek-³ «звукоподражание, сухой треск», *kreg-², *(s)ker-⁵, *kreu-⁴ «звук-слово», *ker(ə)-³ «сжигать, гореть», *korkā «гравий, галька»), а также значения с мануальной деятельностью в качестве референта с общим синкретичным значением «Резать/Бить/Связывать/Гнуть» и все их производные на основе переносов по сходству и смежности:

– РЕЗАТЬ/БИТЬ (*ker-², *(s)ker-⁴, *(s)kerə-, *(s)krē- «резать», *krek-¹ «бить, ударять», *kreu-³, *krou-s- «толкать, бить, ломать», *krēp-¹ «сильный», *kē-, *kērə-, *krā-, *kerei-, *kereu- «рог; голова», *kret-¹, *kreu-t- «трясти, кидать, быстро двигаться», *kers-² «бежать», *krūs- «голень, нога», *kreu-² «упасть, рухнуть», *kerm- «быть уставшим, отдыхать», *koro-s, *korjo-s «война, воин», *kreu-¹, *kreuə-, *krū-, *kreus-, *krus- «кровь, сырое мясо; лёд, кора», *krep-¹, *krp- «тело», *krei-¹ «касаться, чистить», *kars- «скрести, тереть», *kreup- «струп, короста, чесотка», *kweru- «жевать, молоть», *kerno- «челюсть; зажим, захват», *kērə-, *krā- «смешивать; готовить еду», *kerbero-, *kerbero- «пёстрый, разнообразный», *kerk-, *kork-, *krk- «морщиниться, худеть», *(s)ker-¹ «сокращаться, сжиматься, морщиниться; высыхать, худеть»);

– ДЕЛАТЬ (*kwer-¹, *(s)kwer- «делать», *kr(o)k-sko- «рука», *kerd-² «талант, дар, ремесло; талантливый»);

– ПОРТИТЬ (*kē-⁴, *kērə-, *krē- «причинять вред, боль, портить; быть испорченным», *kreg-¹ «страдать», *kormo- «страдание, боль», *(s)ker-dh-, *(s)kor-dh- «маленький, несчастный, жалкий», *ker-⁶, *kē- «тёмный цвет; грязь и т.д.», *kers- «разновидность цвета (чёрный)», *kē-ro- «разновидность

цвета», *sker-(d)- «испражняться»);

– СВЯЗЫВАТЬ/ГНУТЬ/ВРАЩАТЬ (*ker⁻³ «верёвка; плести», *kōr- «вешать, висеть», *kert-, *kerat-, *krāt- «поворачивать, крутить, наматывать», *(s)kerb(h)-, *(s)kreb(h)-, *(s)kremb- «поворачивать, сгибать», *(s)ker⁻², *skerā-, *skrē- «поворачивать, вращать; возникать», *krei- «появиться, показаться», *(s)ker⁻³ «поворачивать, вращать, сгибать», *(s)kert-s- «через, поперёк», *ker⁻⁵ «прыжок, поворот», *kʷymi- «червь», *kerd⁻¹ «кольцевать, опоясывать, обнимать, окружать», *kērdho-, *kērdhā «отряд, толпа; линия, очередь, ряд», *krom- «деревянный забор», *kures-, *kuers-, *kuʷs- «лес, деревья»);

– ОБЪЁМНЫЙ/ВМЕСТИЛИЩЕ/НАКРЫВАТЬ (*ker⁻², *kērā-, *krē- «расти», *krūt- «выпуклость, опухоль; живот, брюхо, чрево», *krā[u]-, *krāu-, *krū- «нагромождать, складывать вместе; куча, груда; крыша», *krēk⁻⁴, *krok- «возвышаться, громоздиться; балка», *kred- «луч, балка, перекладина», *kerap-, *krēp⁻² «одежда, кожа; обувь», *kʷer⁻² «разновидность посуды, кастрюли», *krāpo- «крыша»).

Разумеется, распределение корней по микрополям носит условный характер – среди перечисленных значений имеется немало пересекающихся друг с другом и могущих быть включёнными одновременно в разные микрополя. В частности, значение корня *kēred- (*kerd-, *kērd-, *kʷrd-, *kred-) «сердце» может быть производным как от гиперсемы БИТЬ («бить» > «стучать, биться сердцу»), так и от «Резать» и смежного *kreu⁻¹ (*kreuā-, *krū-, *kreus-, *krus-) «кровь, сырое мясо». Более подробно семантические связи внутри ФСП и производность огромного количества значений от гиперсемы «Резать/Бить/Связывать/Гнуть» будут нами описаны при анализе лексики современного русского языка.

В изученном фрагменте и.-е. корневой системы широко распространено явление омонимии – нами насчитано тринадцать корневых групп. Как и следовало ожидать, значения полностью совпадающих друг с другом форм имеют много общего: *kar⁻¹ «ругать, наказывать» и *kar⁻² «хвалить, прославлять» объединены семьей «Говорить», от первого значения производно третье –

*kar-³ «жесткий, трудный», и они оба связаны с гиперсемой «Резать/Бить»; **kerd-¹* «кольцевать, опоясывать, обнимать, окружать» проявляет определённую смежность с **kerd-²* «талант, дар, ремесло; талантливый» – оба значения относятся к синкретичной гиперсеме «Резать/Бить/Связывать/Гнуть»; то же можно сказать и о значениях четырёх форм корня **(s)ker-*: полностью совпадающие второе и третье значения «поворачивать, вращать» и смежные «сокращаться, сжиматься» и «резать»; очевидна связь **ker-¹* «сухой треск» и **ker-³* «сжигать, гореть» и возможная производность от них **ker-⁶* «тёмный цвет», а также **ker-⁵* «висеть» и **ker-⁴* «вишня»; практически совпадают по значению **kret-¹* «трясти» и **kret-²* «бить, ударять»; **kreu-³* «толкать, бить, ломать» проявляет смежность с **kreu-²* «упасть, рухнуть» и **kreu-¹* «кровь, сырое мясо; лёд, кора» и звукоподражательным **kreu-⁴* и др.

Регулярная повторяемость одинакового набора сем в семантической структуре формально сходных или идентичных корней убедительно свидетельствует о том, что перед нами не омонимичные корни, а лексико-семантические варианты одного и того же корня с синкретичным значением.

Синкретизм значений «Резать/Бить» и «Связывать/Гнуть/Плести» тщательно изучался многими учёными (J. Pokorny, A. Walde, J.V. Hofmann, F. Kluge, E. Seebold), среди которых О.Н. Трубочёв и В.В. Левицкий, рассматривавшие этот вопрос в рамках своих фоносемантических и этимологических изысканий. На примере изучения значений «Резать/Бить/Связывать/Гнуть» можно рассмотреть два принципиально различных подхода к интерпретации языковых фактов. В случае со словарём Ю. Покорного эти значения приписываются синонимичным или омонимичным формам, а в нашем случае указанные семы рассматриваются как варианты единого синкретического значения.

Согласно результатам исследования В.В. Левицкого, сема «Резать» может выступать в виде следующих вариантов, деривационные отношения между которыми могут иметь разностороннюю направленность: острый, режущий, колющий предмет; отрезать, отделять > отряд, толпа, стая, совокупность

людей или животных; резвый, резкий, быстрый, проворный; ранить, калечить, обрезать; причинять вред, ущерб; порицать; отделять > очищать, чистый; осколок камня, дерева и т.п., щепка, шест, черенок, обломок, лоскут, обрывок, изделия из этого; мясо, тело; кора, кожа, грубая поверхность; короткий, укороченный, маленький; режущий край, кромка, граница; нечто выдолбленное > сосуд, ножны, корыто, судно; черпать воду; проводить полосу, оставлять след, борозду > касаться; колдовать, чародействовать и мн. др. [Левицкий, 2001, с. 9-14].

Указанные В.В. Левицким элементы семантики значения «Резать» полностью совпадают с результатами нашего анализа, в котором мы постарались представить собственное видение такого сложного явления, как синкретизм. Для того, чтобы объяснить и обосновать столь тесную связь значений в одном корне, на примере КР- и ЧР-лексики русского языка мы приводим «раскрытые» цепочки семантических превращений на основании сходства или смежности, однако целостность и единство синкретичного корня **(s)ker-* остаются несомненными. Реконструкция семантического развития КР- и ЧР-лексики русского языка представляется нам следующим образом (см.: Приложение, Рис. 4):

– ЗВУКОПОДРАЖАНИЕ/ БУККАЛЬНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ (*каркать*, крик, *курлыкать*, *коростель*, *картавить*, *крамола*, *кречет*, *кур* (кура, курица, *курок*), *кропать*, *кропотливый* (от русск. *кропот* «ворчание»), *круп* (воспаление гортани – может быть производно и от значения «Большой»), *крыса* (или от «Скрести/Царапать»));

– ЗВУКОПОДРАЖАНИЕ/ОГОНЬ (*курить*, а также заимствования *карбункул* и *карбюратор* (от лат. *carbo* «уголь»), *керамика* (от и.-е. **ker(ə)-³* «сжигать, гореть»), *керосин* (от и.-е. **kār-* «воск»), *кремация* (от лат. *cremare* «жечь, сжигать»));

– ЗВУКОПОДРАЖАНИЕ/ МАНУАЛЬНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ > РЕЗАТЬ/БИТЬ/СВЯЗЫВАТЬ/ГНУТЬ (*кирка* (инструмент), *корейка*, *корпеть* (буквально – «латать, штопать», от общеслав. *kъrpa* «лоскут, заплат»), *кровь*,

крой, кромсать, чрево (от и.-е. **(s)ker-* «резать»), *чурбак (чурбан, чурка)*, а также *кардинал* (от и.-е. **kērd-* «сердце»), *корпус* (от лат. *corpus* «тело; единое целое»), *кортик* (либо от перс. *kārd* «нож», либо от нидерл. *korte* «короткий»));

– РЕЗАТЬ/БИТЬ > ОТДЕЛЯТЬ > КРАЙ/ГРАНИЦА (*край, кремль* (от слав. *крома* «край, граница»), *кромка, черта, чур* (предположительно восходит к имени славянского бога родового очага Чура, оберегающего границы земельных владений), *черпак* и *крем* (от и.-е. **(s)ker-* «резать»)) > РЯД/ОЧЕРЕДЬ (*череда*) > МНОЖЕСТВО/ГРУППА > БОЛЬШОЙ (*круп, крупный*);

– РЕЗАТЬ > УКОРАЧИВАТЬ/КОРОТКИЙ (*короткий (краткий, крат), кургузый, куртка, кортик*) > ОТРОСТОК/РАСТИ (*корень, черенок, черешок*) > БОЛЬШОЙ (*круп, крупный*);

– РЕЗАТЬ/БИТЬ > ДРОБИТЬ/ИЗМЕЛЬЧАТЬ (*круп, кроха, корм (корчма, кравчий)*) > МАЛЕНЬКИЙ (*карлик, кроха*);

– РЕЗАТЬ/БИТЬ > СМЕШИВАТЬ (*кратер* (от и.-е. **kērə-*, **krā-* «смешивать»));

– РЕЗАТЬ/БИТЬ > НАКАЗЫВАТЬ/ПОРИЦАТЬ (*кара, корить*) > ПРОКЛИНАТЬ (*чары*);

– РЕЗАТЬ/БИТЬ > ХВАТАТЬ/ДОБЫВАТЬ (*корысть, коршун* (или от «Острый», «Грызть», «Скрести/Царапать»));

– РЕЗАТЬ/БИТЬ > ЖЁСТКИЙ/ТВЁРДЫЙ/КРЕПКИЙ (*короста, корь* (или от «Скрести», «Кора/Кожа»), *ремень, кремний, карьер, крепость* (или от «Покрывать»), *чёрствый*);

– РЕЗАТЬ/БИТЬ > СКРЕСТИ/ЦАРАПАТЬ/ПОЛЗАТЬ (*карабкаться, короста, корь, краб, крыса*);

– РЕЗАТЬ/БИТЬ > ТРЕЩАТЬ/ЛОМАТЬСЯ (*крах, крушение, крушина*);

– РЕЗАТЬ/БИТЬ > СДИРАТЬ/ОЧИЩАТЬ > КОРА/КОЖА (*кираса, кора (коричневый, корица), короста, корь, краги, черевички*) > ПОКРЫВАТЬ/ВМЕСТИЛИЩЕ/СОСУД (*карман, корабль, корзина, короб* (или от «Связы-

вать/Гнуть/Плести»), *красть*, *крепость*, *кринка*, *кров*, *кровля*, *кружка* (или от значения «Округлый»), *крыло*, *крыша*, *курень*, *чара*, *череп* (*черепаха*, *черепица*), а также *карцер* (от лат. *carcer* «темница, тюрьма»), *кирка* (от нем. *Kirche* «церковь»), *корвет* (от франц. *corvette* «маленький фрегат»), *куртина* (от лат. *cortina* «покрывало, завеса»));

– РЕЗАТЬ/БИТЬ/СВЯЗЫВАТЬ/ГНУТЬ > КРУТИТЬ/ВРАЩАТЬ, ИЗОГНУТЫЙ/КРИВОЙ (*карга*, *корёжить*, *корж*, *корова*, *корона*, *коромысло*, *корча*, *корявый*, *коряга*, *кран*, *крен*, *крендель*, *кресло*, *кривой*, *крот* (от «Крутить»), *крутой*, *кручина*, *крюк*, *кряж*, *курносый*, *курчавый*, *червь*, а также *крап* (от нидерл. *krappe* «крюк»), *корнет* (от итал. *corni* «рог, боевая труба»), *карат* (от др.-греч. *κεράτιον* «стручок рожкового дерева», семена которого служили мерой массы)) > ОКРУГЛЫЙ/ОБЪЁМНЫЙ (*каравай*, *карануз*, *крона*, *круг*, *кружево*, *кружка*) > БОЛЬШОЙ (*круп*, *крупный*);

– РЕЗАТЬ/БИТЬ > ТРЯСТИ/БЫСТРО ДВИГАТЬСЯ > БЕЖАТЬ > НОГА или РЕЗАТЬ/БИТЬ > ТЕЧЬ > БЕЖАТЬ > НОГА или МАНУАЛЬНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ > ЛОВКИЙ/БЫСТРЫЙ > БЕЖАТЬ > НОГА (*каракатица* (от *корокъ «нога»), *карачки*, *карьер*, *карьера*, *куранты*, *коридор*);

– БЕЖАТЬ > ПОВОЗКА (заимствования *каре́та* (от лат. *carrus* «повозка»), *карикатура* (от итал. *caricatura* из *caricare* «нагружать, преувеличивать», далее из вульг. лат. *carricare* «нагружать (повозку)»), далее из лат. *carrus* «повозка», восходит к и.-е. *kers-² «бежать»), *карусель* (от итал. *carosello* из *carro* «повозка» и *sello* «седло»)).

Как видно из реконструированных нами траекторий семантического развития, в центре КР-лексики действительно находятся звукоизобразительные значения «Буккальная деятельность» и «Резать/Бить» («Мануальная деятельность»).

Безусловно, принятие гипотезы о семантическом синкретизме позволяет по-новому интерпретировать целый ряд и.-е. корней и деривационно-семантические связи между ними, не только допуская альтернативное этимологическое решение, но и предоставляя единственно возможный вариант тол-

кования форм, происхождение которых до сих пор остаётся неясным. К числу таких относятся *корма* (этимологи склонны метонимически связывать корму с веслом, а его можно связать, в свою очередь, либо с изогнутым, либо с черпаком, либо, по одной из версий, весло ассоциировалось с магией кормления, отсюда и название задней части корабля – корма), *корыто* (возводится к коре, к корму (корыто – кормушка) или к разновидности сосуда).

Совершенно неожиданной для нас стала информация словарей, указывающая на производность слов *крест*, *крестьянин* и *кретин* (!) от имени Христа: лексема *крест*, согласно данным словарей, появилась после распятия Христа. *Крест*, на наш взгляд, может быть производным от «Гнуть/Сгибать» или «Резать» > «Пересекать», а *крестьянин* – практически от всех элементов гиперсемы «Резать», учитывая специфику этого рода деятельности (ср. санскр. *krśati* «пахать»). Лексема *кретин* же связывается с христианством, якобы потому что слабоумных считали угодными Богу существами. Считая эту гипотезу несостоятельной, мы предлагаем возможное развитие значения слова из «Резать/Бить» > «Портить/Наносить Вред».

Некоторые из лексем потребовали более глубокого этимологического и фоносемантического анализа. Например, *Карачун* (*Корочун*) – в славянской мифологии так назывался день зимнего солнцеворота, а также связанный с этим праздник, и злой дух, сокращающий жизнь. Кроме того, в белорусск. у этого слова среди прочих есть значение «судороги». Огромным количеством этимологических гипотез объясняется обоснованное положение слова *карачун* в КР-лексике: его можно связать как напрямую с «Резать» (> «Причинять вред» > «Смерть»), так с «Укорачивать» (> «Укорачивать жизнь»), «Вращать» (> «Солнцеворот»), «Кривой» (> «Судорога» и др.).

Происхождение слова *карабин* тоже является спорным. Все предложенные нами версии согласуются с каким-либо из указанных микрополей: либо от «Короткий» (у карабина укороченный ствол), либо от «Огонь» (карабин является огнестрельным оружием), либо это чисто ономотопеическое образование от звука выстрела. Одной из этимологических версий является произ-

водность лексемы от арабского слова со значением «стрелок» – в этом случае лексема тоже могла иметь звукоподражательные первоисточники.

Следующая лексема, породившая ряд наших размышлений, – *карта*. Этимологи возводят слово к греч. *χάρτης* «лист папируса». Процесс изготовления папируса, его внешний вид и свойства, условия хранения позволяют нам выдвинуть несколько гипотез: для изготовления писчего материала стебли папируса очищали от коры (от «Кора»), сердцевину (от «Сердце») разрезали (от «Резать») вдоль на тонкие полоски. Получившиеся полоски раскладывали внахлест на ровной поверхности. На них выкладывали под прямым углом ещё один слой полосок и помещали под большой гладкий камень (от «Твёрдый»), а потом оставляли под палящим солнцем. После сушки лист папируса отбивали молотком (от «Бить») и выглаживали. Листы в окончательной форме имели вид длинных лент и потому сохранялись в свитках (от «Крутить»). Таким образом, слово *карта* может быть как исконно звукоподражательным из-за шершавой и шуршащей поверхности листа папируса, так и производным от «Резать/Бить» ввиду особенностей его изготовления. Так или иначе, лексема *карта* и все её производные (заимствования *картель*, *картечь*, *картон*, *картуз*) занимают прочное место в корпусе КР-лексики.

Не менее обоснованно в изучаемый фрагмент лексики входит ЦН *красный*, этимологически производное от *красивый*. Примечательно то, что в цветовом значении лексема *красный* среди всех славянских языков употребляется только в русском, а в первоначальном значении встречается лишь во фразеологических оборотах («долг платежом красен», «ради красного словца» и др.). В старорусском языке для обозначения красного цвета использовали слова *рдяный* и *червлёный* (по названию личинки насекомого червеца, из которого изготавливали красную краску).

Общеиндоевропейский корень **rudh-* (**reudh-*, **roudh-*) «красный», известный в древних языках (санскр. *rudhiras*, лат. *ruber*), в некоторых языках Европы сохранился как ЦН и до настоящего времени (англ. *red*, нем. *rot*, фр. *rouge*). Славянские языки не сохранили и.-е. **rudh-* для обозначения соб-

ственно красного цвета, называя словами, восходящими к этому корню, разные оттенки рыже-бурого и коричневого (польск. *rudu* «рыжий», сербо-хорв. *руд* «бурый, рыжий, красно-рыжий» и др.). Однако древнейшие ЦН на основе **rudh-* не утрачены бесследно, в русском языке сохранилась группа ЦН различных оттенков красного: *румяный, рдяный, рдеть, рудой, рыжий, редрый*. Некоторые настолько отделились от своего исконного значения, что стали называть уже другой цвет, далеко не красный – например, *русый* [Бахилина, 1975, с. 108-110] (ср. с исп. *rubio* «белокурый, блондин»). Можно предположить постепенное «стирание» семы ярко-красного цвета и переход в более светлые оттенки: *рудой* > *рыжий* > *русый*.

Другой источник наименований красного цвета в русском языке – общеславянский корень **červ-*, появление которого связано с разработкой нового красителя из кошенили (червеца). Во многих славянских языках производные от этого корня и по сей день являются основными для обозначения красного, однако, в русском слова от корня **červ-* (*червлёный, чермный, червчатый*), будучи широко употребительными в древнерусском, в XVII в. неожиданно быстро начинают вытесняться новым ЦН, в роли которого выступает ранее существовавшее в языке слово *красный* [там же, с. 134-135].

Слово *красный* в русских памятниках известно с древнейших времён, широкоупотребительно и используется для обозначения очень многих и очень разных положительных качеств [там же, с. 162], чаще всего употребляется в своём исконном значении «красивый», «прекрасный», а также «превосходный», «ценный», «богатый», «отменный» и пр. В ритуальной и религиозной литературе слово *красный* употребляется для выражения качеств, положительных с точки зрения христианской морали: «достойный», «почтенный», «блаженный» и даже «святой». В народно-разговорной речи прилагательное употребляется по отношению к солнцу, месяцу со значением «светлый, ясный» [там же].

Вплоть до XVIII в. *красный* употребляется в своей старой роли, обозначая не очень определённые и самые разнообразные положительные качества.

Неудивительно, что ещё с древнейших пор слово является весьма многозначным. Приобретая такую полисемичность, слово утрачивает со временем семантическую полновесность и становится «пустым» в смысле применимости к любым обстоятельствам (вроде современного слова *хороший*, но с более выраженным значением положительного). Вполне вероятно, что именно многозначность и широкая употребительность слова привели к появлению цветового значения. Возможно, в каких-то своих положительных оттенках слово *красный* соприкасалось с другими ЦО, что и привело к развитию нового элемента и без того разнообразной семантики, который, однако вытеснил все предыдущие, вследствие чего слово стало употребляться только для обозначения цвета [Бахилина, 1975, с. 165].

Значение цвета у слова *красный* является вторичным по отношению к «Красивый», следовательно, первым этапом нашей семантической реконструкции должно стать обоснование именно значения «Красивый» в КР-лексике. Это несколько усложняет нашу задачу, так как нельзя не признать, что «Красный» легче вывести либо из гиперсемы «Резать» (> «Кровь, Красный»), либо из звукоподражательного микрополя «Огонь» (> «Красный»). Как и в случае с приведёнными выше примерами, можно предположить несколько вариантов семантического развития. Обратимся для начала к этимологическим данным. В словарях высказываются версии о родстве лексемы с др.-исл. *hrósa* «хвалиться», *hróðr* «слава» нов.-исл. *hrós* «слава», готск. *hrōþeigs* «победоносный», др.-в.-нем. *hruom* «слава»; лит. *grōžis* «красота», *gražūs* «красивый» [Фасмер, 1996, т. 2, с. 367]. Высказывается также версия о связи с лит. *krósnis*, лат. *krāsns* «печь», при ст.-сл. > др.-рус. книжн. *krada* «огонь, жертвенник». Эта версия кажется П.Я. Черных наиболее убедительной, учёный делает вывод о том, что *красивый* возникло из первоначального значения *krada* «жертвенный огонь» [Черных, 2001, т. 1, с. 440].

Итак, проанализировав все выдвинутые этимологические гипотезы, с учётом звукосемантических свойств фонестемы КР-, мы можем предположить следующие пути развития семы «красивый»:

– ОГОНЬ > КРАСИВЫЙ (от др.-рус. *krada* «жертвенный огонь»);

– БУККАЛЬНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ > ХВАЛИТЬ > КРАСИВЫЙ (от др.-исл. *hrósa* «хвалиться»);

– РЕЗАТЬ/БИТЬ > ОЧИЩАТЬ/ЧИСТЫЙ > ЯСНЫЙ/КРАСИВЫЙ (данное микрополе уже имеется в тщательно разобранном нами фоносемантическом пространстве – есть несколько слов, прошедших аналогичный путь развития: «Резать/Бить» > «Очищать» (*кираса, кора (корица), короста, краги, черевуки*));

– РЕЗАТЬ/БИТЬ/ГНУТЬ > ИЗОГНУТЫЙ/КРИВОЙ > УЗКИЙ/СТРОЙНЫЙ > КРАСИВЫЙ (от лит. *grōžis* «красота», *gražūs* «красивый», ср. с *грациозный*, исп. *gracioso* «остроумный»).

Из всех предложенных нами версий наиболее вероятной и обоснованной мы считаем первую. О производности слова *красный* от и.-е. **ker(ə)-³* «сжигать, гореть» сказано и в словаре Ю. Покорного [Pokorny, 1959, Bd. 2, S. 571-572].

Гипотеза о развитии значения «Красивый» из *krada* «жертвенный огонь» позволяет нам рассмотреть вопрос в более широком контексте, обратившись к кинетическо-звуковым теориям происхождения языка, одной из которых является ритуальная теория [Март, 1928; Топоров, 1988; Маковский, 1996; Мечковская, 1998; Мониц, 2000]. Согласно данной гипотезе, основой для возникновения языка служит ритуал, который древнее языка, предшествует ему и во многих чертах предопределяет его. Важность ритуала для фоносемантических исследований определяется в том числе и тем, что архаическое сознание, будучи системным, включает в себя все формы представлений об окружающем мире. В широком смысле, ритуализованные средства общения рассматриваются как прототип знаковой коммуникации. Изначально существовал набор ритуальных предикаций базовых символов, из которых впоследствии развивались конкретные словоформы, сохраняющие в себе эти сакрализованные первоосновы. Этот набор предикаций базовых символов был достаточно ограничен, что обусловило ограниченность состава реконструи-

рованных и.-е. праоснов [Шляхова, 2005, с. 161-165].

Знакомство с ритуальной теорией происхождения языка подтверждает наши предположения о том, что и.-е. корень **(s)ker-* является звукоподражательным в своей основе, а одной из референций является горящий огонь. Вспомним о рассуждениях А. Вежбицкой и К.П. Биггам, указывающих именно на огонь как на прототип красного цвета. Принимая во внимание изначально очень широкий контекст употребления прилагательного, а также его исключительно положительные значения, в том числе и в ритуальной литературе, священность обряда жертвоприношения и важность собственно огня (костра), служившего источником тепла, безопасности, пищи и обеспечивающего связь с потусторонними высшими силами, мы можем предположить, что цветовое значение у слова *красный* развилось на основе многочисленных семантических превращений, референтом которых также был огонь. На основе первоначально звукоподражательного КР- возникло значение «Огонь», послужившее, с одной стороны, прототипом для обозначения всего яркого и красного, а с другой – для всего священного и, как следствие, воспринимаемого исключительно положительно. Отсюда – слово *красный* со всей своей многоаспектной положительной семантикой, в которой, с течением времени, всё-таки оформилась, выделилась и стала преобладать изначальная древняя сущность – обозначение красного цвета.

Возвращаясь к ЧР-лексике, отметим, что большинство лексем из перенесённых в КР-блок уже включены в соответствующие микрополя. Лексема *чёрт* – наиболее «тёмная» из всех, что представляется весьма символичным. Этимологи выдвигают множество версий, довольно пёстрых по содержанию и обусловленных, видимо, сложным и не совсем понятным образом этого существа: от «Заклинать, проклинать, сглазить» (ср. с *чары*), от «Ненавидеть, злиться» (семантика та же), от «Чёрный», от «Резать» из-за прозвища *куцый*, от «Рог» из-за наличия у чёрта маленьких рожек и др. Нам кажется наиболее вероятной версия, лучше всего отображающая сущность чёрта – «Резать/Бить» > «Портить» > «Ненавидеть/Проклинать».

Аналогичным представляется и развитие собственно ЦН *чёрный*. Этимологически слово связывается с др.-прусс. *kirsnan* «чёрный», др.-инд. *kṛṣṇás* «чёрный», с лит. *kéršas* «чёрно-белый, пятнистый» и восходит к и.-е. корню **ker-*. Думается, наиболее очевидным является чисто символическое развитие значения: «Резать/Бить» > «Портить» > «Плохой/Злой» > «Чёрный».

Однако у нас возникла и другая гипотеза, которая, на первый взгляд, может показаться слишком сложной, но с другой стороны, некоторые внутри- и внешелингвистические факты, не позволяющие нам полностью от неё откеститься, говорят в пользу именно этой траектории развития ЦН, ещё раз подчёркивая синкретичность мышления древнего человека и, как следствие, созданного им языка. Вспомним обозначения красного цвета со славянским корнем **červ-*: *червлёный*, *червчатый* и *чермный*, поразительно похожие на исследуемое *чёрный* по форме. Этимология представленных слов восстановлена: они происходят от названия насекомого кошенили (червеца), из которого добывали соответствующий пигмент; *червец* же – производное от *червь* – слово, уже рассмотренное нами в рамках фоносемантического пространства КР-лексики. Из-за особенностей движения и внешнего вида червя его название представляется полученным из развития «Резать/Гнуть» > «Вращать/ Изогнутый». Следующий факт, который навёл нас на размышления – указанный у Н.Б. Бахилиной пример употребления слова *красный*. Среди множества других исследователь указала и такой: «красный, как уголь» [Бахилина, 1975, с. 173]. «Но ведь уголь чёрный», – подумали мы и сразу вспомнили о горящих или тлеющих углях, которые именно красного цвета – налицо первоначальный синкретизм красного и чёрного как двух сторон одного явления. То же можно сказать и о костре – красном, когда горит, и серо-чёрном после того, как потух. Вспомним эволюцию возникновения цветов и соответствующих наименований, установленную Б. Берлином и П. Кеем – согласно их теории, и это не вызывает никаких сомнений, первыми категориями цвета были светлый, белый и тёмный, чёрный. Далее в виде яркой вспышки

появляется красный, а, скорее, общий яркий цвет, со временем подразделившийся на частные категории разных оттенков. Упомянутая нераздельная связь красного и чёрного позволяет рассмотреть красный не как последующий за белым и чёрным, а как промежуточный элемент между светом и тьмой, обуславливающий и обозначающий этот переход от тёмного к светлому и наоборот. Пылающий красный костёр превращает день в ночь, отчасти и по этой причине огонь наделялся сверхъестественными способностями и вызывал почтение и священный ужас, являясь основой для многих ритуалов и сакральных обрядов. Восходящее и заходящее красное солнце таким же образом знаменует переход ночи в день и дня в ночь. Причём очевидно, что на фоне темноты, ночи, чёрного свет от солнца и огня воспринимался более ярко, чем выглядит то же закатывающееся вечером за горизонт солнце, каким бы красным оно ни было. То есть природные условия и физиология нашего восприятия обеспечили всё для слияния красного именно с чёрным, тёмным, а не с белым, светлым. С другой стороны, значение «красный» подобно «чёрному» может развиваться из семы «Резать/Бить» > «Портить» > «Отрицательный» (ср. ирл. *derg* «красный» и англ. *dark* «тёмный»). Все эти размышления позволяют сделать заключение об изначальной тесной связи и взаимообусловленности чёрного и красного цветов, в силу чего неслучайно совпадение их начальных фонем, и предположить, что *чёрный*, возможно, – производное того же звукоподражания красному огню, который рано или поздно тухнет, темнеет и позволяет царствовать ночному мраку.

3.4.2. *Rojo*

Согласно этимологическим данным, обозначение красного цвета в испанском – *rojo* – происходит от лат. *rūsseūs* «ярко-красный» от *ruber* «красный», восходящего к протоиндоевропейскому корню **reudh-* с тем же значением. ЦН стало регулярно употребляться в кастильском в XV в. Во времена Средневековья термин уже существовал, но не был широко распространён, обозначая красноватые оттенки, тогда как основными наименованиями крас-

ного цвета были *bermejo* «алый, ярко-красный, рыжий» (от лат. *vermis* «червь, кошениль»), *colorado* «красный, рыжий», а в современном употреблении уже больше «крашенный, цветной» (от *color* «цвет») и *encarnado* «алый, красный», а в нынешнем значении – «телесный, розоватый» (от *carne* «мясо») [Corominas, 2011]. Как видим, ситуация с обозначениями красного цвета идентична тому, что происходило в русском языке: первоначальное ЦО от имени насекомого было вытеснено другим, восходящим к звукоизобразительному и.-е. корню. Заметим, что этимология лат. *vermis*, давшего имя древнему ЦО, рассматривается нами в разделе, посвящённом *verde* – обозначению зелёного цвета в испанском, и она аналогична происхождению русского слова *червь* ввиду наличия в обоих словах символического R-форманта, олицетворяющего круговые движения. Семантика термина *encarnado* тоже представляется ясной: «Резать/Бить» > «Мясо» (*carne*) > «Красный» (*encarnado*). А общее обозначение красного цвета *colorado*, впоследствии восстановившее своё более широкое значение «цветной», согласуется с нашими рассуждениями о том, что изначально красный обозначал любой цвет вообще на контрасте с ахроматическими белым и чёрным.

Возвращаясь к и.-е. корням, нельзя не отметить уже ставшие привычными мнимые омонимичность и паронимичность представленных в словарях форм. Исследовав весь список и.-е. корней на R-, мы вновь делаем вывод о том, что все они восходят к единому протокорню, имеющему звукоизобразительную основу (РЫЧАТЬ (*reu⁻¹, *rēu-, *rū̃-, *rei⁻³, **rē(i)*-, *rās̃-, *rē⁻⁶, *reibh- «реветь, рычать, кричать») с переходом в значение БУККАЛЬНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ (*reu-smen- «жевание; горло»), РЕЗАТЬ/РВАТЬ (*rei⁻¹ «рвать, резать», *rē⁻² «разрывать», *rendh- «рвать», *rei⁻⁵, *reid-, *reik-, *rem- «обрезать, подстригать», *remb-, *romb- «рубить, кромсать», **reugh-m(e)n*- «крем, сливки»), СКРЕСТИ/ЦАРАПАТЬ (*rēd⁻², *rōd-, *rād- «царапать, скрести», *reidh- «взбираться»), обусловленную «агрессивной» символикой R-форманта и эволюционирующую в:

– РЫЧАТЬ > ЗЛИТЬСЯ (*rabh-, *rebh- «бушевать, прийти в ярость») >

БЫТЬ ВОЗБУЖДЁННЫМ (*rēd⁻¹ «возбуждать; радостный»);

– ХВАТАТЬ/ВЫРЫВАТЬ (*rep- «схватить, вырвать», *reu⁻², *reuə-, *rū[̃]- «вырвать, выкопать, открыть, приобрести и др.», *reuə-, *rū- «открыть; широкий»), отсюда вследствие метонимического переноса ВЕЩЬ/ОБЛАДАТЬ (*rei⁻⁴, *rēi- «вещь; обладание», *rent- «вещь»);

– РЕЗАТЬ/БИТЬ > СВЯЗЫВАТЬ/ГНУТЬ (*reig-, *reiĝ-, *rek[̂]-, *reĝ- «связывать», *rezg- «заплетать, мотать», *ṛksā- «привязь; граница, предел») > НАКРЫВАТЬ (*rebh⁻² «покрывать», **ruk(k)*-, **rouk(k)*- «разновидность одежды») > ТЁМНЫЙ (*reg^{wos}- «темнота», *rē⁻⁵ «тёмный»);

– РЕЗАТЬ/БИТЬ > ТРЯСТИ (*reik- «трясти; столб, шест», *rei-, **r(ēi)*- «дрожать») – данное значение напрямую обусловлено артикуляционными свойствами вибранта [R] > СТОЛБ/БАЛКА (*rek⁻¹ «возвышаться; столб», *rēt-, *rōt-, *rāt- «столб; ствол», *rēp⁻², *rəp- «столб; балка») > *reid- «оказывать давление, поддерживать», *rem-, *remə- «поддерживать; отдыхать», *rē⁻⁴ «отдыхать, лежать»;

– РЕЗАТЬ/БИТЬ > ПОРТИТЬ (**rek̂h*- «вредить») > ТЁМНЫЙ (*reg^{wos}- «темнота», *rē⁻⁵ «тёмный»);

– РЕЗАТЬ/БИТЬ > ТЕЧЬ (*rēs-, *rōs- «течь, струиться», *reu-b-, *reu-g- «извергать, рыгать», *red-, *rod-, *reĭə-, *rī- «поток»), отсюда в результате очередного переноса по смежности МОКРЫЙ/ДОЖДЬ (*reĝ⁻², *rek[̂]- «влажность; дождь») > *reg⁻¹ «красить», *rei⁻², *roi- «пёстрый» > КРОВЬ, КРАСНЫЙ (*reudh-);

– КРУТИТЬСЯ/БЕЖАТЬ – под влиянием возможностей R-форманта символизировать вращательное движение и, шире, движение вообще (**ret(h)*- «бежать, катиться, вращать», *rebh⁻¹ «двигаться, спешить», *reu⁻³, *reu-s- «спешить, торопиться», *rēp «ползти, красться», *reidh- «ехать, идти», *roi-no- «дорога, путь; межа») > ПОВТОРНОЕ ДЕЙСТВИЕ.

Налицо смежность и взаимообусловленность последних двух траекторий семантического развития – значение «Течь» может быть производным от «Бежать», и наоборот. Семантика корня **ṛk̂Do-s* «медведь» также может

иметь комплексный характер, будучи связанной со значениями «Рычать/Реветь», «Грызть», «Резать/Бить», «Скрести/Царапать».

Не менее тесную связь демонстрируют все значения с референтом МАНУАЛЬНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ и корень **rēiĝ-*. Его значение «Протягивать руку» в силу своей неопределённости может дать основу для развития огромного спектра корней, среди которых и **rē-³* «грести» (также может быть производным от семы «Бежать/Двигаться»), **reu-⁴* «расследовать, разыскивать», а также практически совпадающие по семантике **rēk-²* «устраивать, готовить», **rē-¹* «рассчитывать, готовить», **rēi-¹*, **rī-* «рассчитывать, организовывать» и **reg-¹* «прямой, сделать прямо; король». Анализ лексем современного испанского языка позволит установить дальнейшие пути семантического развития исходного значения «протягивать руку» и других протокорней и.-е. языка.

При подборе соответствующей лексики для фоносемантического анализа ЦН *rojo* мы столкнулись с тем, что в испанском языке чрезвычайно мало слов на RJ-, что обусловлено очевидными фонетическими превращениями второго форманта. Поэтому мы посчитали целесообразным расширить исходное макрополе с учётом артикуляционных свойств звуков и включили в анализ также и RG-, RK- (RQ- и RC-), RCH- и RS-лексем испанского языка. Все исследуемые слова распределились по микрополям, соответствующим траекториям развития и.-е. протокорней (см.: Приложение, Рис. 5):

– ЗВУКОПОДРАЖАНИЕ, БУККАЛЬНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ (*rezongar* «брюзжать, ворчать», *rugir* «рычать», *risa* «смех, хохот» (с одной стороны, звукоподражательное, с другой, может рассматриваться как эволюционировавший угрожающий звериный оскал; отсюда также возможно метонимическое развитие значения ОСТРЫЙ, да и вообще гиперсемы РЕЗАТЬ), *rictus* «улыбка, усмешка, гримаса»);

– РЕЗАТЬ/РВАТЬ > КОЛОТЬ/ОСТРЫЙ (*rejo* «остриё, жало, колючка, шип», *reja* «решётка; лемех, вспашка», *rostro* «лицо, клюв, нос корабля» (от лат. *rostrum* «остриё, конец»), *res* «голова животного», *résped* «жалю», *ré-*

spice нагоняй, разнос (на основе метафоры), *respigón* «заусеница», *risco* «скала», *roca* «скала, утёс», *rescoldo* «угрызения совести»);

– РВАТЬ/РАЗДИРАТЬ (*rasgar*) КУСОК/ЧАСТЬ (*rasgo* «черта», *ración* «порция», *raza* «раса») > СВЯЗЫВАТЬ (*ristra* «связка», *racimo* «кисть, гроздь, пучок, кучка»);

– СКРЕСТИ/ЦАРАПАТЬ (*rascar*, *rasguear*, *rasguñar*, *raspar*, отсюда – *rastra*, *rastro* «след, борона, грабли, сани», *rozar* «расчищать землю под пашню; щипать траву; скоблить, царапать; слегка касаться», отсюда – *rocín* «кляча, рабочая лошадь, деревенщина», *rústico* «деревенский, сельский; грубый, неотёсанный»), отсюда – БРИТЬ (*rasurar*), ШЕРШАВЫЙ, ШЕРОХОВАТЫЙ (*rugoso* «морщинистый»), ТРЕЩАТЬ (*restallar* «щёлкать кнутом, трещать», *resquebrajar* «трескаться», отсюда – ЩЕЛЬ (*resquicio*)) > КАСАТЬСЯ, ТЕРЕТЬ, ТРЯСТИ (*respingar* «дёргаться, вздрагивать», *restregar* «тереть», *restringir* «сокращать, урезать», *roce* «трение, касание»; *resbalar* «скользить, сползать», *rasar* «скользить, едва касаться, выравнивать»), отсюда – *ras* «УРОВЕНЬ», *raso* «ГЛАДКИЙ, ровный, чистый, безоблачный; атлас»;

– ПРЯМОЙ (*regir* «править, царствовать») (и все производные: *regalia* «регалия, привилегия», *régimen* «режим, порядок», *región* «область, район», *regio* «королевский» *regla* «линейка, правило, закон»; *reglar* «линовать, чертить; упорядочивать», *rigor* «строгость, суровость», *rígido* «строгий, суровый»), *rico* «богатый», *razón* «разум; довод, аргумент, причина; правота», *rogar* «просить, умолять» (первоначально – «отдавать распоряжение рукой»), *rezar* «молиться», *recto* «прямой», *raquis* «позвоночник» (*raquitis* «рахит»)).

Прав был Ш. де Бросс, который объяснял явление энантиосемии механизмом метонимии. Мы наглядно показали, как на основе переносов по смежности могут развиваться противоположные значения: «Шероховатый» и «Гладкий», «Резать, рвать» и «Связывать».

Значение слова *racha* «вспышка» – результат связи «Резать/Бить» со значением «Свет» (подробно явление было рассмотрено выше).

Фоносемантический анализ выбранного фрагмента лексики привёл нас

к немаловажным открытиям. Совокупность лексических значений слова *rosca* «резьба, насечка; винт; спираль; крендель, баранка» являет собой яркий пример того, как из значения «Резать» может развиваться значение «Округлый». Ранее мы реконструировали появление последнего из «Резать/Гнуть». Как видим, возможна и такая траектория семантического развития: «Резать» > «Винт» > «Спираль» > «Закручивать, крутиться» (*rosquilla* кренделёк, гусеница, червяк, *rizo* «кудрявый, завитой») > «Огорчаться» (*resquetor* «досада, огорчение», ср. с русск. *кручина, грусть*).

Следующее открытие – история развития слова *resina* «смола, камедь». Как известно, камедь добывают из дерева, делая на коре насечки, откуда впоследствии вытекает сок. Следовательно, в том числе и на основе этого процесса у «Резать» мог появиться дериват «Течь» (отсюда – *regar* «поливать», *rocío* «роса»), а оттуда на основе метафорических переносов – «Бежать» и пр. Далее, если вспомнить о том, что аналогичным образом добывают и натуральный каучук, который затем перерабатывается в РЕЗину, станет очевидным появление лексемы *resorte* с соответствующим значением «пружина, упругость».

Этот же семантический переход («Резать» > «Течь») отвечает за появление среди и.-е. R-корней формы **reudh-* «красный» («Течь» > «Кровь» > «Красный») и развитие на её основе испанских лексем *rosa* «роза» и *rojo* «красный».

3.5. Наименования жёлтого и зелёного цветов

3.5.1. Жёлтый и Зелёный

В своём современном значении русское ЦН *зелёный* употребляется с неограниченной сочетаемостью с XI в. [Василевич и др., 2002, с. 13]. Зелёный считается цветом жизни, и связано это, прежде всего, с наличием пигмента хлорофилла в преобладающем числе растений.

Жёлтый же в памятниках XI–XIII вв. встречается крайне редко, поначалу преимущественно для обозначения цвета волос. Некоторое время соперника-

ми *жёлтого* являются *плавый* и *половый*, но позже последние начинают применяться исключительно для обозначения масти животных, а потом и вовсе исчезают из живого языка. В русской поэзии XVIII вв. для обозначения жёлтого цвета, как правило, используется эпитет *золотой* («золотые поля», «золотые лучи солнца», «золотые волосы»). В прозе, начиная со второй половины XIX в., названия жёлтого цвета употребляются в прямом значении и вместе с тем связываются с негативными коннотациями болезней (пожелтевшее лицо) и насилия [Василевич и др., 2002, с. 13].

Этимологи русского языка (А.Г. Преображенский, М. Фасмер, П.Я. Черных, Н.М. Шанский) совпадают во мнении об идентичном происхождении терминов жёлтого и зелёного цветов – оба они восходят к и.-е. корню **ghel-¹* (**ghelə-*, **ghlē-*, **ghlō-*, **ghlə-*, **ghwel-*) [Преображенский, 1959, т. 1, с. 226, 249; Фасмер, 1996, т. 2, с. 43, 98; Черных, 2001, т. 1, с. 297, 323; Шанский, 1963, с. 84]. Точный состав корня с трудом поддаётся реконструкции вследствие неясности и неустойчивости начального звука.

То же касается и семантики данного корня, впрочем, как и многих других и.-е. корней – она отличается размытостью и объединяет в себе несколько значений: «Сверкать, блестеть», «Зелёный», «Жёлтый», «Синий» и «Серый». Можем предположить, что семантика **ghel-¹* развивалась по аналогичному пути, что и значения другого и.-е. корня **bhel-¹*, которые мы тщательно анализировали в соответствующем разделе (см.: п. 3.2.1). Гипотетически значения «Зелёный», «Жёлтый», «Синий» и др. также могут быть производными от «Сверкать, блестеть», как и «Белый» в случае с корнем **bhel-¹*. Характерное для звука [L] звукоизобразительное значение «лизать» естественно перетекает в сходные «Гладкий», «Блестящий».

О многозначности корня **ghel-¹*, нераздельности цветовых значений и порождаемых ими проблемах написано уже немало. Например, валлийское *glas* до сих пор может обозначать и зелёный, и синий, и серый цвета. А.П. Василевич отмечает, что долгий период сосуществования в одном слове двух и даже более значений представляет большую трудность для исследова-

телей древних рукописей ввиду того, что нигде не зафиксировано, в какой именно момент в полисемичном термине начался процесс вычленения разных значений. Изучив тексты древних рукописей и их переводы, исследователь приходит к разумному заключению о невозможности адекватного перевода кельтского *glas*, ведь неизвестно, какой из трёх обозначаемых цветов имел в виду автор. Возможно, подразумевалось вовсе и не цветное значение слова, тогда правильным стал бы перевод «сияющий», что существенно меняет глупый смысл всего произведения [Василевич и др., 2011, с. 8].

В первой главе нашего исследования мы уже касались вопроса тесной связи жёлтого, зелёного и синего цветов в рамках теории БК, точнее, III стадии появления в языке категорий жёлтого и сине-зелёного (*grue*) цветов. Именно этому этапу развития системы соответствует и.-е. **ǵhel-¹*. Несомненно, этот корень как результат очень древнего визуального впечатления от яркого света включает в себя сему «Жёлтый». Это даёт основания предположить, что именно «Жёлтый» было первоначальным из всех цветовых значений и.-е. **ǵhel-¹*, и категория жёлтого цвета, возможно, оформилась раньше, чем зелёного. В поддержку данной гипотезы выступает и тот факт, что по сравнению с терминами жёлтого цвета в разных и.-е. языках обозначения зелёного цвета отличаются большим разнообразием: английское *green*, испанское *verde*, русское *зелёный* относятся к разным первоисточникам.

Анализ производных от **ǵhel-¹* показал частотность значения «зелёный» и слияние в некоторых из них жёлтого и зелёного цветов: греч. *chlōros* «бледно-зелёный, жёлто-зелёный», лат. (*h*)*olus* «зелень, овощи, капуста», лат. *galbinus* «жёлто-зелёный», лит. *želiù* «зелёный, зеленеть», латв. *zāle* «трава, растение» и мн. др. [Покорный, 1959, Bd. 2, S. 429-430].

В качестве родственного **ǵhel-¹* указывается также др.-инд. *hiranyam* «золото». Лексема *hári-* «жёлтый, золотистый, зелёный» и её производные обозначали в санскрите в основном жёлтые цвета: например, цвет солнца, льва и т.п. Однако можно выделить ряд случаев, когда *hári-* означает зелёный: цвет лягушки, изумруда, молодой зелени. М. Monier-Williams включает в зна-

чения *hári-* «жёлтый», «зелёный», а также «жёлто-коричневый», «красно-коричневый», «коричневый», «тёмно-жёлтый», «бледно-жёлтый» [Monier-Williams, 2008, p. 1289]. Другого наименования зелёного в санскрите выделить не удалось, поэтому более вероятным представляется, что система ЦО в санскрите была «жёлто-зелёной» и состояла из ЦО, образованных с помощью различных моделей от *hári-*: *harina-*, *harit-*, *háríta-*, *hary-* и т. д.

В силу каких-то причин предметы зелёного цвета крайне редко описывались с помощью цветowych терминов, и эта особенность делает санскритскую систему ЦО уникальной в ряду других древних индоевропейских цветowych систем, в которых прототипически зелёные предметы достаточно часто описываются с помощью ЦО. Очевидно, такие особенности систем ЦО в санскрите, русском и многих других языках являются прямым наследием индоевропейского языка, система ЦО которого была тоже «жёлто-зелёной», что вполне согласуется с гипотезой БК о том, что первоначально в языке возникает слово, называющее одновременно жёлтые и зелёные оттенки цвета.

Приведённые языковые факты наводят нас на предположение о том, что и.-е. **ǵhel-¹* «сверкать, блестеть; жёлтый, зелёный, серый или синий» обозначает общую макрокатегорию цвета, неразделённую на оттенки. Возможно, эта категория является остатком предыдущей, ещё более широкой, включающей и красный цвет.

3.5.2. *Amarillo*

Цветовая система испанского языка отличается от многих индоевропейских тем, что термины, обозначающие жёлтый и зелёный цвета, имеют разное происхождение.

ЦН *amarillo* употребляется в кастильском варианте испанского языка с 1074 г., отождествляется с цветом спелого лимона, одуванчика или золота. Жёлтый цвет в испанской культуре, как и в некоторых других, имеет негативные коннотации (в средневековой Испании в жёлтое одевали сжигаемых

на костре еретиков; жёлтый флаг на корабле означает, что корабль находится на карантине; в английской лингвокультуре жёлтый цвет ассоциируется с трусостью; в арабской «жёлтая улыбка» — неискренняя улыбка; во французском языке «жёлтый смех» — искусственный смех). Аналогично русскому языку, жёлтый в испанском ассоциируется, в первую очередь, с болезнью и смертью, о чём свидетельствует в том числе и происхождение лексемы. Этимологи восстанавливают путь её развития следующим образом: исп. *amarillo*. < лат. *amaricare* «огорчать, причинять боль» < лат. *amarus* «горький». В античные времена врачи уделяли большое внимание соотношению в организме человека четырёх жидкостей: крови, жёлтой жёлчи, чёрной жёлчи и лимфы. Грусть и боль связывались именно с жёлчью, именуемой также «горьким настроением» (*humor amargo*). Жёлтый ассоциировался со смертью, так как цвет лица больного имеет желтоватый оттенок, или меланхолией, которая в те времена считалась болезнью, характеризующейся грустным настроением и периодическими вспышками ярости.

Для того чтобы тщательней разобраться в первоисточниках релевантной для нас лексемы *amarillo*, мы проанализировали все лексемы испанского языка на АМ- (см.: Приложение, Рис. 6). Из ФСП предварительно исключены следующие слова: значительное количество лексем греческого происхождения, образованных при помощи отрицательного префикса *a-* (*amatista*, *amazona*, *amnesia* и мн. др.), производные от имени египетского бога Амона (*amoníaco*, *amonio*, *amonita*), слова семитского происхождения (*amalgama*, *amarola*, *ámbar*, *amén*), производные от слов, не относящихся к АМ-лексемам (*amparo* от лат. *anteparare*), в том числе глаголы, образованные с помощью префикса *a-* (*amadrinar*, *amaestrar*, *amarrar* и мн. др.), лексемы с затемнённой этимологией (*amuleto* либо от лат. *amolliri* «отодвигать, устранять, предотвращать», либо от греч. *ámulon* «круглый хлеб, используемый на алтарях и в гробницах для того, чтобы умиловать богов и духов умерших», либо от араб. *jamalet* «носить с собой»), а также огромное количество однокоренных слов.

В изучаемый лексический корпус входит и слово *amargón* «одуванчик». Примечателен анализ внутренней формы данного слова: в отличие от русского языка, в основу номинации положен совсем другой признак – либо его цвет, либо горький вкус. Интересно, что из-за цвета жёлчи в средние века лекарства из растений жёлтого цвета давали при заболеваниях печени, и удивительно, но некоторые из них вошли в научную медицину в той же роли, и одуванчик относится к их числу – корень одуванчика известен как желчегонное средство, укрепляющее и оздоравливающее печень.

Наибольший интерес из анализируемого корпуса лексики вызвала лексема *amar* «любить» от лат. *amare*. Что касается происхождения латинской лексемы, этимологи не дают точного ответа. Руководствуясь тем же тезисом С.В. Воронина и А.Б. Михалёва о фоносемантическом семиогенезе, наиболее адекватной мы считаем точку зрения о том, что слово *amar* восходит к звукоизобразительному и.-е. корню **am(m)a-*, **amĩ-* «мама» из детского языка (ср., напр., с баск. *ama* «мама» и *amata* «бабушка»), выражая тем самым эмоциональную связь матери и ребёнка – нежность, привязанность и др. [Рокоту, 1959, Bd. 1, S. 36].

Фоносемантический потенциал АМ- не подлежит никаким сомнениям: полнозвучный гласный [А] (нижнего подъёма и среднего ряда) и губно-губной [М] символизируют, в первую очередь, любой вид буккальной деятельности. Если рассуждать о детском языке и о первом детском слове в частности, становится очевидной связь *amma* с кормлением грудью, которое для ребёнка является самым ранним проявлением той самой ротовой деятельности. Невольно напрашивается параллель с русским речевым жестом *ам*, который символизирует процесс поедания пищи. Разумеется, не является случайной связь и.-е. **am(m)a-*, **amĩ-* «мама» с исп. *ama* «кормилица», *tata* «женская грудь» и многочисленными производными (*tamada* «кормление грудью», *amamantar* «кормить грудью», *tamífero* «млекопитающее» и др.), ведь для ребёнка знакомство с матерью начинается именно с кормления, то есть с груди. Таким образом, исконно звукоподражательное *am-* посредством

переноса по сходству дало развитие значениям **am⁻¹* «хватать», **am⁻²* «ко-сить, жать», **amə-* «энергичные действия» а на основе метонимического переноса превратилось в **am(m)a-*, **amĩ-* «мама», параллельно дав развитие и семе «женская грудь, вымя».

Аналогичный семантический переход описывается в гипотезе Т. Regier, согласно которой с образом грудного ребёнка семантически связаны образы любви и чего-то маленького. Связь между образами грудного ребенка и любви, привязанности, по словам автора, является «прагматически естественной». Если рассмотреть процесс семантического развития с другой, обратной стороны, редуцированные языковые формы (именно таковой является *мама*) иконическим способом связываются с образом грудного ребенка, так как редупликация характерна для речи детей и для регистра речи взрослых, обращённой к ним [Regier, 1998, p. 887-890].

Далее мы можем лишь предполагать аналогичное семантическое развитие лексемы *amargo* «горький» от звукоподражательного *am:* «Есть» > «Вкус» > «Горький» (ср. с арм. *ham* «вкус», *hamov* «вкусный»). Возможно, подобный путь семантического развития нейтрального значения («Вкус») в отрицательное («Горький») обусловлен или подкреплён «агрессивными» акустико-артикуляционными свойствами R-форманта.

Под влиянием расхожего мнения о том, что любовь зачастую предполагает страдания, можно предположить и примерно следующее развитие значений: «*мама*» > «*любить*» > «*страдать, тоска, больной*» > «*горький*» > «*жёлтый*». Данное предположение, конечно, имеет право на существование, но эволюция значения «горький» на основе звукоподражания представляется нам гораздо более логичной.

Последующее семантическое развитие *am-* тоже обусловлено его артикуляционными характеристиками и способностью олицетворять что-то округлое: «Буккальная деятельность» > «Дуть/Надувать» > «Округлый/Окружать» > и.-е. **ambhi-*, **ambhō* «с двух сторон, вокруг». От данного и.-е. корня производно огромное количество лексем в латинском и, как следствие, ис-

панском языках. Например, *ambages* «обиняки» < лат. *ambages* «вращения, повороты» < приставка *ambi-* «вокруг, кругом» + корень *agere* «толкать вперёд»; *amputar* «изымать, удалять» < лат. *amputatio* «отсечение, обрезание» < *ambi-* «вокруг, кругом» + *puto* «чищу, подстригаю», а также лексемы *ambular* «ходить, бродить», *ambiguo* «обоюдный, двусмысленный», *ambición* «честолюбие, самомнение», *ambiente* «окружающий; воздух, атмосфера», *ámbito* «пространство, область» и многие их производные.

Результатом этой же траектории семантического развития стали и следующие лексемы: *ampuloso* «напыщенный, высокопарный» < лат. *ampullari* «выдувать стекло», *ambón* «амвон» < др.-греч. ἄμβων «выпуклость», *amplio* «широкий» < лат. *amplus* «широкий, большой», *ampolla* «пузырь, волдырь, колба, ампула», *ampolleta* «песочные часы» и другие.

Значение «Окружать» может развиваться в «Накрывать/Прятать» – вероятно, к корню **ambhi-* восходит и лексема *amagar* «угрожать, приближаться, обнаруживаться; прятаться». Слово *ameba* (лат. *amoeba* < греч. Αμοιβή «изменение, трансформация») этимологи связывают с и.-е. **mei-*² «менять, двигать» – когда амёба движется, кажется, что она меняется. Семантика лексемы позволяет нам предположить, что данное слово может быть производным от того же и.-е. корня **ambhi-* «с двух сторон, вокруг»: «Вращать» > «Двигать/Менять».

Возможно, значение **āmer-* «день» тоже обязано развитию корня **ambhi-* «с двух сторон, вокруг». К сожалению, реконструкция значения **ames-* (**omes-*) «дрозд» в изучаемом фрагменте и.-е. корневой системы не представляется возможной, однако, данное затруднение не затрагивает объект и цели нашего исследования – первоисточники ЦН *amarillo* «жёлтый» изучены тщательным образом, вследствие чего сделано обоснованное заключение о происхождении термина цвета от ономастического речевого жеста *am*.

3.5.3. Verde

Первое употребление в кастильском *verde* «зелёный» датируется 1019 г. Слово происходит от лат. *viridis* «молодой, крепкий, могучий», которое, в свою очередь, связывается с лат. *virere* «быть сильным», что по отношению к растительному миру означает быть пышным, иметь много листвы и, как следствие, быть зелёным. На самом деле этимологи спорят до сих пор и не сходятся во мнении, какое значение было первоначальным, а какое производным – происходит ли значение «зелёный» от значения «могучий, крепкий», или наоборот.

В процессе анализа испанской VR-лексики мы столкнулись с тем, что многие слова из выделенного нами корпуса связываются этимологами с целым рядом омонимичных и.-е. корней **uer-*: **uer⁻¹*, **uer⁻²*, **uer⁻³* и т.д. Явление омонимичности не находит у нас большой поддержки – то, что многими лингвистами вообще и этимологами в частности принято считать омонимией, мы ставим цель объяснить и, реконструировав весь путь развития протокорня, наглядно продемонстрировать эволюцию его значений, которые со временем настолько отдаляются друг от друга, что уже перестают восприниматься как связанные и кажутся всего лишь совпадающими по своей форме. Итак, даже на первый взгляд заметны не самое корректное толкование и несколько размытое распределение значений, а при тщательном анализе различные семы демонстрируют поразительную смежность, что говорит в пользу наличия общего для них протокорня. Если две формы корня **urāgh⁻¹* «шип, колючка, остриё» и *urāgh⁻²* «ударять, толкать» являют пример классической смежности значений «Резать/Острый», то корень **uer-* поражает немислимым количеством омонимов, среди которых особо выделяется *uer⁻³* с его четырнадцатью разновидностями [Pokorny, 1959, Bd. 3, S. 1150-1166]. Сам же корень **uer-* представлен в тринадцати вариантах: **uer⁻¹* (**suer-*) «связывать, присоединять», **uer⁻²* (**suer-*) «вершина, высокий», **uer⁻³* (**suer-*) «вращать, сгибать, связывать» (и значения чередующихся форм: «червь», «нагнуться,

раскачиваться», «давить, душисть», «смутиться; стиснуть зубы», «быть изогнутым, кривым»), *uer⁻⁴ (*suer-) «найти, взять», *uer⁻⁵ (*suer-) «закрывать, покрывать; охранять, беречь», *uer⁻⁶ (*suer-) «говорить», *uer⁻⁷ (*suer-) «рвать», *uer⁻⁸ (*suer-) «наблюдать», *uer⁻⁹ (*suer-) «широкий», *uer⁻¹⁰ «течь, поток», *uer⁻¹¹ «дружба; правдивый, заслуживающий доверия», *uer⁻¹² «гореть», *uer⁻¹³ «белка».

Исходя из тезиса о примарной звукоизобразительности языка, мы считаем первоначальными, послужившими основой всем остальным, значения «Говорить» и «Вращать». Если обратиться к фоносемантическому компоненту анализа, артикуляторные особенности *uer- лишь подтвердят нашу гипотезу: губно-губной [W] имитирует процесс говорения, символизирует буквальную деятельность вообще, а также нечто округлое, а вибрант [R] – дрожание, колебание, вращение (> «Округлое») и движение вообще. Богатые символические свойства R-форманта обеспечивают развитие от первоначального «Говорить/Вращать» таких значений, как «Окружать», «Накрывать/Закрывать», «Связывать/Гнуть» (> «Изогнутый», «Давить/Душить», «Течь») и др. Нельзя не отметить, что все эти действия совершает и человек своим языком в процессе говорения, что говорит в пользу указанной смежности ядерных сем «Говорить» и «Вращать».

Именно эти два значения стали основой для развития изучаемого фрагмента корневой системы и.-е. языка и в дальнейшем практически всей VR-лексики испанского языка. К макрополю с синкретичным значением «Вращать/Связывать/Сгибать/Окружать/Накрывать/» мы относим и.-е. корни *uer⁻⁶ (*suer-) «говорить», *urek- (*sureik-) «говорить, кричать», *uerĝ⁻¹ «закрывать, окружать; ручка», *uerĝ⁻² «делать, работать», *uer⁻¹ (*suer-) «связывать, присоединять», *uer⁻³ (*suer-) «вращать, сгибать, связывать» и производные от него *urmi-s (*suer-) «червь» и «смущаться, стесняться; стиснуть зубы», а также *uer⁻⁴ (*suer-) «найти, взять», *uer⁻⁵ (*suer-) «закрывать, покрывать; охранять, беречь» (> *uōro- (*suōro-) «обман; безумие»), *ureth- (**suere*th-) «поддерживать», *urāĝh⁻² (*surāĝh-) «ударять, толкать», *urāĝh⁻¹ (*surāĝh-)

«шип, колючка, остриё», **urēġ-* (**surēġ-*) «ломать», *uer⁻⁷ (**suer-*) «рвать», **ureg-* (**surg-*) «толкать, тащить, вести» и **uers-* (**suer-*) «тащить по земле». Обратим внимание, что в качестве чередующихся форм почти всех глаголов Ю. Покорный указывает варианты на s-: звукоизобразительные свойства R-форманта усиливаются и подкрепляются возможностями шипящего звука олицетворять значение «Связывать/Тащить».

Производной от описанного макрополя выступает сема «Течь» (*uer⁻¹⁰ «течь, поток», **uren-* (**suren-*) «брызгать»), значение «Связывать» порождает также сему «Дружба» (*uer⁻¹¹, **uerə-* «дружба; правдивый, заслуживающий доверия»), а наибольшее развитие получает микрополе «Прямой/Расти/Сильный» (**uerdh-*, **uredh-* «расти, высокий», **u(e)rād-*, **uerəd-*, **urəd-* «ветвь, корень», *uer⁻² (**suer-*) «вершина, высокий», *uer⁻⁹ (**suer-*) «широкий», *uerġ⁻³, **uorġ-* «изобиловать, быть полным сил», *uīro-s (**suīro-*) «мужчина; воин»).

Этимологический анализ испанской VR-лексики обнаруживает дополнительное объяснение развития в изучаемом пространстве значения «Прямой/Сильный». Латинским словом *vertex*, производным от глагола *uer⁻³ «вращать», называли ось, вокруг которой вращалось небо (в понимании жителей античности). На этом этапе семантического развития, вероятно, произошло смещение значений, и в результате метонимии от «Вращать» образовалось «Вертикальный/Прямой».

Таким образом, изученное пространство VR-лексики (за исключением глагола *ver* «видеть», восходящего к корню **u(e)id*⁻² «видеть, знать») представляет следующие траектории семантического развития (см.: Приложение, Рис. 7):

– ВРАЩАТЬ/ГНУТЬ (*versar* «вертеться» (*versión* «версия», *verso* «стих»), *vértigo* «головокружение», *virar* «поворачивать», *vereda* «узкая дорожка, тропинка», *vericuetto* «труднопроходимая возвышенная местность», *variar* «изменять», *varar* «спускать судно на воду, вытаскивать судно на берег», *vorágine* «водоворот, пучина», *vórtice* «вихрь, смерч», *voraz* «про-

жорливый, ненасытный», *verme* «глист, червяк», *verbena* «кнут, хлыст, плеть» (то, что сгибается и вращается) > ГОВОРИТЬ (*verbo* «глагол» от лат. *verbum* «слово»);

– ВРАЩАТЬ/ГНУТЬ > ОПРОКИДЫВАТЬ/ЛИТЬ (*verter* «наклонять, опрокидывать, лить, разливать, насыпать», *vertiente* «текущий, стекающий; склон»);

– ВРАЩАТЬ/ГНУТЬ > НАКРЫВАТЬ/ПРЯТАТЬ (*vergüenza* «стыд»);

– ВРАЩАТЬ/ГНУТЬ > ОКРУГЛЫЙ (*vera* «край, кромка, окраина» (от лат. *viria* «кольцо, круг»), *virola* «кольцо, обод», *viruela* «оспянка, оспа», *viruta* «стружка», *várice* «расширение вен»);

– ВРАЩАТЬ > ОСЬ > ВЕРТИКАЛЬНЫЙ/ПРЯМОЙ (*verdad* «правда», *verga* «рея, гафель», *verja* «решётка», *vertebra* «позвонок», *vertical* «вертикальный») > ВЫСОКИЙ/ВЕРШИНА (*vertex* «темя, макушка», *vértice* «вершина», *versal* «заглавная прописная буква») > СИЛЬНЫЙ/КРЕПКИЙ > САМЕЦ (*viril* «мужской, мужественный», *virago* «мужеподобная женщина», *varón* «мужчина», *verraco* «племенной хряк», *varano* «варан», *virtud* «добродетель» от лат. *virtutem* «мощность»).

Весьма показателен пример развития семантики лексемы *verdugo* – первоначальное значение «Побег, росток» трансформировалось в «Прут, хлыст», далее на основе метонимии развилось значение «Шрам, рубец», и финальный перенос по смежности привёл к семе «Палач».

Что касается эволюции релевантного для нас значения «Зелёный», можно предположить два пути его развития: «Вертикальный/Прямой» > «Расти» > «Зелёный» или «Ось» > «Палка/Ветка» > «Зелёный». Первая гипотеза представляется нам более логичной и естественной:

– ВЕРТИКАЛЬНЫЙ/ПРЯМОЙ > РАСТИ (*verruca* «бородавка», *verdugo* «побег, росток; прут, хлыст, розга; шрам, рубец; палач», *vara* «ветка, прут», *vergel* «цветущий сад», *verano* «лето» (от лат. *ver* «весна»), *verde* «зелёный»).

3.6. Наименования синего цвета

3.6.1. Синий

Этимологические данные обусловили выборку корней и.-е. языка (*синий* связывается с др.-инд. *śyāmás*) – в силу неустойчивости второго согласного звука нами проанализированы и.-е. протокорни на S-, SM- и SN-. В соответствии с таким выбором изучаемого фрагмента праязыка в анализируемый словарный корпус современного русского языка вошли SM- и SN-лексемы. В ФСП не вошли слова, восходящие к другим корням (*семестр* от лат. *sex* «шесть» и *mensis* «месяц», *семь* от праслав. **sedmь*, *сморчок* от лат. *Morchella*, *смотреть* от праслав. *motriti*, *сомbrero* от лат. *subumbrare* «покрывать тенью», *сумма* от лат. *super* «вверху», далее от и.-е. **uper* «сверху», *снаряд* от *с*, *на-* и *ряд*, *снеть* от *еда*, *сентябрь* от лат. *september*, *санкция* от лат. *sacer* «священный, святой; проклятый», предположительно восходит к и.-е. **saq-* «ограждать; защищать» и др.), заимствования из неиндоевропейских языков (*сёмга*, *сундук*, *саман*, *самум*, *самурай*), а также *сноб* (от англ. *snob*, изначально «ученик сапожника; подмастерье», далее от неустановленной формы), *снайпер* (от англ. *snipe* «бекас» (охота на эту птицу сложна тем, что траектория её полёта непредсказуема, и выстрел должен проводиться навскидку)).

Звукоизобразительные свойства S-форманта обуславливают семантическое содержание изучаемых лексем русского языка. Спирант [S], подражая, в первую очередь, свистящим и шипящим шумам, метонимически развивается в «Ползти», «Связывать/Гнуть» и пр. Наша гипотеза подтверждается данными анализа А.Б. Михалёва [1995, с. 133]. В свою очередь, сема «Связывать» порождает «Тёмный», далее – «Сон», последние значения подкрепляются и свойствами назальных [M] и [N] символизировать внутреннее местонахождение (внутри > темно) [Михалёв, 1995, с. 95].

Результаты анализа и.-е. корневой системы не противоречат предварительным выводам на основе звуко-семантических корреляций. Сема «Шипеть/Ползти/Связывать/Гнуть» представляется звукоизобразительным ядром

данного корпуса корней: **suei-*, **sui-* «шипеть, свистеть», *(*s*)*ner*⁻¹, (*s*)*nur-* «бормотать, ворчать», **suen-* «звучать», *seng^w*h-* «петь», *(*s*)*mei*⁻¹, **smeu-* «смеяться, удивляться», **sneig-* «ползти», **smē-*, *smēi⁻³ «мазать, тереть», **smeru-* «смазка, жир», *seu⁻³ «сгибать, вращать, поворачивать», *(*s*)*ner*⁻² «вращать, поворачивать, мотать», **snōp-* «собирать в пучки, снопы, связывать», **snēu-* «вращать, сгибать, связывать; жила», **suē(i)*- «сгибать, поворачивать, вращать, качать», **sueng-* «сгибать», **sē(i)*⁻³ «сгибать; ремень», *(*s*)*nē-*, (*s*)*nēi-* «сшивать вместе, плести», **siū-* «шить». Кроме того, значение «Связывать» порождает «Жениться»: **sneubh-* «ухаживать, жениться», *snusós «сноха».

Ядерная синкретичная гиперсема вследствие развития значения «Мотать/Вращать» неизбежно порождает сему «Быстро двигаться»: *seu⁻⁴ «кипеть, быстро двигаться», **sen-* «готовить, преуспевать», **suento-* «энергичный, живой, здоровый», *sāno-s «здоровый», **su-*, **sū-* «хороший». Значение «Живой/Здоровый» переключается и со звукоподражательным «Звучать/Петь/Смеяться», ассоциирующимся с кем-то энергичным, здоровым, бодрым (ср. англ. *safe and sound* «жив-здоров, цел и невредим»).

От значения «Гнуть» развивается «Отделять» (*sem⁻² «один», **seni-* «для себя, отдельный», **sēmi-* (**ghemi-*) «половина») – вновь наблюдаем синкретизм значений «Связывать» и «Разделять», отсюда – «Опускать», «Сеять» (**sē(i)*⁻¹ «просеивать, сыпать», **sē(i)*⁻² «бросать, посылать, опускать, сеять», *seu⁻² «воспитывать ребёнка; сын», **smeit-*, **smit-* «бросать», **seuə-*, **sū-* «позволять, отпускать», *seng^{w-} «падать, тонуть», *(*s*)*uendh-* «исчезнуть»).

Синкретичная сема «Связывать/Гнуть» включает также и значение «Резать» (*smēi⁻², **smāi-*, **smĩ-*, *(*s*)*nadh-*, **sneit-*, *(*s*)*nerb-* «резать», **sāi-* «боль, болезнь, травма, вред») и производные «Давить» (**smog-* «тяжело весить», **suenk-* «тяжёлый», **sā-*, *sə-* «пресыщенный»), «Течь/Влажный» (**sei-*, **soi-* «быть влажным, капать», *sem⁻¹ «лить», **snā-*, **sneu-* «течь, плавать; влажный», **suem-* «двигаться; плавать», *seu⁻¹ «сок; жидкий, дождь», *sneig^w*h-* «идти снегу; снег, дождь».) по двум возможным траекториям:

«Связывать» > «Сжимать/Давить» > «Течь/Мокрый» или «Связывать» > «Липнуть» > «Влажный/Мокрый».

Ещё один канонический семантический переход – «Течь» > «Идти/Бежать»: **sent-* «взять курс, идти; чувствовать», отсюда возможно развитие значения «Время» и производное от него «Старый»: **sen(o)-* (*heno) «старый».

Следующий этап семантического развития – «Связывать» > «Тёмный», отсюда значения «Сон», «Туман», «Дым» и др.: **sneud(h)-*¹ «сонный, дремать», **sneudh-*² «туман, дымка», *(*s*)*meukh-* «курить, дым», **smel-*¹ «долго гореть, тлеть», **senk-* «гореть, сушить», **smel-*² «серый, седой» (пересекается с семой «Старый»).

Лексемы русского языка распределились по выделенным макро- и микрополям следующим образом (см.: Приложение, Рис. 8):

– ЗВУЧАТЬ (*смеяться* и заимствования *соната, сонет*) > ПОЛЗТИ (*сани* и *синель* (от франц. *chenille* «гусеница»)) > СВЯЗЫВАТЬ (*смыкать, смычок, снасть, сноп, сноха*, а также ряд слов с начальным греч. *σύν* «с, вместе, совместно» (*симбиоз, символ, симметрия, симпатия, симпозиум, симптом, симфония, сандалии, синагога, синод, синдикат, синдром, синекдоха, синкретизм, синоним, синоптик, синтаксис, синтез, синхронный, сонм*));

– СВЯЗЫВАТЬ/ГНУТЬ > ОТДЕЛЯТЬ/ОДИН (*сам, самец, самка*, а также заимствования *симуляция* (от лат. *similis* «похожий, подобный», далее от и.-е. **sem-*² «один»), *синекура* (от лат. *sine cura animarum* «без заботы о душе, без лечения души»)) > ОПУСКАТЬ/СЕЯТЬ (*семя, семья, сын* и *семинар* (от лат. *seminarium* «рассадник, теплица»));

– СВЯЗЫВАТЬ/ГНУТЬ > ДАВИТЬ/ТЯЖЁЛЫЙ (*сума*) > ТЕЧЬ/ИДТИ > БЫСТРО ДВИГАТЬСЯ (*сновать*) > ЭНЕРГИЧНЫЙ/ЗДОРОВЫЙ (заимствования *санаторий, санитар* (от лат. *sānis* «здоровый»), *сангвиник* (от лат. *sanguis* «кровь; жизненная сила»), *сан*) > ЧУВСТВОВАТЬ/УЗНАВАТЬ (заимствования *сантименты, сентиментальный, сенсация, сенсуальный, сентенция* (от лат. *sentire* «чувствовать; узнавать; думать» из и.-е. **sent-* «идти»)) >

ВРЕМЯ/СТАРЫЙ (заимствования *сенат* (от лат. *senex* «старик»), *сеньор* (от лат. *senior* «старший»));

– СВЯЗЫВАТЬ/ГНУТЬ > ТЁМНЫЙ > КУРИТЬ/ДЫМ (*смола, смуглый, сень, сени, сон, снулый, снабжение* (от *сон* и *бдить*) и заимствования *смокинг* (от англ. *smoke* «курить») и *сомнамбула* (от лат. *somnus* «сон» и *ambulo* «хожу, брожу»)) > СИНИЙ.

Предложенное нами семантическое развитие лексемы *синий* подтверждается данными этимологического словаря М. Фасмера: синий связывается с др.-инд. *ṣuātás* «чёрный, тёмный». А.П. Василевич поддерживает: «На ранней стадии развития языка понятия «чёрный» и «синий» не различались. В литературе XI в. во многих случаях *синий* еще передаёт значение просто тёмного цвета». Кроме того, чёрт в русском языке табуистически обозначался как *синец*, а синий цвет встречается в траурных народных костюмах наряду с чёрным [Василевич, 2005, с. 66-70]. В древнерусских памятниках раннего периода есть примеры, где синий, вероятно, обозначает чёрный цвет («синий как сажа»). По мнению Н.Б. Бахилиной, в тот период слово ещё не оформилось как ЦН, а впоследствии, избавившись от всех ненужных, побочных значений, развило своё современное значение как ЦН. Поначалу *синий* имело довольно узкую сочетаемость (водные источники и некоторые природные явления), примерно в том же значении употреблялись слова *зекрый* (применительно к цвету камня и глаз) и *сизый* (цвет оперения птиц, особенно голубя), но впоследствии основным ЦН всё же оказалось слово *синий*, которое стало означать «вообще синий» и сочетаться с любыми предметами. *Зекрый* в конце концов исчезло, а *сизый* приняло более конкретный, частный оттенок, хотя и расширило область применения [Василевич и др., 2002, с. 12]. Н.Б. Бахилина предполагает, что когда в глубокой древности восточные славяне почему-то утратили общеславянский корень **modr-* для названия синего цвета, вся «нагрузка» легла на прилагательное *синий*, которое осталось единственным в языке обозначением этого цвета. Н.Б. Бахилина предполагает, что слово по происхождению и в древности близко к светообозначению, то есть в нём

сохранилось значение «относящийся к свету, блеску», но не «блестящий, сверкающий», а напротив, «тёмный, тусклый», «лишённый блеска, сияния» [Бахилина, 1975, с. 174-175].

3.6.2. Голубой

Возвращаясь к двухцветной категории *grue* в системе БК, мы сталкиваемся с синим цветом. Напомним, что Ю. Покорный определяет и.-е. **ghel-¹* как «сверкать, блестеть», добавляя затем: «как цветное прилагательное: жёлтый, зелёный, серый или синий», и приводит следующие примеры наличия значения «синий» в лексемах и.-е. языков: латв. *zils* «синий», лит. *gelumbe* «синяя или зелёная одежда», др.-прусс. *golimban* «синий», ирл. *glass* «зелёный, серый, синий», русск. *голубой* и др. [Pokorny, 1959, bd. 2, S. 429]. Примеров наличия у и.-е. производных от **ghel-¹* семы «Синий» значительно меньше по сравнению с представленностью жёлтого и зелёного цветов, что говорит о доминировании последних в общей макрокатегории цвета на стадии III. Однако среди немногочисленных примеров есть и ЦН *голубой*.

Сопоставляя системы ЦО в разных языках, исследователи неизменно отмечают особенность русского и некоторых других языков, в которых для области синего цвета существует два основных названия – *синий* и *голубой*. С точки зрения смысла, *голубой* можно рассматривать как светлый вариант *синего*.

Прилагательное *голубой* известно лишь восточнославянским языкам, в древнерусских памятниках слово встречается не раньше XIV в. По мнению одних исследователей [Фасмер, 1996, т. 1, с. 431], слово *голубой* происходит от слова *голубь* (по одной версии – по цвету отлива шейных перьев птицы или головного оперения птицы), по мнению других исследователей – наоборот, *голубь* от *голубой* [Преображенский, 1959, т. 1, с. 142]. Именно данная точка зрения о производности имени птицы от имени цвета, а не наоборот, представлена ниже в составленном ФСП.

Голубой в современном русском языке и в древнем, начиная с XVI-XVII вв., означает «светло-синий», однако в говорах есть примеры, когда голубым называют жёлтое [Бахилина, 1975, с. 193] – очередной пример рассмотренного нами выше слияния жёлтого, зелёного и голубого цветов в одной макрокатегории.

В памятниках раннего периода *голубой* встречается только для обозначения масти лошадей. Под мастью *голубая* подразумевалась лошадь либо «светло- или тёмно-серая с синевой», либо «серовато-голубая», либо даже «серовато-жёлтая, серовато-бурая». Еще в XIV-XV вв. слово *голубой* сохраняет это свое значение. Несколько позднее слово появляется в деловых памятниках как название цвета тканей, одежды и драгоценных камней. Н.Б. Бахилина предполагает, что к XVI-XVII вв. значение слова определяется как «светло-синий», впоследствии его сфера употребления существенно расширяется – в литературе XVIII в. оно используется для описаний явлений природы, цвета неба, воздуха и воды [Бахилина, 1975, с. 196].

Анализ и.-е. *GHL-* и *GL-* корней выявляет звукоизобразительное ядро и развивающиеся из него периферийные значения. В качестве центра ФСП мы выделяем и.-е. корни с референтами «Буккальная деятельность» и «Мануальная деятельность». К первому макрополю относятся, в первую очередь, **gal⁻²*, **ghel-*, **ghlād-* «звать, кричать», а также **gel⁻²*, **g^wel-* «глотать, пожирать» и производные от него на основе метонимии **ghel-ond-* (**ghol-ṅd-*) «желудок; внутренности», **g^welbh-* «чрево; детёныш животного». На основе сем «Звать, кричать» и «Глотать, пожирать» возможно развитие значений и.-е. корней **g^whel-* «желать», **gal⁻³* (**ghal-*) «быть способным» и **ghel-tō* (**ghel-dhō-*) «стоять, платить».

Второе макрополе составлено подробно рассмотренным ранее синкретичным значением «Резать/Гнуть»: **ghel⁻²* «резать», **gleubh-* «резать, очищать», **gelebh-* «строгать, сдирать кожу», **g^wel⁻¹* «втыкать; боль, смерть», **ghel(ē)gh-* «разновидность металла», **glōgh-*, **glāgh-* «шип, остриё», **gol⁻²* «ветка», **ghalg(h)-* «прут, ветка», а также **gel⁻¹* «завить, крутить»;

круглый», **ghuel-* «согнуть, свернуть» и производные от них и.-е. корни **ghelgh-* «железа» и **ghel-ōu-* (**ghelū-*) «черепаха».

Значение «Резать/Протыкать» даёт начало семе «Течь» и её производным **glag-* (**glak-*) «молоко» и *ghēlā «вино» и, с другой стороны, обуславливает появление микрополя «Портить/Вредить»: **ghal-*, **ghal-ar-* «недостаток, дефект», **g^wltur(os)* «гриф, стервятник».

Подобная траектория семантического развития просматривается и в эволюции значений корня **g^wel-*, представленных как омонимы: **g^wel⁻¹* «втыкать; мучение, смерть» метонимически эволюционирует в **g^wel⁻²*, **g^welə-*, **g^wlē-* «капать, течь; бросать», от значения «Бросать» – **g^wel⁻³* (**g^wel-*, **g^wlā-*) «жёлудь».

Семантика корня **gal⁻¹* «лысый, голый, неоперившийся» пересекается и со значением «Очищать/Сдирать кожу», и с **gal⁻²* «звать, кричать» (если речь о неоперившемся птенце); связь с **gal⁻³* «быть способным» рассмотрена выше.

Значения корней **gel⁻¹* «завить, крутить; круглый» и **gel⁻²* и **g^wel-* «пожирать» могут быть обобщены посредством связывающего их значения «Живот»: **ghel-ond-* (**ghol-nd-*) «желудок; внутренности», **g^welbh-* «чрево; детёныш животного».

Нами уже было отмечено, что развитие семы «Свет/Блеск» в изучаемом ФСП может быть аналогичным восстановленной ранее эволюции значений и.-е. корня **bhel-*. Отметим вновь, что проведённые исследования подтверждают сверхсильные связи значений «Резать/Бить» и «Свет/Блеск» [Левицкий, 2008, с. 51]. Появление последнего может быть результатом следующих траекторий семантического развития:

– РЕЗАТЬ/БИТЬ > ТЕЧЬ/ЖИДКИЙ > СКОЛЬЗКИЙ/ГЛАДКИЙ > СВЕТ/БЛЕСК;

– РЕЗАТЬ/БИТЬ > МЕТАЛЛ > БЛЕСК;

– БИТЬ/УДАРЯТЬ (о молнии) > СВЕТ/БЛЕСК и др.

Значение «Округлый» может развиваться как из **gel⁻¹* «завить, крутить;

круглый», так и из семы «Гладкий», она же может стать основой для появления **gel(ə)-*³ «холодный», **gheləd-* «лёд», также возможен и такой путь: «Течь/Жидкий» > «Замерзать» > «Холодный/Лёд» > «Блеск». Кроме того, стоит отметить и определённую связь значений «Лысый/Голый» и «Гладкий».

Итак, к дериватам **ġel-* (**ġelə-*, **ġlē-*, **ġelēi-*, **ġ(e)lāi-*) «свет, светить; быть радостным» относятся следующие корни: **ġhlend(h)-* «поблёскивать; взглянуть, смотреть», **ġhuelg-* «взглянуть, сверкнуть», **ġhlend(h)-* «скользить», **ġhlādh-* (**ġhlūdh-*, **ġhlādh-*) «гладкий, блестящий», **ġleg-* «мягкий, нежный», а также **ġhleu-* «быть радостным, шутить» (совпадает со вторым значением корня **ġel-*) и **ġhel-¹* (**ġhelə-*, **ġhlē-*, **ġhlō-*, **ġhlə-*, **ġhwel-*) «сверкать, блестеть; жёлтый, зелёный, серый или синий» – первоисточник сразу трёх основных ЦН русского языка: *жёлтый*, *зелёный*, *голубой*.

Мы проанализировали всю лексику русского языка с начальными ЖАЛ-, ЖЕЛ-, ЖИЛ-, ЖЛ-, ЖУЛ-, ЗАЛ-, ЗЕЛ-, ЗИЛ-, ЗЛ-, ЗОЛ-, ЗУЛ-, ГАЛ-, ГЕЛ-, ГИЛ-, ГЛ-, ГОЛ-, ГУЛ-. Лексемы, за исключением не относящихся к и.-е. GHL- и GL-корням (*галоши* (родств. лат. *caliga* «сапог»), *гильотина* (от франц. *guillotine*, по имени фр. врача Ж.-И. Гийотена (фр. *Guillotin*)), *гольф*, *гольфы* (от англ. *golf*, далее из нидерл. *colve* ««игра с шаром или мячом», от *kolf* «клюшка, дубинка»)), распределились по выделенным выше микро- и макрополям следующим образом (см.: Приложение, Рис. 9):

– БУККАЛЬНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ/ШУМ (*галдеть*, *гиль* (вздор, чепуха), *глагол*, *голос* (*глас*), *гул*, *гулять*, *гульба*, *глодать*, *голод* (пересекается с семой «Желать»: СТОИТЬ/ПЛАТИТЬ > *желать*, *жалованье*, *гильдия* (из нем. *gelten* «стоять, платить, жертвовать»)), *глотать* (*глотка*), *галстук* (от нем. *Halstuch* «шейный платок»)) > ЖИВОТ (*желудок*) > ОКРУГЛЫЙ/КРУТИТЬ/НАКРЫВАТЬ (*глаз*, *голова* (*глава*), *голубцы*, *глыба*, *галька*, *желвак*, а также *галета* (из ст.-франц. *gal* «галька, камень»), *глобус* (от лат. *globus* «шар»), *гильза* (от нем. *Hülse* «оболочка, втулка, стручок»));

– РЕЗАТЬ/КОЛОТЬ/ОСТРЫЙ (*глубокий*, *жёлоб*, *жалить* (*жало*), *жалеть*, *жалоба*, *жулик* (от *жулить* «колоть ножом»), а также заимствование

гуляш (от венг. *gulyás* «пастуший», далее от *gulya* «крупный рогатый скот»)) > ПОРТИТЬ (*зло, злачный, глупый, глухой, галка* (от праслав. формы *galъ «чёрный»)) > ТЕЧЬ/ЖИДКИЙ (*жёлоб, галера, галактика* (от др.-греч. *γάλα* «молоко»), *галон*) > > СКОЛЬЗКИЙ/ЛИПКИЙ/СЛАДКИЙ (*галушки, глина, глист*, а также *глицсер* (от франц. *glisser* «скользить»), *глицерин, глициния, глюкоза* (от др.-греч. *γλυκός* «сладкий»)) > ГОЛЫЙ/ГЛАДКИЙ/ БЛЕ-СТЯЩИЙ/ЛЁД (*голый, галун, глаз, галька, гладь* (*гладить, гладкий*), *глянец, глазурь, газет* (парча), *глетчер*) > СВЕТ/СВЕТИТЬ/ВЗГЛЯД (*гелий* (от др.-греч. *ἥλιος* «солнце»), *глаз, глядеть*) > ВЕСЁЛЫЙ, РАДОСТНЫЙ (*глумить-ся* (шутить, дразнить), *галантерея, галантный* (от франц. *galant* «галантный, учтивый», далее из *galer* «веселить, доставлять удовольствие»)) > СВЕТ/БЛЕСК > ЖЁЛТЫЙ, ЗЕЛЁНЫЙ, СИНИЙ (*жёлтый* (*желток, жёлчь*), *зелёный, зелье, злак, зола, золото, голубой, голубь, глаукома* (от греч. *γλαυκός* «светло-синий, светло-зелёный»)).

Из-за тесной связи и взаимообусловленности некоторых периферийных значений в ФСП («Гладкий/Блестящий», «Жидкий/Скользкий» и «Круглый», «Течь» и «Глубокий» и др.) становится понятным нахождение сразу в нескольких микрополях одновременно таких лексем, как *глаз, жёлоб*.

Реконструкция семантического развития и появления некоторых значений, безусловно, носит предположительный характер, в первую очередь, ввиду отсутствия ясной этимологической картины. К лексемам со спорным или неизвестным происхождением относятся, например, *галка* (из-за производности от праслав. *galъ «чёрный» мы относим её к микрополю «Портить»), а также, возможно, родственные друг другу *глупый* и *глухой*. Из-за сравнения слова *глухой* с лит. *glusnùs* «послушный, внимательный» возможна аналогия со значениями «Быть радостным» и «Гладкий». С другой стороны, в качестве родственных лексеме *глухой* указываются чешск. диал. *hlupit* «затенять» (связь с «Накрывать») и *ihlupit* «испортить», что объясняет включение лексем в микрополе «Портить». Стоит отметить, что Ю. Покорный возводит *глупый* к и.-е. корню **ghleu-* «быть радостным, шутить» [Pokorný, 1959, Bd. 2, S. 451].

Тем не менее, спорные ситуации и наличие большого количества этимологических гипотез не касаются вопроса происхождения основных ЦН *жёлтый, зелёный, голубой* от и.-е. корня **ǵhel-¹* «сверкать, блестеть; жёлтый, зелёный, серый или синий», производного от **ǵel-* «свет, светить; быть радостным».

3.6.3. Azul

В результате тщательного этимологического анализа испанской AZ-лексики мы пришли к выводу о том, что составить ФСП соответствующего корпуса представляется сложной задачей – из него исключаются слова семитского происхождения (15 лексем, 56% всей лексики), слово *azteca* из юто-ацтекской языковой семьи. Из оставшихся 12 лексем 2 имеют греческое происхождение, производны от слов, не относящихся к AZ-лексике (*azoe, azimo*), 4 слова из арабского языка, но и.-е. происхождения на S-, Z- и SH- (*azabache, azúcar, azucena, azufaiifa*), одно производное от ЗП на S- (*azuzar* от *sus*). Из оставшихся 5 слов 2 – неясного происхождения, возможно, тоже арабского. Среди последней группы лексем *azufre* «сера» и ЦН *azul* «синий, голубой».

Выдвигаются разные версии происхождения лексемы *azufre* «сера»: от лат. *sulphur* или араб. *az-zufra* «желтизна». Примечательно, что этимология лексемы *sera* в русском языке также представляется неясной (вопрос рассмотрен в соответствующем разделе).

ЦН *azul*, согласно одной точке зрения, восходит к араб. *lāzawárd*. Согласно другой, араб. слово производно от перс. *lathward* «синий камень, лазурит». Несмотря на принципиальные расхождения в указании первоисточников лексемы (семитских или индоевропейских), несомненна производность *azul* от формы на LAZ- и, соответственно, связь испанского *azul* с русским *лазурь*. М. Фасмер указывает на заимствование последней лексемы через польское *lazur* или чешское *lazur* из ср.-в.-нем. *lazûr, lasûr* «голубой ка-

мень», которое восходит через ср.-лат. *lazurium, lasurium* к арабскому *lâzavard* [Фасмер, 1996, т. 2, с. 450].

Этимологический анализ лексемы *azul* и выявленная производность слова от корня на LAZ- доказывает ошибочность попытки составить ФСП AZ-лексики испанского языка – следовательно, исследовательский интерес направлен на LZ-лексем. Ввиду неустойчивости второго согласного звука и изученных нами в рамках этой работы фонетических чередований, а также с учётом артикуляционных свойств фонемотипов мы дополнили анализ словами с начальным LS-.

В лексическом корпусе выделились микрополя со следующими значениями (см.: Приложение, Рис. 10):

– СВЯЗЫВАТЬ/ДАВИТЬ/ВРЕДИТЬ (*lazo* «бант, петля, лассо, связь, узел», *lacerar* «ранить, ушибить, нанести увечье» от лат. *lacerare* «разбивать, ломать на куски», *lisiar* «калечить», *lesión* «травма», *leso* «повреждённый, поражённый», *lasitud* «усталость, утомление», *laso* «усталый, утомлённый», *lastre* «балласт», *losa* «каменная плита; ловушка, западня; гробница, могила», *lastra* «плиточный камень», *loza* «керамика, фаянс», *lasca* «щебень; осколок»);

– ГЛАДКИЙ/БЛЕСТЯЩИЙ (*liso* «гладкий, ровный», *lisonja* «лесть», *lascivia* «чувственный, сладострастный», *lis* «лилия», *luz* «свет», *lucir* «светить, блестеть», *lustrar* «наводить блеск, глянец»).

Связи между м икрополями и составляющими их значениями обусловлены как с точки зрения звуко-семантических корреляций, так и с точки зрения традиционных семантических переходов. В силу своих акустико-артикуляционных особенностей фонема [S] олицетворяет значения «Касаться/Связывать» и производные от них «Давить/Наносить вред», лингвальный [L] отвечает, в первую очередь, за символизацию таких сем, как «Течь/Лить» и связанных с ними «Гладкий/Блестящий».

С другой стороны, анализ конкретных значений лексем, входящих в макрополя, свидетельствует о дополнительных внутрисистемных связях, обеспечивающих взаимообусловленность микрополей в ФСП: «Давить» >

«Камень» > «Плита» > «Гладкий/Ровный» > «Блестящий» или «Связывать/Давить» > «Разбивать на куски» > «Осколок/Камень» > «Плита» > «Гладкий/Ровный» > «Блестящий». Значение «Усталый, утомлённый» обнаруживает одновременную связь с семами «Повреждённый» (от «Ранить») и «Слабый, лёгкий» (символика L-форманта).

Безусловно, в рамках сформировавшихся участков фоносемантического пространства также наблюдаются связи, обусловленные традиционными переносами по сходству и смежности: «Ранить», «Калечить» и «Травма»; «Гладкий/Ровный» и «Светить, блестеть». Отдельно взятые значения лексемы *losa* демонстрируют ряд семантических превращений: «Каменная плита» > «Ловушка, западня» > «Гробница, могила».

На данном этапе исследования единственными предположениями, так или иначе обосновывающими вхождение лексемы *lazurita* «лазурит» в ФСП, являются уже привычный переход «Светить, блестеть» > «Синий, голубой», а также обусловленное результатами проведённого анализа семантическое развитие «Давить/Камень» > «Гладкий/блестящий камень» > «Голубой камень» («ляпис-лазурью» (от лат. *lapis* «камень»)) назывались плотные и однородно окрашенные тёмно-синие разновидности лазурита).

Для подтверждения выдвинутых гипотез и обнаружения новых нами предпринято фоносемантическое исследование и.-е. корней с расширением привлекаемого материала: к корням на LS- присоединились формы на LG-, LGH-, LK-, и распределились изучаемые протокорни аналогичным образом:

– СВЯЗЫВАТЬ/ГНУТЬ (*leig⁻⁴, *leiĝ*- «связывать», *leĝ- «собирать», *les- «соединять, собирать», *lek⁻², *lĕk*-, *lak*, *leĝh- «соединять, сгибать, мотать», *lĕi⁻¹, *lek*-, *leik⁻², *leug⁻¹ «сгибать», **lĕĝ(h)*⁻¹ : *lăĝ(h)*- «ветка», *loĝ- «ветка, прут», *lăĝh- «резать», *lăĝwh- «хватать», *lĕk⁻¹, *lak*- «ловушка», *las- «жадный, алчный; шаловливый, озорной», *leig⁻³, *loig*- «прыгать; дрожать», *leuĝ- «ломать», *lek⁻¹, *lok*- «ругать, бранить», *lĕk⁻², *lak*- «растирать», *leis- «бороздить, борозда», *leizd-, *loizd*- «край, кромка», *leu⁻², *leuĝh- «отрезать, отделять, освобождать», *leik^w- «оставлять, покидать», *lei⁻² «ликвидировать,

исчезать; слабый, тонкий», *lēs: *lās*- «слабый, немощный», *leig⁻¹, *leik*- лучше *oleig*-/*k*- «бедный, несчастный», *legh- «опускать, -ся, лежать», *lēgh⁻², *lāgh*- «ползать по земле; низкий»);

– ТЕЧЬ/ЖИДКИЙ/БЛЕСТЯЩИЙ (*lak- «лизать, лакать», *leiġh-, *sleiġh*- «лизать», **lauk(o)*- (*lauk*-) «глотка, горло», *laku- «водоём», *leg⁻¹ «капать, вытекать, сочиться», *lēi⁻⁴ «капать, лить», *lei⁻³ «скользить», *lak-, *laġh- «кропить, наносить лёгким прикосновением», *leg^{wh}- «лёгкий», *leuk- (*leuġh-) «светить, светлый; видеть»).

Значение корня *leu-g⁻² «черноватый; болото» в силу своего комплексного характера может относиться к обоим макрополям: «Чёрный» от «Резать/Ломать», «Болото» – от «Связывать» и «Жидкий».

Отдельного упоминания заслуживает форма *leugh-, представленная в виде двух омонимов: *leugh⁻¹ «лгать» и *leugh⁻² «клятва, присяга» – пожалуй, наиболее занимательный пример энантиосемии. Значение «Клятва, присяга», несомненно, производно от «Связывать», но восходит ли к этой же семье значение «Лгать»? Вполне вероятно.

Итак, анализ протокорней, с одной стороны, не даёт дополнительных ответов на интересующий нас вопрос о первоисточниках лексемы *azul*, а с другой, идентичный состав ФСП в испанском и и.-е. языках обеспечивает некое подтверждение выдвинутых на предыдущем этапе исследования предположений: «Светить, блестеть» > «Синий, голубой» и «Давить/Камень» > «Гладкий/блестящий камень» > «Голубой камень». Учитывая существование в природе минерала под названием *лазурит* и соответствующего термина *ляпис-лазурь*, можно было бы склониться в пользу второй версии семантического развития. Однако, фоносемантический анализ и.-е. корней и лексем испанского языка не оправдывает выбора в пользу какой-либо из двух гипотез. Ввиду затемнённой этимологии лексемы *azul* и высокой доли вероятности её семитского происхождения, мы считаем целесообразным воздержаться от дальнейших выводов во избежание откровенно ложных заключений и последующих обвинений в псевдонаучности. Полагаем, что проведённое исследова-

дование может заполнить некоторые из имеющихся пробелов, но вследствие отсутствия достоверных этимологических данных установление конкретного первоисточника ЦН *azul* «синий, голубой» в рамках данной работы оказывается невозможным.

3.7. Наименования серого цвета

3.7.1. Серый

Из ФСП СР-лексики предварительно исключены тюркские и арабские заимствования (*саранча* (от тюркск. *sary(y)* «жёлтый»), *сироп* (от араб. *šarâb* «напиток»)), производные от географических названий на СР- (*сарпинка* от реки Сарпы, протекающей по территории бывшей Саратовской губернии, где проживали немцы, производившие эту ткань; *сурик* от страны Сирии; *сардина* по имени острова Сардинии, и производное от неё *сарделька* (от итал. *sardella* «сардина») – устаревшее название сардины), производные от лексем, не относящихся к СР-лексике: *соревнование* (от *ревновать*), *сражение* (от праслав. **razъ* «удар»), *сурепка* (от *репа*), *суржа*, *суржик* (от *рожь*), *срок* (от *рок*).

В ходе дальнейшего этимологического анализа оставшихся СР-лексем мы столкнулись с тем, что некоторые из них, согласно авторитетным словарям, либо имеют неясное происхождение (например, *сера*, *сургуч*, *сурьма*, возможно, тюркского происхождения), либо возводятся этимологами к и.-е. корням, имеющим другие начальные согласные (например, *сердце* и его производные *сердить*, *середина*, *средство* от и.-е. **kerd-* [Преображенский, 1959, т. 2, с. 278; Фасмер, 1996, т. 3, с. 606], *сирота* предположительно от и.-е. **ghē-* «недоставать, быть пустым, оставлять, освобождать» [Преображенский, 1959, т. 2, с. 289]). Последний факт препятствует включению данных лексем в фоносемантическое поле СР-лексики.

Говоря об артикуляционных и акустических особенностях фонестемы СР- и составляющих её звуков, стоит отметить, что фрикативный [S], в первую очередь, отвечает за подражание длительным свистящим и шипя-

щим шумам, а далее от конкретной ономапии переходит к обозначению звука вообще. Кроме того, будучи по способу образования щелевым, [S] символизирует, соответственно нечто узкое (по величине прохода воздуха), сильное (по силе выхода), быстрое (по скорости выхода) [Михалёв, 1995, с. 94]. Чрезвычайно широкие звукоизобразительные возможности [R] уже рассматривались нами ранее, и если говорить о символических свойствах сочетания исследуемых звуков, по данным комплексного анализа морфемотипов А.Б. Михалёва, фонестема СР- способна олицетворять значения «Резать/Бить/Ломать», «Скрести/Рыть», «Шероховатый», а также различные виды буккальной деятельности: «Есть», «Хрипеть» [Михалёв, 1995, с. 134]. Приведённые данные позволяют нам восстановить семантическое развитие СР-лексики русского языка следующим образом:

– ЗВУКОПОДРАЖАНИЕ/СВИСТ/ШУМ (*сирин, сорока, сурок*) > ДУТЬ/НАДУВАТЬ (*сирень* от греч. *σύριξ* «трубка» – связано со строением веток) > ОКРУГЛЫЙ/ИЗОГНУТЫЙ (*серп, серна, серьга*) > НАКРЫВАТЬ/ВМЕСТИЛИЩЕ (*сарай, сарафан, сорок, сорочка, саржа, сермяга*);

– ЗВУКОПОДРАЖАНИЕ/СВИСТ > УЗКИЙ/ОСТРЫЙ (*серп, серна, сарыч*) > ДИКИЙ/ГРУБЫЙ (*сарыч, сырой, сыр, суровый*) > ПОРТИТЬ (*сор, срам*).

Как видим, значение «Накрывать» может быть развито как из значений «Вращать/Круглый», за которые ответственен R-формант, так и из значения «Дуть/Надувать» > «Округлый» на основе звукоподражательных свойств S-форманта. Семантика лексемы *сарыч* (хищная птица семейства ястребиных) обязана своим развитием либо значению «Острый», либо «Дикий/Грубый». Значения лексем *серп, серна* могут развиваться на основе как семы «Изогнутый», так и семы «Узкий/Острый», что согласуется с этимологическими данными (*серп* от праслав. формы **sьrьpь*, родственно греч. *ἄρπη* «серп», *ἀρπάζω* «хватаю, похищаю, граблю», *ἀρπάγη* «мотыга», лат. *sarpiō, sarpō* «подрезаю лозу», вероятно, также др.-в.-нем. *sarf*, ср.-в.-нем. *sarph* «острый, грубый, жестокий, дикий» [Фасмер, 1996, т. 3, с. 609-610]; *серп* от и.-е. **ser* «сгибать,

стягивать», *ser-p «гнутья, извиваться» [Преображенский, 1959, т. 2, с. 281]; *серна* сближается с *корова*, лат. *cervus* «олень», др.-в.-нем. *hiruz* «олень», брет. *caru* «олень», и др. [Преображенский, 1959, т. 2, с. 280], лат. *cornu* «рог», гот. *hairn* «рог» [Фасмер, 1996, т. 3, с. 609]).

Последние из приведённых нами этимологических данных позволяют предположить, что лексемы *серна*, *серп* тоже восходят к и.-е. корням не на S-, а на K-.

Переход от заднеязычных к спирантам – установленная тенденция в и.-е. языках, обусловленная так называемым процессом палатализации. Остатки этого процесса можно наблюдать в английском, испанском, французском языках (например, графема *c* читается как [k] перед гласными среднего и заднего ряда и как [s] – перед передними *i*, *e*, *y*). В русском языке наблюдаются морфонологические чередования [к] - [ч], [х] - [ш], [г] - [ж]. На примере одних значений в разных звуковых оболочках можно проследить фонетический переход [k] > [h] > [s] (и.-е. **kērd-* «сердце» – греч. *καρδίᾱ* – исп. *corazón* – англ. *heart* – нем. *Herz* – арм. *sirt* – русс. *сердце*; и.-е. **ker-* «рог; голова», лат. *cornu* – гот. *hairn*, брет. *caru* «олень», лат. *cervus* «олень», др.-в.-нем. *hiruz* «олень», русс. *корова*, *серна*).

Что касается ЦО *серый*, этимология данного слова весьма затемнена. Исследователи предполагают различные версии его происхождения, в том числе и от и.-е. корней с другими начальными гласными, указывая на праслав. форму **choiro-*, родственную герм. **haira-*, ср. др.-исл. *hárr* «серый, седой» и др. Например, существует версия производности *серого* от и.-е. корня **k'ei-* или **k'jē-* «тёмно-серый» [Черных, 2001, т. 2, с. 158]. Такие гипотезы могут склонить нас к тому, чтобы также исключить *серый* из СР-лексики, а значит, вовсе не составлять данное ФСП.

Однако в одном из словарей встречается и следующая информация: слав. *срeный* «серый», церк., русск.-цслав. *срѣнь* «белый, серый», соответствует исконнорусск. (др.) *серень* «белый», которое сближают с *сѣрен* «мерзлый снег; иней» [Фасмер, 1996, т. 3, с. 726]. *Серен* со своими значениями

«снег» и «иней» вписывается в микрополе «Накрывать» и даёт основу для развития посредством переноса по смежности значений «Белый», «Серый», «Серебро». С другой стороны, первоисточники слова *серен* также могут восходить к изученным и.-е. корням на GN-, G- или K-. Весьма логичной нам кажется производность *серен* «мёрзлый снег; иней» от **kreu-¹* «лёд, кора» – сходство значений «Лёд/Кора» и «Снег/Иней/Наст» не оставляет никаких сомнений.

3.7.2. *Gris*

Нами было отмечено, что некоторые исследователи трактуют, на наш взгляд, синкретичные корни как омонимичные или паронимичные формы. Приверженцем такого подхода является и Ю. Покорный, представивший в своём словаре более шестидесяти корней на GHR- и GR- (не считая чередующихся форм одного и того же корня), среди которых находится немало смежных, сходных и полностью совпадающих значений.

В теоретическом разделе нашего исследования мы затрагивали вопрос особенностей фонемотипов – звуков, объединённых с точки зрения артикуляционных характеристик и, как следствие, имеющих одинаковый звукоизобразительный потенциал. Заднеязычные смычные [K] и [G], заднеязычный щелевой [H], а также переднеязычный щелевой [S] и переднеязычный аффрикат [CH] (в силу описанных выше фонетических чередований) рассматриваются нами в рамках одного фонемотипа, а в сочетании с одним и тем же вторым элементом – вибрантом [R] – в рамках одного морфемотипа. Этим обусловлены идентичные звукосемантические свойства KR- и GR-корней и.-е. праязыка, и, следовательно, структуры соответствующих пространств будут иметь много общего, варьируясь лишь по количественной представленности тех или иных микрополей.

Звукоизобразительным ядром изучаемого фрагмента корневой системы являются гиперсемы «Буккальная деятельность» (**gār-* «звать, кричать»,

*ger⁻² «хриплый крик», **g^wer(ə)*⁻⁴ «повышать голос; хвалить», **g^wrēuġh-*, **g^wrūġh-* «скрежетать зубами; грызть», **gras-*, **grōs-* «есть, грызть», **g^wer*⁻¹, **g^werə-* «пожирать; глотка», **gru-* «хрюканье» и производные от них на основе метонимии **ġh^wēr-* «дикий зверь» и метафоры – **ġher*⁻¹ («жаждать, любить») и «Мануальная деятельность», представленная звукоизобразительными значениями «Скрести/Тереть» (**gerebh-* «царапать», **ghrebh*⁻² «скрести, рыть», **gred-*, **grod-* «скрести, царапать», **ġher*⁻² «скрести, царапать», **ghrem*⁻¹ «тереть, растирать, скоблить», **gher*⁻², **ghren-*, **ghrēu*⁻², **ghrāu-*, **ghrū-* «тереть», **greus*⁻¹ «трещать, дробить»), «Хватать/Окружать» (**ghrebh*⁻¹, **gherbh-*, **ghrebhā-*, **ghreib-* «хватать»), **ġher*⁻⁴ «хватать, окружать», **ġherdh-*, **gherdh-* «окружать, опоясывать», **ger*⁻¹, *gere-* «собирать, объединять», **greut-* «давить, сжимать»), «Вращать/Мотать» (**ger*⁻³ «вращать, мотать», **ġers-* «вращать, сгибать») и производными от них **ghrēu*⁻¹, **ghrāu-*, **ghrū-* «рухнуть, развалиться», **ghrem*⁻² «громкий звук, гром, грохот», **grōd-*, **grād-* «град», **g^wer*⁻², **g^werə-*, **g^werāu-*, **g^werī-* «тяжёлый, трудный», **ġhers-* «жёсткий, твёрдый».

Ещё один объект для изображения посредством ономастических возможностей фонемы GR- – «Огонь» (**greus*⁻² «гореть, тлеть», **ġ^wer-*, **ġ^werə-* «гореть и быть горячим», **g^wher-* «горячий, тёплый»).

От семы «Давить» развивается «Гечь», отсюда – **grem-* «быть влажным; погружать, тонуть», **ghredh-* «шагать, шествовать» и, вероятно, смежный корень **gherto-* «молоко, масло». Выявленная сема «Идти» и.-е. корня **ghredh-* «шагать» могла дать развитие значениям «Расти/Большой» (**ger*⁻⁴, **grēi-* «расти, просыпаться», **ghrē-*, **ghrō-*, **ghrə-* «расти, зеленеть», **gher*⁻³, **ghrē-*, **ghrō-*, **ghrə-* «выступать, выделяться», **ghroud-* «выступающая часть тела», **g^wer*⁻³, **g^wor-* «гора», **g^wrendh-* «набухать, разбухать», **g^wretso-* «толстый, большой») и «Стареть» (**ġer-*, **ġerə-*, **ġrē-* «гнилой, зрелый, старый»). Семантическое развитие могло произойти и по такой траектории: «Резать/Грызть» > «Отросток» > «Расти» > «Стареть». Думается, именно этими путями развития фонем KR-, GR- обусловлено появление др.-греч. *χρόνος*

и соответствующей семы «Время». Очередные примеры энантиосемии: от значения «Расти» развиваются противоположные «Старый» (**ġer-* «гнилой, зрелый, старый») и «Молодой» (**g^wrebh-* «зародыш, молодой»), а также «Большой» (**g^wretso-* «толстый, большой») и «Маленький» (**ġher-^o*, **ġherə-* «короткий, маленький»). Значение «Расти/Выступать» может стать основой для появления в изучаемом фрагменте таких корней, как **g^weru-* «столб, шест, пика» и **ghrendh-* «балка».

Налицо разнонаправленность траекторий развития исконно звукоизобразительных значений, что и приводит, в конечном счёте, к полной демотивации слова, вследствие чего знак начинает рассматриваться как произвольный. Только глубокий этимологический анализ со своевременным привлечением фоносемантических методик позволяет реконструировать весь путь семантических превращений слова от его несомненной звукоизобразительной основы к полной произвольности и потере связи между объектом и его именем.

Со значением «Тереть» пересекается «Мазать», отсюда – **ghrēi-*, **ghrai-*, **ghrī-* «мазать, пачкать» и производные от него корни из микрополя «Портить» (**g^wor-g^w(or)o-* «грязь, навоз», **ghers-^l*, **ghres-* «отвращение, омерзение», *ghou-ro-s «страшный, испуганный», **garġo-s-* «страшный, ужасный»). Значения последнего микрополя также могут развиваться из ономатопеического **gru-* «хрюканье» («Свинья» > «Грязь/Навоз» и др.).

Из ФСП испанской GR-лексики (см.: Приложение, Рис. 11) исключены слова семитского происхождения (*jara*, *jarabe* и мн. др.), производные от слов, не относящихся к группе изучаемого фонемотипа (*jornada* от лат. *diurnus*, *jura* от лат. *ius*), а также производные от этнонимов и имён собственных (*gresca* от *Grecia*, *grog* от прозвища британского вице-адмирала Э. Вернона «Old Grog», *gorilla* – транслитерация наименования, данного карфагенянами дикому племени волосатых людей из Западной Африки, *gardenia* от фамилии А. Гардена).

В испанском языке начальная фонестема GR- также символизирует раз-

личные виды буккальной деятельности (каркать, курлыкать, кричать, хрюкать и грызть) с переходом в сферу мануальной деятельности: «Хватать» > «Скрести/Царапать», «Хватать» > «Окружать/Накрывать» > «Круглый/Вместилище» > «Объёмный» > «Множество» и др.

Макрополе «Звукоподражание/Буккальная деятельность» представлено, в первую очередь, следующими лексемами: *gargajear* «плевать, харкать», *gorja* «горло, глотка», *garguero* «гортань, глотка», *garganta* «горло, шея, гортань, узкое место», *gargantilla* «бусы», *gárgaras*, *gargarizar* «полоскание горла», *gorgoteo* «булькание, клокотание», *gorgorita* «пузырёк на воде», *gorgorito*, *gorjeo* «трель», *gorrión* «воробей», *grupa* «круп», *grajear* «каркать», *grajo* «грач», *graznar* «каркать, гоготать», *gruir* «курлыкать», *grulla* «журавль», *gruñir* «хрюкать», *gritar* «кричать», *gerbo* «тушканчик» («Грызть»).

Отметим следующие семантические переходы: «Горло» > «Шея» > «Бусы» (*gargantilla*) > «Круглый» или «Маленький» (от бусинки); «Горло» > «Глотать» > «Таблетка/Пилюля» (*gragea*) > «Круглый» или «Маленький»; «Булькать/Клокотать» > «Пузырёк» (*gorgorita*) > «Круглый» или «Маленький». Таким образом, значение «Круглый» может развиваться в том числе и описанными способами, не только по каноническим траекториям «Изогнутый» > «Круглый» или «Надувать» > «Круглый».

Лексема *gárgola* «фигурный водосточный столб» (с отверстием в виде головы какого-нибудь животного с открытой пастью и струящейся из неё водой) возводится этимологами к и.-е. **g^werə-* «пожирать; глотка». Подобный путь семантического развития («Пожирать» > «Водосточный столб») может привести к появлению в ФСП таких сем, как «Течь», «Вода», «Столб», «Узкий» (так же, как и «Горло» > «Узкий»).

Кроме того, чисто ономотопеические значения из макрополя «Буккальная деятельность» трансформируются в «Хвалить», отсюда – *gracia* «любезность, приветливость; острота, шутка; изящество», *grato* «приятный, бесплатный», *grácil* «тонкий, хрупкий» (возможно, звукоподражательное от «Тереть/Трещать»), *garrido* «стройный, статный», *garbo* «стройность, статность,

изящество», *garbeo* «прогулка», *garbear* «щеголять».

Значение «Идти» представлено лексемами *grada*, *grado* «ступень, шаг», а производное от него «Расти/Объёмный» составляет целое микрополе: *granar* «созревать», *grana*, *grano*, *granulo* «зерно», *granada* «гранат, граната», *gramíneo* «злак», *granizo* «град», *granuja* «ягода или косточка винограда», *granja* «ферма, усадьба», *granite* «гранит», *grumete* «юнга», *germen* «зародыш, росток», *germanía* «жаргон» (от лат. *germanus* «брат» от **ger-*⁴ «расти»), *gerontología* «наука о старении», а также *gordo* «толстый», *grande* «большой», *grasa* «жир», *grosero* «грубый, толстый, невежливый», *grosura* «сало, жир», *garbera* «копна», *greña* «растрёпанные волосы, космы», *grave* «тяжёлый, осторожный, опасный, серьёзный», *gremio* «цех, профсоюз», *grey* «стадо», *gruto* «комоч, сгусток; горсть, гроздь, грудка; почка», *grupo* «группа».

Нами уже были отмечены варианты развития в и.-е. языке значения «Грязь» из «Портить» или «Хрюкать» – в случае с испанскими GR-лексем очевидна вторая траектория: «Хрюкать» > «Свинья, Поросёнок» (*guarro*, *gorrino*) > «Грязь/Нечистота» (*gorrinada*) > «Подлец» (*gorrino*).

Следующий блок ономотопеических образований: *grillo* «сверчок», *garbillo* «сито, грохот», *greguería* «шум, гам», *jarana*, *jerga* «шумная пирушка, веселье, скандал». Оставшиеся GR-лексем составляют макрополе «Мануальная деятельность»:

– СКРЕСТИ/ЦАРАПАТЬ/ТРЕЩАТЬ (*grabar* «гравировать, записывать звук», *grafía* «письмо, написание», *grafito* «графит», *grujir* «обрезать края стекла», *grieta* «трещина, щель», *granzas* «полова, мякина; металлическая стружка») > ХВАТАТЬ (*garduña* «куница», *garfio* «крюк», *garabato* «крюк, багор», *garra* «когтистая лапа», *garrapiñar* «вырвать, выхватить», *grapa* «стяжная скоба», *grapar* «прикреплять бельё прищепками», *grillete* «замок цепи», *grillos* «наручники», *garrote* «дубина, жгут», *gripe* «грипп», *gerifalte* «кречет») > ИЗОГНУТЫЙ (*garza* «цапля», *gorgojo* «долгоносик», *grifo* «кран, грифон, курчавый, курсивный», *grúa* «подъёмный кран», *grosella* «красная

смородина», *grima* «досада, неудовольствие») > ВРАЩАТЬ/КРУГЛЫЙ (*garbanzo* «нут», *garrucha* «шкив, блок, ролик», *gira* «поездка, прогулка», *giro* «вращение, поворот», *grímpola* «флюгер; флажок, вымпел», *gorfe* «омут», *gorgorita* «пузырёк на воде», *jira* «поездка, турне») > ОКРУЖАТЬ/ НАКРЫВАТЬ (*garaje* «гараж», *garantía* «гарантия», *jargón* «тюфяк, матрац, мешок, балахон», *garapacho* «панцирь черепахи», *garita* «сторожевая вышка, будка, конура», *garito* «игорный дом, притон, доход от игорного дома», *gorra*, *gorro* «шапка», *grotesco* «смешной, комичный, гротеск» (сема «Скрывать, прятать»), *guardar* «сторожить, охранять», *guarecer* «украшать», *guarido* «логово, берлога, нора», *gruta* «грот, пещера», *jardín* «сад»).

Из ФСП GHR- и GR-корней и.-е. языка мы не упомянули **ĝher⁻³*, **ĝherə-*, **ĝhrē-* «сверкать, блестеть, мерцать» и смежный с ним **ĝher⁻⁷* «смотреть, вглядываться». Именно корень **ĝher⁻³* этимологи указывают в качестве первоисточника ЦО *gris* «серый».

Сложность семантической реконструкции значения «Серый» заключается в природе самого цвета. Являясь третьим ахроматическим цветом наряду с белым и чёрным, в силу широкой палитры оттенков серый склонен тяготеть и к одному, и к другому. Самые светлые тона серого практически отождествляются с белым или выглядят грязно-белыми, а самые тёмные – приближаются к чёрному.

Ещё Б. Берлин и П. Кей в своих трудах отмечали «проблематичность» серого цвета, выражая сомнения по поводу его включения в последнюю, седьмую стадию развития системы ЦН. Исследователи допускали возможность ошибки в системе в случае преждевременного появления серого в системах ЦН разных языков [Berlin, Kay, 1969, p. 45]. К моменту опубликования П. Кеем обновлённой последовательности уже было зафиксировано несколько случаев более раннего появления серого цвета [Kay, 1975, p. 261], что привело к пересмотру позиции: П. Кей и Ч. Макдэниэл признали, что серый цвет должен рассматриваться как некое подобие «wild-card» с возможностью образования основной категории цвета на любом отрезке между стадией III и ста-

дией VII [Kay, McDaniel, 1975, p. 33].

Анализируя русское ЦН *серый*, мы упомянули о том, что оно может быть связано с др.-русс. *серен* «мёрзлый снег, иней» – в этом случае очевидно сближение серого с белым. Что касается испанского ЦО, согласно словарям, оно восходит к и.-е. **gher-³* «сверкать, блестеть». Нами уже изучены производность *белого* и *blanco* от и.-е. **bhel-¹* «блестеть», производность *жёлтого*, *зелёного* и *голубого* от и.-е. **ghel-¹* «сверкать, блестеть; жёлтый, зелёный, серый или синий». Неужели и *gris* «серый» восходит к корню с тем же значением? Исследуя русские ЦН *жёлтый* и *зелёный*, мы отметили, что, по большому счёту, сема «Блестеть» может дать начало ЛЮБОМУ цветovому значению – это обусловлено физическими свойствами блеска. Неслучайно В.В. Левицкий восстанавливал систему ЦН германских языков по одной принципиальной схеме – на основе семы «Вибрировать, дрожать» возникает значение «Сверкающий, мерцающий», порождающее обозначение двух первоначальных понятий – «Белый, светлый» и «Чёрный, тёмный», из которых развивается значение «Сияющий, красный, жёлтый, коричневый» > «Зелёный», «Синий». [Левицкий, 2001, с. 13-14]. На основе анализа ЦН *negro*, *verde*, *amarillo* мы позволим себе сделать вывод о том, что, по крайней мере, в системе ЦН испанского языка дело обстоит не так просто, но *gris* «серый» вполне могло развиваться из и.-е. **gher-³* «сверкать, блестеть». О сверхсильных семантических связях значений «Резать/Бить» и «Звук/Блеск» мы говорили в рамках этой работы, и *gris* – очередное тому подтверждение. В пользу данной гипотезы говорит и наличие в испанском корпусе GR-лексики таких слов, как *garzo* «синеватый, серо-голубой», *greda* «голубоватая глина».

При попытке проникнуть в глубины сознания наших далёких предков и восстановить прототип серого цвета от значения «Блестеть», производного от звукоизобразительного «Резать/Бить», восходящего к, возможно, чисто звукоподражательному «Шум», непроизвольно возникает аллюзия на грозу с присущими ей грохочущими раскатами грома и сверкающими разрядами молнии. Это кажется нам правдоподобным объяснением производности

«Блеск/Свет/Цвет» от «Резать/Бить». Похожей аналогией является взмах стального клинка или нечто подобное, но наиболее древним проявлением синкретизма значений «Резать/Бить» и «Сверкать, блестеть», производящим сильное впечатление на древнего человека, мы считаем именно грозу, гром и молнию.

Присоединяясь к словам Б. Берлина и П. Кея, должны признать, что результаты реконструкции первоисточников наименований серого цвета в русском и испанском языках оказались наиболее сомнительными. Сложности обусловлены отчасти тонкими процессами фонетических чередований согласных, затрудняющих привязку тех или иных лексем к конкретным и.-е. корням и их включению в определённые фоносемантические макрополя, отчасти расплывчатой ахроматической физической сущностью серого цвета, могущего тяготеть как в тёмную, так и в светлую сторону. Однако мы не могли не обратить внимание на повторяемость определённых семантических переходов в разных языках, с опорой на которые нами осуществлена попытка упорядочить «семантическую мотивацию этимологических решений», что, по мнению В.И. Абаева, является одним из основополагающих принципов работы этимолога и создания этимологического словаря [Абаев, 1986, с. 26].

ВЫВОДЫ ПО ГЛАВЕ 3

1. Первоисточники наименований белого цвета в русском и испанском языках (*белый* и *blanco*) полностью совпадают – ЦН восходят к и.-е. **bhel-¹* «светлый, блестящий», производному от **bha-²* «говорить» и **bhāu-¹* «бить, ударять».

2. С семантической точки зрения, основания для номинации обозначений чёрного цвета в сравниваемых языках можно посчитать сходными, но звуковая оболочка ЦН совершенно разная: *чёрный* и *negro*. Испанское ЦН происходит от и.-е. **nē-* «отрицание», тогда как русское, имея неясное происхождение, предположительно восходит к и.-е. **(s)ker-* «резать, бить» и разви-

вается по траектории: РЕЗАТЬ/БИТЬ > ПОРТИТЬ > ПЛОХОЙ > ЧЁРНЫЙ. В этом и заключается возможное сходство семантической составляющей терминов цвета: и в испанском, и в русском языках ЦН могут быть развиты на основе семы «Плохой, отрицательный». Другие гипотезы происхождения лексемы *чёрный* связывают её с обозначениями красного цвета.

3. Наименования красного цвета в русском и испанском языках, сходные по форме на основании наличия общего R-форманта с богатой символикой, вследствие этого могут частично совпадать по своей семантике. Испанское ЦН восходит к звукоподражательному и.-е. корню **reu-¹* «рычать», развившемуся в «Резать/Бить» > «Течь» и породившему в итоге значение «Кровь/Красный». Русский термин цвета происходит от слова *красивый*, которое, в свою очередь, может быть производно как от той же семы «Резать/Бить» (**(s)ker-*), так и от значения «Огонь» (**ker(ə)-³*).

4. Обозначения жёлтого и зелёного цветов в русском языке – родственные лексемы, восходящие к и.-е. **ĝhel-¹* – «сверкать, блестеть; желтый, зелёный, серый или синий». Испанские ЦН имеют разное происхождение: *amarillo* «жёлтый» восходит к речевому жесту *am*, развившемуся в лат. *amargus* «горький»; *verde* «зелёный» происходит от и.-е. корня **uer-³* «вращать». Никаких сходств между собой и с ЦН русского языка испанские обозначения жёлтого и зелёного цветов не обнаруживают.

5. Русское *синий* возводится этимологами к др.-инд. *ṣyāmás* «чёрный, тёмный», а нами – к и.-е. **se-* «связывать». Русское *голубой* – третье по счёту основное ЦН языка, восходящее к и.-е. корню **ĝhel-¹* – «сверкать, блестеть; желтый, зелёный, серый или синий». Испанское *azul* «синий, голубой», возможно, происходит от и.-е. **leuk-* (**leuĝh-*) «светить, светлый», но также с высокой долей вероятности имеет семитское происхождение.

6. ЦН *серый* относится к этимологически спорным лексемам. По нашему мнению, слово восходит либо к слав. *серен* от и.-е. **kreu-¹* «лёд, кора», либо, подобно испанскому ЦН *gris* «серый», – к и.-е. **ĝher-³* «сверкать, блестеть».

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

При переходе на более высокий уровень изучения цветообозначений становится ясно, что применения традиционных методов лексико-семантического анализа недостаточно. Нам представляется целесообразным вести изучение первоисточников цветowych терминов в рамках фоносемантики и этимологии, при этом проблемы цветовой семантики рассматриваются с точки зрения когнитивного и исторического подходов в контексте многочисленных задач, включая исследование места цветообозначений в процессах познания и их роли в формировании языковой картины мира.

Основанное на этимолого-фоносемантическом подходе сравнительное исследование первоисточников цветонаименований в русском и испанском языках вновь подтверждает тезис о первичной генетической звукоизобразительности в номинации. Ядро лексико-семантической системы языков образовано ограниченным числом первоэлементов, из которых путём метафорических и метонимических переносов развиваются периферийные значения. Звукоизобразительный характер ядерных значений обосновывается через артикуляционно-символические свойства начальных согласных.

Цветонаименования развиваются из звукоподражательных и звуко-символических протосем, и в фоносемантических источниках номинации цветов в русском и испанском языках наблюдаются как универсальные тенденции, так и специфические. При изоморфизме многих процессов в исследуемых языках обнаруживается различная степень их актуализации. Сопоставление первоисточников цветонаименований выявляет идентичное семантическое развитие наименований белого цвета, предположительно схожие первоисточники терминов серого и синего цветов и различия в обозначениях чёрного, красного, жёлтого, зелёного цветов.

В рамках русского языка к числу универсальных тенденций относятся пути семантического развития цветowych значений из взаимообусловленных звукоизобразительных синкретичных сем «Резать/Бить/Связывать/Гнуть»

(чёрный, красный, синий, серый) и «Звук/блеск/цвет» (белый, жёлтый, зелёный, голубой, серый). Первоисточники наименований цвета в испанском языке имеют более разносторонний характер, изоморфным можно считать развитие имён белого и серого цветов и предположительное происхождение ЦН *azul* «синий, голубой» от соответствующих и.-е. корней со значением «блестеть, сверкать» (*bhel-¹, *gher-³ и *leuk-).

Цветобозначения представляют собой сложные лексические единицы, значения которых определяются в значительной степени историческим и социокультурным опытом определённых языковых коллективов. Реконструкция семантических первоэлементов и установление первоисточников номинации – настолько сложная задача, что в рамках одной исследовательской работы её не решить. Дополнение уже изученного фрагмента материалом других языковых семей может способствовать созданию целостной фоносемантической цветовой картины мира.

Исследование показывает, что изучение семантики цвета способно помочь проникнуть в истоки человеческого сознания через восприятие окружающей действительности, внимание к тончайшим оттенкам природных явлений, восхищение красотой, страх перед неизвестным, сакральные обряды и непрерывную борьбу за выживание. Этимолого-фоносемантический подход к изучению категорий цвета, позволяя реконструировать изначальную звуко-образительность слов, является ключом к пониманию современного состояния языка. Вопреки тому, что цветоименования – лишь малая часть лексико-семантической системы, вовлечённость цвета практически во все аспекты жизни человека сделала возможным выявить универсальное и специфическое не только в первоисточниках цветобозначений, но и в принципах номинации вообще.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. **Абаев, В.И.** Как можно улучшить этимологические словари [Текст] / В.И. Абаев // Этимология – 1984. – М., 1986а. – С. 7-27.
2. **Абаев, В.И.** Языкознание описательное и объяснительное. О классификации наук [Текст] / В.И. Абаев // Вопросы языкознания. – 1986б. – № 2. – С. 27-39.
3. **Античные теории языка и стиля (антология текстов)** [Текст] / общ. ред. О.М. Фрейденберг. – СПб.: Алетейя, 1996. – 362 с.
4. **Афанасьев, А.А.** Фоносемантика образных слов якутского языка [Текст]: автореф. дис. ... канд. филол. наук / А.А. Афанасьев. – Якутск, 1993. – 17 с.
5. **Афанасьев, А.Ю.** Вопросы семантической эволюции лексики. (На материале английских звукоподражательных существительных) [Текст]: автореф. дис. ... канд. филол. наук / А.Ю. Афанасьев. – Л., 1984. – 19 с.
6. **Балаш, М.А.** Фоносемантическая структура текста как фактор его понимания. Экспериментальное исследование [Текст]: дис. ... канд. филол. наук / М.А. Балаш. – Горно-Алтайск, 1999. – 159 с.
7. **Бахилина, Н.Б.** История цветообозначений в русском языке [Текст] / Н.Б. Бахилина. – М.: Наука, 1975. – 286 с.
8. **Бенвенист, Э.** Индоевропейское именное словообразование [Текст] / Э. Бенвенист. – М.: Изд-во иностр. лит., 1955. – 260 с.
9. **Бердников, К.В.** Цветовой словарь эмоциональных состояний [Текст] / К.В. Бердников. – М.: Книго-торговый центр «Маркетинг», 2004. – 180 с.
10. **Блинова, М.П.** Музыкальное творчество и закономерности высшей нервной деятельности [Текст] / М.П. Блинова. – Л.: Музыка, 1974. – 144 с.
11. **Блумфилд, Л.** Язык [Текст] / Л. Блумфилд. – М.: Прогресс, 1968. – 606 с.
12. **Бодуэн де Куртенэ, И.А.** Избранные труды по общему языкознанию [Текст] / И.А. Бодуэн де Куртенэ. – М.: Изд-во Академии наук СССР, 1963. – 383 с.

13. **Братусь, И.Б.** Акустические ономатопы в индонезийском языке [Текст]: автореф. дис. ... канд. филол. наук / И.Б. Братусь. – Л., 1976. – 16 с.
14. **Будагов, Р.А.** Что такое развитие и совершенствование языка? [Текст] / Р.А. Будагов. – М.: Наука, 1977. – 264 с.
15. **Василевич, А.П.** Исследование лексики в психолингвистическом эксперименте на материале цветообозначений в языках разных систем [Текст] / А.П. Василевич. – М.: Наука, 1987. – 141 с.
16. **Василевич, А.П.** Цвет синий или голубой [Текст] / А.П. Василевич // Энергия. – 2005. – № 6. – С. 66-70.
17. **Василевич, А.П. [и др.]**. Каталог названий цвета в русском языке [Текст] / А.П. Василевич, С.Н. Кузнецова, С.С. Мищенко. – М.: Смысл, 2002. – 125 с.
18. **Василевич, А.П. [и др.]**. Цвет и названия цвета в русском языке [Текст] / А.П. Василевич, С.Н. Кузнецова, С.С. Мищенко; под общ. ред. А.П. Василевича. – Изд. 3-е. – М.: ЛКИ, 2011. – 216 с.
19. **Вежбицкая, А.** Обозначения цвета и универсалии зрительного восприятия [Текст] / А. Вежбицкая // Язык. Культура. Познание; пер. с англ.; отв. ред. М.А. Кронгауз, вступ. ст. Е.В. Падучевой. – М.: Русские словари, 1996. – 416 с.
20. **Вежбицкая, А.** Семантические универсалии и описание языков [Текст] / А. Вежбицкая. – М.: Языки русской культуры, 1999. – 780 с.
21. **Вежбицкая, А.** Понимание культур через посредство ключевых слов [Текст] / А. Вежбицкая. – М.: Языки славянской культуры, 2001. – 288 с.
22. **Вежбицкая, А.** Сопоставление культур через посредство лексики и прагматики [Текст] / А. Вежбицкая; пер. с англ. А.Д. Шмелёва. – М.: Языки славянской культуры, 2001. – 272 с.
23. **Вежбицкая, А.** Семантические универсалии и базисные концепты [Текст] / А. Вежбицкая. – М.: Языки славянских культур, 2011. – 568 с.
24. **Вельди, Э.А.** Англо-эстонские параллели в ономотопее [Текст]: автореф. дис. ... канд. филол. наук / Э.А. Вельди. – Тарту, 1988. – 15 с.

25. **Вендина, Т.И.** Цвет в этнокультурной системе русского, старославянского и древнерусского языков [Текст] / Т.И. Вендина // Славянский альманах. – М.: Индрик, 1999. – С. 277-304.
26. **Вершинина, М.Г.** Экспликация фоносферы в русском фоносемантической звуковой картине мира (на материале пермских говоров) [Текст]: автореф. дис. ... канд. филол. наук / М.Г. Вершинина. – Пермь, 2013. – 20 с.
27. **Вестерман, Д.** Звук, тон и значение в западноафриканских и суданских языках [Текст] / Д. Вестерман // Африканское языкознание. – М.: Изд-во иностр. лит., 1963. – С. 94-113.
28. **Воронин, С.В.** Основы фоносемантики [Текст] / С.В. Воронин. – Л.: Изд-во Ленинградского ун-та, 1982. – 244 с.
29. **Воронин, С.В.** Синестезия и звукоимеализм [Текст] / С.В. Воронин // Психолингвистические проблемы семантики; отв. ред. А.А. Леонтьев, А.М. Шахнарович. – М.: Наука, 1983. – С. 120-131.
30. **Воронин, С.В.** Звукоимеализм на уровне текста [Текст] / С.В. Воронин // Взаимоотношение единиц разных уровней языковой структуры (на материале романо-германских языков): межвуз. сб. науч. тр. – Саранск: Изд-во Мордовского ун-та, 1985. – С. 39-43.
31. **Воронин, С.В.** Синестезия и природа звукоимеализма [Текст] / С.В. Воронин // Функциональная светомузыка на производстве, в медицине и в педагогике. – Казань, 1988. – С. 16-17.
32. **Воронин, С.В.** Из инструментария фоносемасиолога: модель и фомемотип [Текст] / С.В. Воронин // Контекстуально обусловленная вариативность единиц языка. – Рига: Изд-во Латвийского гос. ун-та, 1989. – С. 42-48.
33. **Воронин, С.В.** Этимология и фоносемантика (на материале тюркских и некоторых других языков) [Текст] / С.В. Воронин // Проблемы этимологии тюркских языков. – Алма-Ата: Гылым, 1990а. – С. 62-70.
34. **Воронин, С.В.** Звукоимеализм [Текст] / С.В. Воронин // Лингвистический энциклопедический словарь; ред. В.Н. Ярцева. – М.: Советская энциклопедия, 1990б. – С. 166.

35. **Воронин, В.С.** Фоносемантические идеи в зарубежном языкознании [Текст] / С.В. Воронин. – Л.: Изд-во Ленинградского ун-та, 1990в. – 200 с.
36. **Воронин, С.В.** Фоносемантика и этимология [Текст] / С.В. Воронин // Дიაхроническая германистика. – СПб., 1997. – С. 131-177.
37. **Воронин, С.В., Сабанадзе, М.Я.** Синестезия в языке: аналитический обзор подходов к проблеме [Текст] / С.В. Воронин, М.Я. Сабанадзе // Социальное и системное на различных уровнях языка. – М., 1986. – С. 69-75.
38. **Вундт, В.** К вопросу о происхождении языка. Звукоподражания и звуковые метафоры [Текст] / В. Вундт // Фоносемантические идеи в зарубежном языкознании; под ред. С.В. Воронина. – Л., 1990. – С. 58-66.
39. **Газов-Гинзберг, А.М.** Был ли язык изобразителен в своих истоках? [Текст] / А.М. Газов-Гинзберг. – М.: Наука, 1965. – 184 с.
40. **Гак, В.Г.** Языковые преобразования: Виды языковых преобразований. Факторы и сферы реализации языковых преобразований [Текст] / В.Г. Гак. – Изд. 2-е, испр. – М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2010. – 408 с.
41. **Галеев, Б.М.** Человек, искусство, техника: Проблема синестезии в искусстве [Текст] / Б.М. Галеев. – Казань: Изд-во Казанского ун-та, 1987. – 264 с.
42. **Галеев, Б.М.** Что такое синестезия: мифы и реальность [Текст] / Б.М. Галеев // Leonardo Electronic Almanac. – 1999. – V. 7, № 6.
43. **Галеев, Б.М.** Синестезия – не аномалия, а проявление невербального мышления [Текст] / Б.М. Галеев // Языки науки – языки искусства. – М.: Прогресс-Традиция, 2000. – С. 139-143.
44. **Галеев, Б.М.** Литература как «полигон» для изучения синестезии [Текст] / Б.М. Галеев // Междисциплинарные связи при изучении литературы. – Саратов: Изд-во СГУ, 2003. – С. 33-38.
45. **Галеев, Б.М.** Синестезия в мире метафор [Текст] / Б.М. Галеев // Text processing and cognitive technologies. – М.; Varna, 2004. – № 10. – P. 33-42.
46. **Галеев, Б.М.** Историко-теоретический анализ концепций синестезии в мировой психологии [Текст] / Б.М. Галеев // Вестник Российского гумани-

- тарного научного фонда. – 2005. – № 1 (38). – С. 159-168.
47. **Гамкрелидзе, Т.В., Иванов, В.В.** Индоевропейский язык и индоевропейцы: реконструкция и историко-типологический анализ праязыка и протокультуры [Текст]: в 3-х ч. / Т.В. Гамкрелидзе, В.В. Иванов. – Благовещенск: БГК им. И.А. Бодуэна де Куртенэ. – 1998. – Ч. 1. – 520 с.
48. **Гамкрелидзе, Т.В., Иванов, В.В.** Индоевропейский язык и индоевропейцы: реконструкция и историко-типологический анализ праязыка и протокультуры [Текст]: в 3-х ч. / Т.В. Гамкрелидзе, В.В. Иванов. – Благовещенск: БГК им. И.А. Бодуэна де Куртенэ. – 1998. – Ч. 2. – 420 с.
49. **Гамкрелидзе, Т.В., Иванов, В.В.** Индоевропейский язык и индоевропейцы: реконструкция и историко-типологический анализ праязыка и протокультуры [Текст]: в 3-х ч. / Т.В. Гамкрелидзе, В.В. Иванов. – Благовещенск: БГК им. И.А. Бодуэна де Куртенэ. – 1998. – Ч. 3. – 480 с.
50. **Горелов, И.Н.** Синестезия и мотивированность знака [Текст] / И.Н. Горелов // Проблема мотивированности языкового знака. – Калининград, 1976. – С. 74-81.
51. **Гумбольдт, В. фон.** Избранные труды по языкознанию [Текст] / В. фон Гумбольдт. – М.: Прогресс, 1984. – 397 с.
52. **Данилова, М.Э.** Семантика рифм современной английской лексики. (Фоносемантический аспект) [Текст]: автореф. дис. ... канд. филол. наук / М.Э. Данилова. – Пятигорск, 2007. – 21 с.
53. **Джукаева, М.А.** Межъязыковые фоносемантические свойства спирантов (на материале чеченского, русского и немецкого языков) [Текст]: дис. ... канд. филол. наук / М.А. Джукаева. – Пятигорск, 2010. – 178 с.
54. **Дрожащих, Н.В.** Синергетическая модель иконического пространства языка [Текст]: дис. ... докт. филол. наук / Н.В. Дрожащих. – Тюмень, 2006. – 322 с.
55. **Ермакова, Н.М.** Ономатопоэзия: англо-русские параллели в переводе [Текст]: автореф. дис. ... канд. филол. наук / Н.М. Ермакова. – СПб., 1993. – 16 с.

56. **Ерохина, Е.А.** Теория экономического развития: системно-синергетический подход [Текст] / Е.А. Ерохина. – Томск: Изд-во ТГУ, 1999. – 160 с.
57. **Журавлёв, А.П.** Фонетическое значение [Текст] / А.П. Журавлёв. – Л.: Изд-во Ленинградского ун-та, 1974. – 160 с.
58. **Журавлёв, А.П.** Типы значений слова и их мотивированность [Текст] / А.П. Журавлёв // Проблемы мотивированности языкового знака. – Калининград: Изд-во Калининградского гос. ун-та, 1976. – С. 20-25.
59. **Журавлёв, А.П.** Звук и смысл [Текст] / А.П. Журавлёв. – 2 изд., испр. и доп. – М.: Просвещение, 1991. – 160 с.
60. **Журинский, А.Н.** Звуковой символизм в языке: некоторые подходы и принципы описания [Текст] / А.Н. Журинский // Проблемы африканского языкознания. – М., 1972. – С. 95-124.
61. **Зимова, М.Д.** Звукоизобразительные тенденции начальных согласных в немецком и новогреческом языках [Текст]: автореф. дис. ... канд. филол. наук / М.Д. Зимова. – Пятигорск, 2005. – 17 с.
62. **Иванова, М.В.** Звукоизобразительная лексика в англоязычной детской сказке [Текст]: автореф. дис. ... канд. филол. наук / М.В. Иванова. – Л., 1990. – 15 с.
63. **Канкия, Н.Д.** Примарная мотивированность слова (на материале английского и грузинского языков) [Текст]: автореф. дис. ... канд. филол. наук / Н.Д. Канкия. – Л., 1988. – 17 с.
64. **Карасик, В.И.** Языковой круг: личность, концепты, дискурс [Текст] / В.И. Карасик. – М.: Гнозис, 2004. – 390 с.
65. **Караулов, Ю.Н.** Русский язык и языковая личность [Текст] / Ю.Н. Караулов. – Изд. 6-е. – М.: ЛКИ, 2007. – 264 с.
66. **Кезина, С.В.** Семантическое поле цветообозначений в русском языке (диахронический аспект) [Текст] / С.В. Кезина. – Пенза: ПГПУ им. Белинского, 2008. – 304 с.
67. **Климова, С.В.** Глаголы «неясного происхождения» в Сокращенном Оксфордском словаре. (Элементы этимологической фоносемантики) [Текст]:

- автореф. дис. ... канд. филол. наук / С.В. Климова. – Л., 1986. – 18 с.
68. **Климова, С.В.** О некоторых аспектах этимологической фоносемантики [Текст] / С.В. Климова // Актуальные проблемы психологии, этнопсихоллингвистики и фоносемантики: материалы всеросс. конф. / Институт психологии и Институт языкознания РАН, ПГПУ им. В.Г. Белинского. – Пенза, 1999. – С. 145-146.
69. **Койбаева, Т.Х.** Звукосимволическая лексика английского и осетинского языков (опыт фоносемантической типологии) [Текст]: автореф. дис. ... канд. филол. наук / Т.Х. Койбаева. – Л., 1987. – 17 с.
70. **Колева-Златева, Ж.** Славянская лексика звукосимволического происхождения [Текст] / Ж. Колева-Златева // *Tractata Slavica Universitatis Debreceniensis*. – Debrecen, 2008. – Vol. 1. – 355 с.
71. **Комарницкая, Л.А.** Субъективный и объективный звуковой символизм в английском языке [Текст]: автореф. дис. ... канд. филол. наук / Л.А. Комарницкая. – Одесса, 1985. – 17 с.
72. **Корнилов, О.А.** Языковые картины мира как производные национальных менталитетов [Текст]: учебное пособие / О.А. Корнилов. – 3-е изд. испр. – М.: КДУ, 2011. – 350 с.
73. **Кузьмич, И.В.** Звукоизобразительная лексика американского сленга: фоносемантический анализ [Текст]: автореф. дис. ... канд. филол. наук / И.В. Кузьмич. – СПб., 1993. – 16 с.
74. **Кульпина, В.Г.** Лингвистика цвета: термины цвета в польском и русском языках [Текст] / В.Г. Кульпина. – М.: Московский лицей, 2001. – 470 с.
75. **Купер, М., Мэтьюз, А.** Как понимать язык цвета [Текст] / М. Купер, А. Мэтьюз. – М.: ЭКСМО, 2004. – 456 с.
76. **Кушнерик, В.И.** Фонетическое значение и фонетическая мотивированность в современном немецком языке [Текст]: автореф. дис. ... канд. филол. наук / В.И. Кушнерик. – Одесса, 1987. – 15 с.
77. **Лакофф, Дж.** Женщины, огонь и опасные вещи: Что категории языка говорят нам о мышлении [Текст] / Дж. Лакофф; пер. с англ.

- И.Б. Шатуновского. – М.: Языки славянской культуры, 2004. – 792 с.
78. **Лакофф, Дж., Джонсон, М.** Метафоры, которыми мы живём [Текст] / Дж. Лакофф, М. Джонсон / под ред. и с предисл. А.Н. Баранова; пер. с англ. – Изд. 2-е. – М.: ЛКИ, 2008. – 256 с.
79. **Лапкина, Л.З.** Английские и башкирские акустические ономотопы. (Опыт типологического исследования) [Текст]: автореф. дис. ... канд. филол. наук / Л.З. Лапкина. – Л., 1979. – 21 с.
80. **Левицкий, В.В.** К проблеме звуко-символизма [Текст] / В.В. Левицкий // Психологические психолингвистические проблемы владения и овладения языком. – М.: Изд-во МГУ, 1969. – С. 123-132.
81. **Левицкий, В.В.** Семантика и фонетика. Пособие, подготовленное на материале экспериментальных исследований [Текст] / В.В. Левицкий. – Черновцы: ЧГУ, 1973. – 103 с.
82. **Левицкий, В.В.** Звуко-символизм в лингвистике и психолингвистике [Текст] / В.В. Левицкий // НДВШ. ФН. – 1975. – № 44. – С. 54-61.
83. **Левицкий, В.В.** Несколько замечаний о звуковом символизме (субъективный и объективный звуковой символизм) [Текст] / В.В. Левицкий // Восприятие языкового значения. – Калининград, 1980. – С. 144-148.
84. **Левицкий, В.В.** Звуковой символизм: закономерности функционирования и источники порождения [Текст] / В.В. Левицкий // Проблемы фоносемантики: тезисы выступлений на совещании. – М., 1989. – С. 69.
85. **Левицкий, В.В.** Сравнительно-этимологический словарь германских языков [Текст] / В.В. Левицкий. – Черновцы, 1994. – 312 с.
86. **Левицкий, В.В.** Этимологические и семасиологические исследования в области германских языков [Текст] / В.В. Левицкий. – Черновцы: Рута, 1997. – 275 с.
87. **Левицкий, В.В.** Звуковой символизм. Основные итоги [Текст] / В.В. Левицкий. – Черновцы, 1998. – 130 с.
88. **Левицкий, В.В.** Семантический синкретизм в германском и индоевропейском [Текст] / В.В. Левицкий // Вопросы языкознания. – 2001. – № 4. –

- С. 94-106.
89. **Левицкий, В.В.** Семантические и фонетические связи в лексике индоевропейского праязыка. Опыт количественного анализа этимологического словаря [Текст] / В.В. Левицкий. – Черновцы: Рута, 2008. – 232 с.
90. **Левицкий, В.В.** Звуковой символизм. Мифы и реальность [Текст] / В.В. Левицкий / Черновицкий национальный ун-т. – Черновцы, 2009. – 264 с.
91. **Леви-Стросс, К.** Первобытное мышление [Текст] / К. Леви-Стросс; пер., вступ. ст., примеч. А. Островского. – М.: Терра-Книжный клуб; Республика, 1999. – 392 с.
92. **Леви-Стросс, К.** Структурная антропология [Текст] / К. Леви-Стросс; пер. с фр. В.В. Иванова. – М.: Астрель, 2011. – 541 с.
93. **Лейбниц, Г.В.** Сочинения в 4-х т. [Текст] / Г.В. Лейбниц. – М.: Мысль, 1983. – Т. 2. – 686 с.
94. **Леонтьев, А.А.** Психолингвистика [Текст] / А.А. Леонтьев. – Л.: Наука, 1967. – 118 с.
95. **Лихоманова, Л.Ф.** Семантическая филиация английских звукоизобразительных глаголов движения [Текст]: автореф. дис. ... канд. филол. наук / Л.Ф. Лихоманова. – Л., 1986. – 17 с.
96. **Лурия, А.Р.** Основные проблемы нейролингвистики [Текст] / А.Р. Лурия. – М.: Изд-во Московского ун-та, 1975. – 253 с.
97. **Люшер, М.** Цветовой тест Люшера [Текст] / М. Люшер; пер. с англ. А. Никоновой. – М.: АСТ; СПб.: 2005. – 190 с.
98. **Мазанаев, И.А.** Основные группы звуко-символических слов: фоносемантический анализ (на материале английского и лезгинского языков) [Текст]: автореф. дис. ... канд. филол. наук / И.А. Мазанаев. – Л., 1985. – 21 с.
99. **Маковский, М.М.** Лингвистическая комбинаторика [Текст] / М.М. Маковский. – М.: Наука, 1988. – 232 с.
100. **Маковский, М.М.** Сравнительный словарь мифологической символики в индоевропейских языках: образ мира и миры образов [Текст] /

- М.М. Маковский. – М.: Владос, 1996. – 415 с.
101. **Маковский, М.М.** Историко-этимологический словарь английского языка: слово в зеркале человеческой культуры [Текст] / М.М. Маковский. – М.: Диалог, 2000. – 416 с.
102. **Маковский, М.М.** Индоевропейский корень: форма и значение [Текст] / М.М. Маковский // Вопросы языкознания. – 2002. – № 3. – С. 120-125.
103. **Маковский, М.М.** Большой этимологический словарь современного английского языка [Текст] / М.М. Маковский. – М.: Азбуковник, 2005. – 526 с.
104. **Маковский, М.М.** Удивительный мир слов и значений: иллюзии и парадоксы в лексике и семантике [Текст] / М.М. Маковский. – М.: КомКнига, 2005. – 200 с.
105. **Маковский, М.М.** Лингвистическая генетика: проблемы онтогенеза слова в индоевропейских языках [Текст] / М.М. Маковский. – М.: ЛКИ, 2007. – 208 с.
106. **Маковский, М.М.** Индоевропейская этимология: Предмет – методы – практика [Текст] / М.М. Маковский. – М.: Либроком, 2009. – 352 с.
107. **Марр, Н.Я.** Яфетическая теория [Текст] / Н.Я. Марр. – Баку, 1928.
108. **Мейе, А.** Общеславянский язык [Текст] / А. Мейе. – М.: Прогресс, 2000. – 500 с.
109. **Мечковская, Н.Б.** Язык и религия. Лекции по философии и истории религий [Текст] / Н.Б. Мечковская. – М.: ФАИР, 1998. – 352 с.
110. **Михалёв, А.Б.** Теория фоносемантического поля [Текст] / А.Б. Михалёв. – Пятигорск: Изд-во ПГЛУ, 1995. – 213 с.
111. **Михалёв, А.Б.** Фоносемантические функции заднеязычных, фарингальных и ларингальных в корневых морфемах абазинского языка [Текст] / А.Б. Михалёв, Ж.М. Тамбиева // Вестник ПГЛУ. – Пятигорск, 1999. – № 4. – С. 18-22.
112. **Михалёв, А.Б.** Фоносемантические универсалии [Текст] / А.Б. Михалёв // Университетские чтения – 2006. Материалы научно-методических чте-

- ний ПГЛУ. – Ч. I. – Пятигорск: ПГЛУ, 2006. – С. 42-46.
113. **Михалёв, А.Б.** Инициаль и финаль как смыслообразующие компоненты корня [Текст] / А.Б. Михалёв // Мир на Северном Кавказе через языки, образование, культуру: материалы V Международного конгресса. Симпозиум X: «Теоретические и прикладные аспекты исследования языков». – Пятигорск, 2007а. – С. 28-30.
114. **Михалёв, А.Б.** Семантические прототипы [Текст] / А.Б. Михалёв // Язык и действительность: сборник научных трудов памяти В.Г. Гака. – М.: ЛЕНАНД. – 2007б. – С. 383-388.
115. **Михалёв, А.Б.** Проблема категоризации (фоносемантический ракурс) [Текст] / А.Б. Михалёв // Problems of General, Germanic and Slavic Linguistics. Papers for 70-th anniversary of Professor V. Levickij. – Chernivtsi: Books, 2008а. – XXI. – P. 163-170.
116. **Михалёв, А.Б.** Красные нити лексической семантики (гиперсемы РЕЗАТЬ и СЖИМАТЬ во французском языке) [Текст] / А.Б. Михалёв // Французский язык и межкультурная коммуникация: материалы международной научной конференции. – Пятигорск, 2008б. – С. 103-110.
117. **Михалёв, А.Б.** Психолингвистическая проблематика фонестемы [Текст] / А.Б. Михалёв // Языковое бытие человека и этноса: когнитивный и психолингвистический аспекты: материалы IV Международных Березинских чтений. – М., 2008в. – Вып. 14. – С. 140-146.
118. **Михалёв, А.Б.** Фоносемантика и языковая картина мира [Текст] / А.Б. Михалёв // Языковое бытие человека и этноса: когнитивный и психолингвистический аспекты: материалы Международной школы-семинара (V Березинские чтения). – М.: ИНИОН РАН, МГЛУ, 2009а. – Вып. 15. – С. 133-140.
119. **Михалёв, А.Б.** Фоносемантический подход к систематизации лексики (фрагмент описания новогреческого лексикона) [Текст] / А.Б. Михалёв // Греческий язык в современном мире: сборник материалов международной конференции. – Пятигорск: Изд-во ПГЛУ, 2009б. – С. 56-69.

120. **Михалёв, А.Б.** Звукоизобразительный фонд индоевропейских корней и их производные [Текст] / А.Б. Михалёв // Мир через языки, образование, культуру: Россия – Кавказ – Мировое сообщество: материалы VI Международного конгресса. – Симпозиум XI: «Теоретические и прикладные аспекты исследования языков мира». – Пятигорск, 2010а. – С. 46-53.
121. **Михалёв, А.Б.** Методический арсенал фоносемантики [Текст] / А.Б. Михалёв // Методология современного языкознания: сборник статей / отв. ред. А.Г. Сонин, А.С. Баранов. – М.: АСОУ, 2010б. – С. 122-141.
122. **Михалёв, А.Б.** Семантические законы в свете полисемии [Текст] / А.Б. Михалёв // Университетские чтения – 2011. – Пятигорск, 2011а. – Ч. I. – С. 21-27.
123. **Михалёв, А.Б.** Генеративный потенциал звукоизобразительности [Текст] / А.Б. Михалёв // Международная школа-семинар по психолингвистике и когнитологии. Березинские чтения – 2011. – М., 2011б. – С. 65-73.
124. **Михалёв, А.Б.** Фоносемантика: от античности до современности [Текст] / А.Б. Михалёв // Вестник ПГЛУ. – Пятигорск, 2012а. – № 1. – С. 92-96.
125. **Михалёв, А.Б.** Семантическая производность индоевропейских звукоизобразительных корней [Текст] / А.Б. Михалёв // Вестник ПГЛУ. – Пятигорск, 2012б. – № 1. – С. 153-157.
126. **Михалёв, А.Б.** Русское «Да» и его место в протоконцептуальной модели «Силовой контакт» [Текст] / А.Б. Михалёв // Предложение и Слово. Сборник научных трудов / отв. ред. С.В. Андреева. – Саратов: Научная книга, 2013а. – С. 94-99.
127. **Михалёв, А.Б.** Семантическая интерпретация индоевропейских корней: омонимия или полисемия? [Текст] / А.Б. Михалёв // Мир через языки, образование, культуру: Россия – Кавказ – Мировое сообщество: материалы VII Международного конгресса. – Симпозиум XI: «Теоретические и прикладные аспекты исследования языков народов мира». – Пятигорск, 2013б. – Ч. 1. – С. 79-86.
128. **Монич, Ю.В.** Амбивалентные функции ритуала в эволюции языковых

- систем [Текст] / Ю.В. Монич // Вопросы языкознания. – 2000. – № 6. – С. 69-97.
129. **Москович, В.А.** Семантическое поле цветообозначений [Текст]: автореф. дис. ... канд. филол. наук / В.А. Москович. – М., 1965. – 35 с.
130. **Наименования цвета в индоевропейских языках: системный и исторический анализ [Текст]** / отв. ред. А.П. Василевич. – М.: КомКнига, 2007. – 320 с.
131. **Норманская, Ю.В.** Генезис и развитие систем цветообозначений в древних индоевропейских языках [Текст] / Ю.В. Норманская. – М.: С&К, 2005. – 379 с.
132. **Павловская, И.Ю.** Фоносемантические аспекты речевой деятельности [Текст]: дис. ... докт. филол. наук / И.Ю. Павловская. – СПб., 1999. – 393 с.
133. **Павловская, И.Ю.** Фоносемантический анализ речи / И.Ю. Павловская. – СПб.: Изд-во СПб. ун-та, 2004. – 292 с.
134. **Папка, Н.В.** Эволюция германской языковой картины мира (на примере семантического гнезда значений «БРАТЬ/ДАВАТЬ» в английском и немецком языках) [Текст]: автореф. дис. ... канд. филол. наук / Н.В. Папка. – Пятигорск, 2002. – 19 с.
135. **Пономарева, С.Н.** Фоносемантический анализ лексики: этимологический аспект. (На материале англоязычной научной фантастики) [Текст]: автореф. дис. ... канд. филол. наук / С.Н. Пономарева. – СПб., 1991. – 16 с.
136. **Потебня, А.А.** Мысль и язык [Текст]: полное собрание трудов / А.А. Потебня. – М.: Лабиринт, 1999. – 300 с.
137. **Прокофьева, Л.П.** Звуко-цветовая ассоциативность: универсальное, национальное, индивидуальное [Текст] / Л.П. Прокофьева. – Саратов: Изд-во Саратовского медицинского университета, 2007. – 208 с.
138. **Пруцких, Т.А.** Проявление иконизма в языке: экспериментально-фонетическое исследование [Текст]: автореф. дис. ... канд. филол. наук /

- Т.А. Пруцких. – Иркутск, 2009. – 21 с.
139. **Рахилина, Е.В.** Когнитивный анализ предметных имён: семантика и сочетаемость [Текст] / Е.В. Рахилина. – Изд. 2-е, испр. и доп. – М.: Изд. центр «Азбуковник», 2010. – 448 с.
140. **Рузин, И.Г.** Природные звуки в семантике языка (Когнитивные стратегии именования) [Текст] / И.Г. Рузин // Вопросы языкознания. – 1993. – № 6. – С. 17-27.
141. **Рябова, Н.Ф.** Пути образования и развития цветообозначений (на материале производных от индоевропейских корней *bhel-* и *ghel-* в английском, латинском и русском языках) [Текст] / Н.Ф. Рябова // Инновации на разных языковых уровнях. – Рига: Изд-во ЛГУ им. Стучки, 1978. – С. 111-121.
142. **Сабанадзе, М.Я.** Синестезия в подъязыке музыковедения (на материале английского языка [Текст]: автореф. дис. ... канд. филол. наук / М.Я. Сабанадзе. – Л., 1987. – 19 с.
143. **Сепир, Э.** Избранные труды по языкознанию и культурологии [Текст] / Э. Сепир / общ. ред. и вступ. ст. А.Е. Кибрика; пер. с англ. – М.: Изд. группа «Прогресс», «Универс», 1993. – 656 с.
144. **Серебренников, Б.А.** Номинация и проблема выбора [Текст] / Б.А. Серебренников // Языковая номинация (Общие вопросы): сборник научных трудов; под ред. Б.А. Серебренникова. – М.: Наука, 1977. – С. 147-180.
145. **Серов, Н.В.** Хроматизм мифа [Текст] / Н.В. Серов. – Л.: Васильевский остров, 1990. – 350 с.
146. **Слоницкая, Е.И.** Экспериментальное исследование звуко-символизма фонемотипа лабиальных [Текст] / Е.И. Слоницкая // Проблемы фоносемантики: тезисы выступлений на совещании. – М., 1989. – С. 32-33.
147. **Сомова, Е.Г.** Звуко-символизм как фоностилистическое средство в поэтическом тексте [Текст]: дис. ... канд. филол. наук / Е.Г. Сомова. – СПб., 1991. – 184 с.

148. **Соссюр, Ф. де.** Труды по языкознанию [Текст] / Ф. де Соссюр; под ред. А.А. Холодовича; пер. с фр. – М.: Прогресс, 1977. – 695 с.
149. **Соссюр, Ф. де.** Курс общей лингвистики [Текст] / Ф. де Соссюр / под ред. и с примеч. Р.И. Шор; пер. с фр. – Изд. 4-е. – М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2009. – 256 с.
150. **Тамбиева, Ж.М.** Межъязыковые фоносемантические соответствия гуттуральных согласных (на материале русского, английского и абазинского языков) [Текст]: автореф. дис. ... канд. филол. наук / Ж.М. Тамбиева. – Пятигорск, 2003. – 17 с.
151. **Тонкова, М.М.** Коммуникация и синергетический подход: взаимодействие вербальной и невербальной систем (на материале англоязычной художественной прозы) [Текст]: автореф. дис. ... канд. филол. наук / М.М. Тонкова. – Л., 1989. – 17 с.
152. **Топоров, В.Н.** О ритуале. Введение в проблематику [Текст] / В.Н. Топоров // Архаический ритуал в фольклорных и раннелитературных памятниках. – М., Наука, 1988. – С. 7-60.
153. **Трубачёв, О.Н.** Труды по этимологии: Слово. История. Культура [Текст]: в 4-х т. / О.Н. Трубачёв. – М.: Языки славянской культуры, 2004. – Т. 1. – 800 с.
154. **Трубачёв, О.Н.** Труды по этимологии: Слово. История. Культура [Текст]: в 4-х т. / О.Н. Трубачёв. – М.: Языки славянской культуры, 2005. – Т. 2. – 664 с.
155. **Узнадзе, Д.Н.** Общая психология [Текст] / Д.Н. Узнадзе. – М.: Смысл, СПб: Питер, 2004. – 413 с.
156. **Ульманн, С.** Семантические универсалии [Текст] / С. Ульманн // Новое в лингвистике. – М.: Прогресс, 1970. – Вып. V: Языковые универсалии. – С. 250-299.
157. **Уфимцева, А.А.** Лексическое значение: Принцип семиологического описания лексики [Текст] / А.А. Уфимцева; под ред. Ю.С. Степанова. – Изд. 4-е. – М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2010. – 240 с.

158. **Фоносемантические исследования:** межвузовский сборник научных трудов [Текст] / под. ред. проф. С.В. Воронина; вступ. статья проф. С.В. Воронина и доц. А.В. Пузырёва. – Пенза, 1990. – Вып. 1. – 176 с.
159. **Фрумкина, Р.М.** Цвет, смысл, сходство: аспекты психолингвистического анализа [Текст] / Р.М. Фрумкина. – М.: Наука, 1984. – 175 с.
160. **Хусаинов, К.Ш.** Звукоизобразительность номинации в казахском языке [Текст]: автореф. дис. ... канд. филол. наук / К.Ш. Хусаинов. – Алма-Ата, 1988. – 46 с.
161. **Хусаинов, К.Ш.** О причинах количественного различия звукоизобразительных слов в разносистемных языках [Текст] / К.Ш. Хусаинов // Проблемы этимологии тюркских языков. – Алма-Ата: Гылым, 1990. – С. 158-163.
162. **Шадрина, И.Н.** Фоносемантическая доминанта как структурообразующий компонент текста перевода: Экспериментальное исследование на материале русского и английского языков [Текст]: дис. ... канд. филол. наук / И.Н. Шадрина. – Горно-Алтайск, 2001. – 166 с.
163. **Шамина, Е.А.** Дистрибуция лабиальных в фонетическом и фоносемантическом отношении. (Статистико-экспериментальное исследование на материале английского и русского языков) [Текст]: автореф. дис. ... канд. филол. наук / Е.А. Шамина. – Л., 1989. – 20 с.
164. **Шестакова, О.В.** Универсальное и специфическое в ономотопее. (На материале немецкого и русского языков) [Текст]: дис. ... канд. филол. наук / О.В. Шестакова. – Пермь, 2013. – 256 с.
165. **Шляхова, С.С.** Тень смысла в звуке: Введение в русскую фоносемантику [Текст]: учеб. пособие / С.С. Шляхова. – Пермь: Изд-во Перм. гос. пед. ун-та, 2003. – 216 с.
166. **Шляхова, С.С.** Дребезги языка: Словарь русских фоносемантических аномалий [Текст] / С.С. Шляхова. – Пермь: Изд-во Перм. гос. пед. ун-та, 2004. – 226 с.
167. **Шляхова, С.С.** «Другой» язык: Опыт маргинальной лингвистики [Текст]

- / С.С. Шляхова. – Пермь: Изд-во Перм. гос. техн. ун-та, 2005. – 346 с.
168. **Шляхова, С.С.** Фоносемантические маргиналии в русской речи [Текст]: дис. ... докт. филол. наук / С.С. Шляхова. – Пермь, 2006. – 489 с.
169. **Штерн, А.С.** Объективные критерии выявления эффекта «звуковой символики» [Текст] / А.С. Штерн // Материалы семинара по проблеме мотивированности языкового знака. – Л.: Наука, 1969. – С. 69-73.
170. **Якобсон, Р.О.** Типологические исследования и их вклад в сравнительно-историческое языкознание [Текст] / Р.О. Якобсон // Новое в лингвистике. – М.: Прогресс, 1963. – Вып. 3. – С. 95-105.
171. **Якобсон, Р.О.** К вопросу о зрительных и слуховых знаках [Текст] / Р.О. Якобсон // Семиотика и искусствометрия. – М., 1972. – С. 82-87.
172. **Якобсон, Р.О.** Лингвистика и поэтика [Текст] / Р.О. Якобсон // Структурализм: «за» и «против». – М.: Прогресс, 1975. – С. 193-230.
173. **Якобсон, Р.О.** В поисках сущности языка [Текст] / Р.О. Якобсон // Семиотика. – М.: Радуга, 1983. – С. 102-107.
174. **Якобсон, Р.О.** Мозг и язык [Текст] / Р.О. Якобсон // Избранные работы. – М.: Прогресс, 1985. – С. 270-286.
175. **Якобсон, Р.О.** Избранные работы по лингвистике [Текст] / Р.О. Якобсон; под общ. ред. В.А. Звегинцева; пер. с англ., нем., франц. языков. – Благовещенск: Изд-во БГК им. И.А. Бодуэна де Куртенэ, 1998. – 448 с.
176. **Abelin, Å.** Studies in sound symbolism [Text] / Å. Abelin. – Göteborg University, 1999. – 327 p.
177. **Allen, Ch.G.B.** The colour-sense, its origin and development: an essay in comparative psychology [Text] / Ch.G.B. Allen. – English and foreign philosophical library 10. – London: Trübner, 1879. – 282 p.
178. **Allott, R.** Some apparent uniformities between languages in colour-naming [Text] / R. Allott // Language and speech. – 1974. – № 17. – P. 377-402.
179. **Alpher, B.** Yir-Yiront ideophones [Text] / B. Alpher // Sound symbolism / ed. by L. Hinton, J. Nicols, J.J. Ohala. – Cambridge: Cambridge University Press, 1994. – P. 161-177.

180. **Alpher, B.** Ideophones in interaction with intonation and the expression of new information in some indigenous languages of Australia [Text] / B. Alpher // Voeltz E., Killian-Hatz Ch. Ideophones. – Amsterdam, 2001. – P. 9-25.
181. **Allport, G.** Phonetic symbolism in Hungarian words [Text] / G. Allport. – Harvard University, Cambridge, 1935. – 377 p.
182. **Alvarado, N., Jameson, K.A.** The use of modifying terms in the naming and categorization of color appearances in Vietnamese and English [Text] / N. Alvarado, K.A. Jameson // Journal of cognition and culture. – 2002. – Vol. 2, № 1. – P. 53-80.
183. **Aoki, H.** Symbolism in New Perce [Text] / H. Aoki // Sound symbolism / ed. by L. Hinton, J. Nicols, J.J. Ohala. – Cambridge: Cambridge University Press, 1994. – P. 15-22.
184. **Austerlitz, R.** Finnish and Gilyak sound symbolism – the interplay between system and history [Text] / R. Austerlitz // Sound Symbolism / ed. by L. Hinton, J. Nicols, J.J. Ohala. – Cambridge: Cambridge University Press, 1994. – P. 249-262.
185. **Aztet, J., Gerard, H.B.** A study of phonetic symbolism among native Navajo speakers [Text] / J. Aztet, H.B. Gerard // Journal of personality and social psychology. – 1965. – № 1. – P. 524-528.
186. **Baron-Cohen, S. [et al.].** Synaesthesia: prevalence and familiarity [Text] / S. Baron-Cohen, L. Burt, F. Smith-Laittan // Perception. – 1996. – № 25. – P. 1073-1079.
187. **Baron-Cohen, S., Harrison, J.E.** Synaesthesia: classis and contemporary readings [Text] / S. Baron-Cohen, J.E. Harrison. – Cambridge, Massachusetts: Blackwell Publishers, 1997.
188. **Bartens, A.** Ideophones and sound symbolism in Atlantic Creoles [Text] / A. Bartens // Helsinki: The Finnish Academy of Science and Letters, 2000. – 198 p.
189. **Berlin, B., Kay, P.** Basic color terms. Their universality and evolution [Text] / B. Berlin, P. Kay. – Berkeley; Los Angeles: University of California Press,

1969. – 178 p.
190. **Berlin, B., Berlin, E.A.** Aguaruna color categories [Text] / B. Berlin, E.A. Berlin // *American ethnologist*. – 1975. – № 2. – P. 61-87.
191. **Berlin, B. [et al.]**. Color term evolution: recent evidence from the World Color Survey [Text] / B. Berlin, P. Kay, W.R. Merrifield // A paper presented to the 84th meeting of the American Anthropological Association. – Washington DC, 1985.
192. **Berlin, B. [et al.]**. Prototypes and foci in the encoding of colour [Text] / B. Berlin, P. Kay, W.R. Merrifield; L. Kay, P.E. Smith (eds.). – 2004. – P. 19-40.
193. **Biggam, C.P.** The development of the Basic Colour Terms of English [Text] / C.P. Biggam; A. Hall, O. Timofeeva, A. Kiricsi, B. Fox (eds.), 2010. – P. 231-266.
194. **Biggam, C.P.** The semantics of colour. A historical approach [Text] / C.P. Biggam. – Cambridge University Press, 2012. – 257 p.
195. **Bloomfield, L.** Language [Text] / L. Bloomfield. – New York: Holt, 1933. – 590 p.
196. **Bolton, R.** Black, white and red all over: the riddle of color term salience [Text] / R. Bolton // *Ethnology*. – 1978. – 17.3. – P. 287-311.
197. **Bolton, R.** Hue categorization and color naming: physics to sensation to perception [Text] / R. Bolton // N.I. Pitchford, C.P. Biggam (eds.). – 2006. – P. 35-68.
198. **Bolton, R.** Hue categorization and color naming: cognition to language to culture [Text] / R. Bolton; R.E. MacLaury, G.V. Paramei, D. Dedrick (eds.). – 2007. – P. 3-27.
199. **Bornstein, M.H.** Color vision and color naming: a psychophysiological hypothesis of cultural difference [Text] / M.H. Bornstein // *Psychological Bulletin*. – 1973. – Vol. 80. – P. 257-285.
200. **Bornstein, M.H.** The influence of visual perception of culture [Text] / M.H. Bornstein // *American Anthropologist*. – New Series. – 1975. – Vol. 77.

- № 4. – P. 774-798.
201. **Boynton, R.M., Olson, C.X.** Saliency of chromatic basic color terms confirmed by three measures [Text] / R.M. Boynton, C.X. Olson // *Vision research*. – 1990. – 30.9. – P. 1311-1317.
202. **Brackbill, Y., Little, K.B.** Factors determining the guessing of meanings of foreign words [Text] / Y. Brackbill, K.B. Little // *Journal of Abnormal and Social Psychology*. – 1957. – № 54. – P. 312-318.
203. **Brosses, Ch., de.** *Traité de la formation mécanique des langues et des principes physique de l'étymologie* [Texte] / Ch. de Brosses. – Paris: Saillant, Vincent et Desaint, 1765. – 480 p.
204. **Brown, R.W.** *Words and things* [Text] / R.W. Brown. – New York: The Free Press, 1958. – 398 p.
205. **Brown, R.W. [et al.].** Phonetic symbolism in natural languages [Text] / R.W. Brown, A.H. Black, A.E. Horowitz // *Journal of Abnormal and Social Psychology*. – 1955. – Vol. 50. – P. 388-393.
206. **Chan, M.K.M.** Some thoughts on the typology of sound symbolism and the Chinese language [Text] / M.K.M. Chan // *Proceedings of the Eighth North American Conference on Chinese*. – Los Angeles: GSIL Publications, 1996. – Vol. 2. – P. 1-15.
207. **Chastaing, M.** L'opposition des consonnes "sourdes" aux consonnes "sonores" a-t-elle une valeur symbolique? [Texte] / M. Chastaing // *Vie et Langage*. – 1964a. – № 147. – P. 367-370.
208. **Chastaing, M.** Nouvelles recherches sur le symbolisme des voyelles [Texte] / M. Chastaing // *Journal de Psychologie*. – 1964b. – № 61. – P. 75-88.
209. **Childs, G.T.** African ideophones [Text] / G.T. Childs // *Sound Symbolism* / L. Hinton, J. Nicols, J.J. Ohala (eds.). – Cambridge: Cambridge University Press, 1994. – P. 178-206.
210. **Color categories in thought and language** [Text] / C.L. Hardin, L. Maffi (eds.). – Cambridge University Press, 1997. – 404 p.
211. **Corbett, G.G.** Russian colour term saliency [Text] / G.G. Corbett // *Russian*

- linguistics. – 1989. – Vol. 13. – P. 125-141.
212. **Corbett, G.G., Davies, I.R.L.** Linguistic and behavioural measures for ranking basic colour terms [Text] / G.G. Corbett, I.R.L. Davies // *Studies in language*. – 1995. – Vol. 19, № 2. – P. 301-357.
213. **Corbett, G.G., Morgan, G.** Colour terms in Russian: reflections of typological constraints in a single language [Text] / G.G. Corbett, G. Morgan // *Journal of linguistics*. – 1988. – Vol. 24, № 1. – P. 31-64.
214. **Corbett, G.G., Davies, I.R.L.** Establishing basic color terms: measures and techniques [Text] / G.G. Corbett, I.R.L. Davies // C.L. Hardin, L. Maffi (eds.), 1997. – P. 197-223.
215. **Crawford, T.D.** Defining “basic color term” [Text] / T.D. Crawford // *Anthropological Linguistics*. – 1982. – Vol. 24, № 3. – P. 338-343.
216. **Cytowic, R.E.** *Synesthesia: a union of the senses* [Text] / R.E. Cytowic. – 2nd ed. – Cambridge, Massachusetts: MIT Press, 2002. – 424 p.
217. **Cytowic, R.E.** *The man who tasted shapes* [Text] / R.E. Cytowic. – Cambridge, Massachusetts: MIT Press, 2003. – 296 p.
218. **Cytowic, R.E., Eagleman, D.M.** *Wednesday is indigo blue: discovering the brain of synesthesia (with an afterword by D. Nabokov)* [Text] / R.E. Cytowic, D.M. Eagleman. – Cambridge: MIT Press, 2009. – 309 p.
219. **Daniélou, A.** *Sémantique musicale: essai de psychophysiologie auditive* [Texte] / A. Daniélou. – Paris: Hermann, 1999. – 131 p.
220. **Davies, I.R.L.** A study of colour grouping in three languages: A test of the linguistic relativity hypothesis [Text] / I.R.L. Davies // *British Journal of Psychology*. – 1998. – № 89. – P. 433-452.
221. **Davies, I.R.L., Corbett, G.G.** A statistical approach to determining basic color terms: an account of Xhosa [Text] / I.R.L. Davies, G.G. Corbett // *Journal of linguistic anthropology*. – 1994. – Vol. 4, № 2. – P. 175-193.
222. **Davies, I.R.L. [et al.].** Color terms and color term acquisition in Damara [Text] / I.R.L. Davies, P. Roling, G.G. Corbett, F. Xoagub, J. Xoagub // *Journal of linguistic anthropology*. – 1997. – Vol. 7, № 2. – P. 181-207.

223. **Day, S.** Types of synesthesia [Electronic resource] / S. Day. – URL: <http://www.home.comcast.net/~sean.day/html/types.htm> (accessed on August 7, 2008).
224. **Dedrick, D.** Color language universality and evolution: on the explanation for basic color terms [Text] / D. Dedrick // *Philosophical psychology*. – 1996. – Vol. 9, №4. – P. 497-524.
225. **Dedrick, D.** The foundations of the universalist tradition in color-naming research (and their supposed refutation) [Text] / D. Dedrick // *Philosophy of the social sciences*. – 1998a. – № 28. – P. 179-204.
226. **Dedrick, D.** Naming the rainbow: color language, colour science, and culture [Text] / D. Dedrick. – Dordrecht; Boston: Kluwer, 1998b. – 215 p.
227. **Dedrick, D.** The roots / routes of color term reference [Text] / D. Dedrick; B. Saunders, J. van Brakel (eds.). – 2002. – P. 53-68.
228. **Dedrick, D.** Color, color terms, categorization, cognition, culture: an afterword [Text] / D. Dedrick // *Journal of cognition and culture*. – 2005. – Vol. 5, № 3-4. – P. 487-495.
229. **Dixon, M.J. [et al.].** Five plus two equals yellow [Text] / M.J. Dixon, D. Smilek, C. Cudahy, P.M. Merikle // *Nature*. – 2000. – Vol. 406. – P. 365.
230. **Dixon, M.J. [et al.].** Not all synaesthetes are created equal: projector versus associator synaesthetes [Text] / M.J. Dixon, D. Smilek, P.M. Merikle // *Cognitive Affective and Behavioral Neuroscience* 4. – 2004. – № 3. – P. 335-343.
231. **Dixon, M.J. [et al.].** The role of meaning in grapheme-colour synaesthesia [Text] / M.J. Dixon, D. Smilek, P.L. Duffy, P.M. Zanna, P.M. Merikle // *Cortex*. – 2006. – № 42. – P. 243-252.
232. **Dougherty, J.W.D.** Color categorization in West Futunese: variability and change [Text] / J.W.D. Dougherty // *Sociocultural Dimensions of Language Change*. – 1977. – P. 103-118.
233. **Durbin, M.** Basic terms – off-color? [Text] / M. Durbin // *Semiotica*. – 1972. – № 6. – P. 257-278.
234. **Eagleman, D.M.** Synaesthesia in its protean guises [Text] / D.M. Eagleman //

- British Journal of Psychology. – 2012. – № 103. – P. 16-19.
235. **Etzel, S.** Untersuchungen zur Lautsymbolik / Inauguraldissertation zur Erlangung des Grades eines Doktors der Philosophie im Fachbereich Neuere Philologien der Johann Wolfgang Goethe [Text] / S. Etzel. – Universität zu Frankfurt am Main, 1983. – 257 S.
236. **Fechner, Th.** Vorschule der Aesthetik [Text] / Th. Fechner. – Leipzig: Breitkopf und Hartel, 1871. – 46 S.
237. **Fox, C.W.** An experimental study in naming [Text] / C.W. Fox // American Journal of Psychology. – 1935. – № 47. – P. 545-579.
238. **Gabelentz, G., von.** Die Sprachwissenschaft: Ihre Aufgaben, Methoden und bisherige Ergebnisse [Text] / G. von Gabelentz. – Leipzig, 1891. – 289 p.
239. **Galton, F.** Visualized numerals [Text] / F. Galton // Nature. – 1880. – №21 (543). – P. 494-495.
240. **Gébelin, A.C., de.** Monde primitif, considéré dans l'Histoire naturelle de la parole, ou Origine du langage et de l'écriture [Texte] / A.C. Gébelin. – Paris, 1775.
241. **Genette, G.** Avatars du cratylisme [Texte] / G. Genette // Poétique. – 1972. – № 11. – P. 367-394.
242. **Genette, G.** Mimologiques. Voyage en Cratyle [Texte] / G. Genette. – Paris: Ed. du Seuil, 1976. – 289 p.
243. **Gladstone, W.E.** Studies on Homer and the Homeric age [Text]: in 3 vols. / W.E. Gladstone. – Oxford University Press, 1858. – 618 p.
244. **Gladstone, W.E.** The colour-sense [Text] / W.E. Gladstone // The nineteenth century: a monthly review. – 1877. – № 2. – P. 366-388.
245. **Goldstein, J. [et al].** Knowing color terms enhances recognition: Further evidence from English and Himba [Text] / J. Goldstein, J. Davidoff, D. Roberson // Journal of Experimental Child Psychology. – 2009. – № 102. – P. 219-238.
246. **Grossenbacher, P., Lovelace C.** Mechanisms of synesthesia: Cognitive and physiological constraints [Text] / P. Grossenbacher, C. Lovelace // Trends in

- Cognitive Sciences. – 2001. – Vol. 5, № 1. – P. 36-41.
247. **Hamano, Sh.S.** The sound-symbolic system of Japanese [Text] / Sh.S. Hamano. – Tokyo: Kurisio, 1998. – 272 p.
248. **Hays, D.G. [et al.].** Color term salience [Text] / D.G. Hays, E. Margolis, R. Narrol, D.R. Perkins // *American anthropologist*. – 1972. – Vol. 74, № 5. – P. 1107-1121.
249. **Heinrich, A.C.** Systematics of Canadian Eskimo colour terminology [Text] / A.C. Heinrich // Kay, P. Synchronic variability and diachronic change in basic color terms. – 1973.
250. **Hickerson, N.P.** Review of Berlin and Kay's Basic color terms [Text] / N.P. Hickerson // *International journal of American linguistics*. – 1971. – Vol. 37, № 4. – P. 257-270.
251. **Hubbard, E.M. [et al.].** Individual differences among grapheme-color synesthetes: Brain-behavior correlations [Text] / E.M. Hubbard, A.C. Arman, V.S. Ramachandran, G.M. Boynton // *Neuron*. – 2005. – Vol. 45. – P. 975-985.
252. **Hutchins, Sh.S.** The psychological reality, variability, and compositionality of English phonesthemes [Text] / Sh.S. Hutchins. – Atlanta, 1998. – 436 p.
253. **Jacobsen, W.H.** Nootkan vocative vocalism and its implications [Text] / W.H. Jacobsen // *Sound Symbolism* / ed. by L. Hinton, J. Nicols, J.J. Ohala. – Cambridge: Cambridge University Press, 1994. – P. 23-39.
254. **Jakobson, R.O.** Six lessons on sound and meaning [Electronic resource] / R.O. Jakobson. – Cambridge, Mass.: MIT Press, 1978. – URL: <http://www.marxists.org/reference/subject/philosophy/>
255. **Jameson, K.A.** On the role of culture in color naming: remarks on the articles of Paramei, Kay, Roberson, and Hardin on the topic of cognition, culture, and color experience [Text] / K.A. Jameson // *Cross-Cultural Research*. – 2005. – Vol. 39, № 1. – P. 88-106.
256. **Jameson, K.A.** Why GRUE? An interpoint-distance model analysis of composite color categories [Text] / K.A. Jameson // *Cross-Cultural Research*. –

2005. – Vol. 39, № 2. – P. 159-204.
257. **Jameson, K.A., D'Andrade, R.G.** It's not really red, green, yellow, blue: an inquiry into perceptual color space [Text] / K.A. Jameson, R.G. D'Andrade // C.L. Hardin, L. Maffi (eds.). – 1997. – P. 295-319.
258. **Jameson, K.A. [et al.].** Richer color experience in observers with multiple photopigment opsin genes [Text] / K.A. Jameson, S.M. Highnote, L.M. Wasserman // Psychonomic bulletin and review. – 2001. – Vol. 8, № 2. – P. 244-261.
259. **Jespersen, O.** Language: its nature, development and origin [Text] / O. Jespersen. – London: Allen & Unwin, 1922. – 557 p.
260. **Jespersen, O.** The symbolic value of the vowel i [Text] / O. Jespersen // Selected Papers of O. Jespersen in English French and German, Levin and Munksgaard. – Copenhagen, 1933. – P. 283-303.
261. **Johnson, R.C. [et al.].** Phonetic symbolism in an artificial language [Text] / R.C. Johnson, N.S. Suzuki, W.K. Olds // Journal of Abnormal and Social Psychology. – 1964. – № 69. – P. 233-236.
262. **Kaufman, T.** Symbolism and change in the sound system of Huastec [Text] / T. Kaufman // Sound Symbolism / ed. by L. Hinton, J. Nicols, J.J. Ohala. – Cambridge: Cambridge University Press, 1994. – P. 63-75.
263. **Kay, P.** Synchronic variability and diachronic change in basic color terms [Text] / P. Kay // Language in society. – 1975. – № 4. – P. 257-270.
264. **Kay, P.** Color terms, linguistics of [Text] / P. Kay; N. Smelser, P. Baltes (eds.). – 2001. – P. 2248-2252.
265. **Kay, P.** Color categories are not arbitrary [Text] / P. Kay // Cross-cultural research. – 2005. – Vol. 39, № 1. – P. 39-55.
266. **Kay, P., Maffi, L.** Color appearance and the emergence and evolution of basic color lexicons [Text] / P. Kay, L. Maffi // American anthropologist. – 1999. – Vol. 101, № 4. – P. 743-760.
267. **Kay, P., McDaniel, Ch.** Color categories as fuzzy sets [Text] / P. Kay, Ch. McDaniel // Working Paper 44 / Language Behavior Research Laboratory.

- Berkeley: University of California, 1975.
268. **Kay, P., McDaniel, Ch.** The linguistic significance of the meanings of basic color terms [Text] / P. Kay, Ch. McDaniel // *Language*. – 1978. – Vol. 54, № 3. – P. 610-646.
269. **Kay, P., Maffi, L.** Color appearance and the emergence and evolution of basic color lexicons [Text] / P. Kay, L. Maffi // *American anthropologist*. – 1999. – Vol. 101, № 4. – P. 743-760.
270. **Kay, P., Regier, T.** Resolving the question of color naming universals [Text] / P. Kay, T. Regier // *Proceedings of the National Academy of Sciences of the United States of America*. – 2003. – Vol. 100, № 15. – P. 9085-9089.
271. **Kay, P., Regier, T.** Language, thought and color: Recent developments [Text] / P. Kay, T. Regier // *Trends in Cognitive Sciences*. – 2006. – Vol. 10, № 2. – P. 51-54.
272. **Kay, P., Regier, T.** Color naming universals: The case of Berinmo [Text] / P. Kay, T. Regier // *Cognition*. – 2007. – № 102. – P. 289-298.
273. **Kay, P. [et al].** [Text] / P. Kay, B. Berlin, W. Merrifield // 1991. – &&& p.
274. **Kay, P. [et al].** The World Color Survey [Text] / P. Kay, B. Berlin, L. Maffi, W. Merrifield, R. Cook // *CSLI Lecture Notes 159*. – Stanford, Calif.: CSLI Publications, 2009. – 618 p.
275. **Key, M.** The polysemy structure of Japanese mimetics [Text] / M. Key. – Indiana University, Bloomington, 1997.
276. **Köhler, W.** Gestalt psychology [Text] / W. Köhler. – New York: Liveright, 1929. – 380 p.
277. **Koike, S., Ivanova, G.** On Japanese mimetic words [Text] / S. Koike, G. Ivanova // *Journal of the Faculty of International Studies / Utsunomiya University*. – 2002. – № 14. – P. 63-77.
278. **Koriat, A., Levy, I.** The symbolic implications of vowels in two natural languages (Japanese and Hindi) [Text] / A. Koriat, I. Levy // *Journal of Psychological Research*. – 1977. – № 6. – P. 93-103.
279. **Kronasser, H.** Handbuch der Semasiologie. Kurze Einführung in die Ges-

- chichte, Problematik und Terminologie der Bedeutungslehre [Text] / H. Kronasser. – Heidelberg: Carl Winter, 1952. – 204 S.
280. **Lakoff, G., Johnson M.** Metaphors we live by [Text] / G. Lakoff, M. Johnson. – Chicago: University of Chicago Press, 1980. – 276 p.
281. **Lakoff, G.** Women, fire, and dangerous things [Text] / G. Lakoff. – Chicago: University of Chicago Press, 1987. – 792 p.
282. **Langdon, M.** Noise words in Guarani [Text] / M. Langdon // Sound Symbolism / ed. by L. Hinton, J. Nicols, J.J. Ohala. – Cambridge: Cambridge University Press, 1994. – P. 94-106.
283. **Lapolla, R.J.** An experimental investigation into phonetic symbolism as it relates to Mandarin Chinese [Text] / R.J. Lapolla // Sound Symbolism / L. Hinton, J. Nicols, J.J. Ohala (eds.) – Cambridge: Cambridge University Press, 1994. – P. 130-147.
284. **Lee, J.-S.** Phonology and sound symbolism of Korean ideophones [Text] / J.-S. Lee. – Seoul: Hanshin Publishing Co., 1992. – 379 p.
285. **Leibnitz, G.W.** Nouveaux essais sur l'entendement [Texte] / G.W. Leibnitz // Die philosophischen Schriften von G.W. Leibnitz. – Berlin: Weidmannsche Buchhandlung, 1882. – Vol. 5. – P. 39-509.
286. **Lenneberg, E.H., Roberts J.M.** The language of experience: a study in methodology [Text] / E.H. Lenneberg, J.M. Roberts // Indiana University Publications in Anthropology and Linguistics, Memoir 13 (Supplement to International Journal of American linguistics). – Baltimore: Waverly Press, 1956. – Vol. 22. – №2. – 33 p.
287. **Lyons, J.** Colour in language [Text] / J. Lyons; T. Lamb, J. Bourriau (eds.). – 1995. – P. 194-224.
288. **MacLaury, R.E.** Social and cognitive motivations of change: Measuring variability in color semantics [Text] / R.E. MacLaury // Language. – 1991. – Vol. 67, № 1. – P. 34-62.
289. **MacLaury, R.E.** From brightness to hue: an explanatory model of color-category evolution [Text] / R.E. MacLaury // Current Anthropology. – 1992a. –

Vol. 33. – P. 137-186.

290. **MacLaury, R.E.** Karuk color: the yellow-green-blue category of northern California [Text] / R.E. MacLaury // Paper presented at the 91st Annual Meeting of the American Anthropological Association. – San Francisco, 1992b.
291. **MacLaury, R.E.** Color and cognition in Mesoamerica: constructing categories as vantages [Text] / R.E. MacLaury. – Austin: University of Texas, 1997a. – 178 p.
292. **MacLaury, R.E.** Ethnographic evidence of unique hues and elemental colors [Text] / R.E. MacLaury // Behavioral and brain sciences. – 1997b. – Vol. 20, №2. – P. 202-203.
293. **MacLaury, R.E.** Basic color terms: twenty-five years after [Text] / R.E. MacLaury; A. Borg (ed.). – 1999. – P. 1-37.
294. **MacLaury, R.E.** Color terms [Text] / R.E. MacLaury; M. Haspelmath, E. König, W. Oesterreicher, W. Raible (eds.). – 2001. – P. 1227-1251.
295. **MacLaury, R.E.** Introducing vantage theory [Text] / R.E. MacLaury // Language sciences. – 2002. – Vol. 24, № 5-6. – P. 493-536.
296. **MacLaury, R.E. [et al.].** Anthropology of color: interdisciplinary multilevel modeling [Text] / R.E. MacLaury, G.V. Paramei, D. Dedrick. – Amsterdam, Philadelphia: John Benjamins Publishing Company, 2007. – 485 p.
297. **Magnus, H.** Die geschichtliche Entwicklung des Farbensinnes [Text] / H. Magnus. – Leipzig: von Veit, 1877. – 70 S.
298. **Magnus, H.** Untersuchungen über den Farbensinn der Naturvölker [Text] / H. Magnus. – Jena: Gustav Fischer, 1880.
299. **Magnus, M.A.** Bibliography of phonosemantics [Electronic resource] / M.A. Magnus. – URL: <http://www.trismegistos.com/magicalletterpage/bibliography.html>
300. **Malkiel, Y.** Etymology and general linguistics [Text] / Y. Malkiel // Word. – 1962. – Vol. 18, № 2. – P. 189-219.
301. **Malkiel, Y.** From phonosymbolism to morphosymbolism [Text] / Y. Malkiel

- // LACUS Forum 4. – Hornbeam, Columbia. – 1978. – P. 511-529.
302. **Malkiel, Y.** Diachronic problem in phonosymbolism [Text] / Y. Malkiel. – Amsterdam, Philadelphia: J. Benjamins Publishing Company, 1990. – 274 p.
303. **Maltzmann, I. [et al.].** An investigation of phonetic symbolism [Text] / I. Maltzmann, L. Morrisset, L.O. Brooks // Journal of Abnormal and Social Psychology. – 1956. – № 53. – P. 249-251.
304. **Marchand, H.** Phonetic symbolism in English word-formation [Text] / H. Marchand // Indogermanische Forschungen. – 1959. – № 64. – P. 146-168.
305. **Marks, L.E.** On colored-hearing synesthesia: cross-modal translations of sensory dimensions [Text] / L.E. Marks // Psychological Bulletin. – 1975. – Vol. 82, № 3. – P. 303-331.
306. **Marks, L.E.** The unity of the senses: Interrelationships among the modalities [Text] / L.E. Marks. – New York: Academic Press, 1978. – 289 p.
307. **McGregor, W.B.** Sound symbolism in Kuniyanti, a language of Western Africa [Text] / W.B. McGregor // Word. – 1996. – Vol. 47, №3. – P. 339-364.
308. **Merleau-Ponty, M.** Phenomenology of perception [Text] / M. Merleau-Ponty. – London: Routledge, 2002. – 544 p.
309. **Miron, M.S.** A cross-linguistic investigation of phonetic symbolism [Text] / M.S. Miron // Journal of Abnormal and Social Psychology. – 1961. – № 62. – P. 623-630.
310. **Mithen, S.** From domain specific to generalized intelligence: a cognitive interpretation of the Middle/Upper Palaeolithic transition [Text] / S. Mithen // C. Renfrew, E.B.W. Zubrow (eds.), 1994. – P. 29-39.
311. **Mithen, S.** The prehistory of the mind: a search for the origins of art, religion and science [Text] / S. Mithen. – London: Thames and Hudson, 1996. – 288 p.
312. **Morgan, G., Corbett G.G.** Russian colour term salience [Text] / G. Morgan, G.G. Corbett // Russian linguistics. – 1989. – Vol. 13, №2. – P. 125-141.
313. **Mroczko, A. [et al.].** Immediate transfer of synesthesia to a novel inducer

- [Text] / A. Mroczko, T. Metzinger, W. Singer, D. Nikolić // Journal of Vision. – 2009. – № 9. – P. 2521-2528.
314. **Muller, H.** Experimentelle Beitrage zur Analyse des Verhältnisses von Laut und Sinn [Text] / H. Muller. – Berlin, 1935. – 295 S.
315. **Newman, S.** Further experiments in phonetic symbolism [Text] / S. Newman // American Journal of Psychology. – 1933. – № 45. – P. 53-75.
316. **Nikolić, D. [et al.].** Color opponency in synesthetic experiences [Text] / D. Nikolić, P. Lichti, W. Singer // Psychological Science. – 2007a. – Vol. 18. – P. 481-486.
317. **Nikolić, D. [et al.].** Synaesthesia does not enable extraordinary speed of visual search [Text] / D. Nikolić, P. Lichti, W. Singer // UK Synaesthesia Association Meeting. – Oxford, 2007b.
318. **Nikolić, D. [et al.].** Swimming-style synesthesia [Text] / D. Nikolić, U.M. Jürgens, N. Rothen, B. Meier, A. Mroczko // Cortex. – 2011. – № 47(7). – P. 874-879.
319. **Nodier, Ch.** Notions élémentaire de linguistique [Texte] / Ch. Nodier. – Paris: Renduel, 1834. – 310 p.
320. **Nowaczyk, R.H.** Sex-related differences in the color lexicon [Text] / R.H. Nowaczyk // Language and Speech. – 1982. – Vol. 25, №3. – P. 257-265.
321. **Nuckolls, J.B.** Sound symbolic involvement [Text] / J.B. Nuckolls // Journal of Linguistic Anthropology. – 1992. – Vol. 2, № 1. – P. 51-80.
322. **Nuckolls, J.B.** Sounds like life: Sound symbolic grammar, performance, and cognition in Pastaza Quechua [Text] / J.B. Nuckolls. – Oxford: Oxford University Press, 1996. – 312 p.
323. **Nuckolls, J.B.** The case for sound symbolism [Text] / J.B. Nuckolls // Annual Review of Anthropology. – 1999. – Vol. 28. – P. 225-252.
324. **Nunn, J.A. [et al.].** Functional magnetic resonance imaging of synaesthesia: Activation of V4/V8 by spoken words [Text] / J.A. Nunn, L.J. Gregory, M. Brammer, S.C.R. Williams, D.M. Parslow, M.J. Morgan, R.G. Morris, E.T. Bullmore, S. Baron-Cohen, J.A. Gray // Nature Neuroscience. – 2002. –

Vol. 5. – P. 371-375.

325. **Orr, J.** On some sound values in English [Text] / J. Orr // *British Journal of Psychology*. – 1944. – Vol. 35, pt. 1. – P. 1-8.
326. **Osgood, Ch.E.** The nature and measurement of meaning [Text] / Ch.E. Osgood // *Psychology Bulletin*. – 1952. – № 44. – P. 197-237.
327. **Osgood, Ch.E. [et al.]**. The measurement of meaning [Text] / Ch.E. Osgood, G.J. Suci, P.H. Tannenbaum. – Urbana: University of Illinois Press, 1957. – 242 p.
328. **Osgood, Ch.E. [et al.]**. Cross-cultural universals of affective meaning / Ch.E. Osgood, W.H. May, M.S. Miron. – Urbana: University of Illinois Press, 1975. – 486 p.
329. **Palmeri, T.J. [et al.]**. The perceptual reality of synesthetic colors [Text] / T.J. Palmeri, R. Blake, R. Marois, M.A. Flanery, W. Whetsell // *Proceedings of the National Academy of Sciences, USA*. – 2002. – Vol. 99. – P. 4127-4131.
330. **Paramei, G.V.** Singing the Russian blues: an argument for culturally basic color terms [Text] / G.V. Paramei // *Cross-cultural research*. – 2005. – Vol. 39, № 1. – P. 10-38.
331. **Paramei, G.V.** Russian “blues” [Text] / G.V. Paramei, R.E. MacLaury, G.V. Paramei, D. Dedrick (eds.). – 2007. – P. 75-106.
332. **Pascual-Leone, A., Hamilton, R.** The metamodal organization of the brain [Text] / A. Pascual-Leone, R. Hamilton // *Progress in Brain Research*. – 2001. – № 134. – P. 427-445.
333. **Rakhilina, E.V., Paramei, G.V.** Colour terms: evolution via expansion of taxonomic constraints [Text] / E.V. Rakhilina, G.V. Paramei; Biggam, Hough, Kay, Simmons (eds.). – 2011. – P. 121-131.
334. **Ramachandran, V.S.** A brief tour of human consciousness: from impostor poodles to purple numbers [Text] / V.S. Ramachandran. – New York: Pi Press, 2004. – 199 p.
335. **Ramachandran, V.S., Hubbard, E.M.** Psychophysical investigations into the

- neural basis of synaesthesia [Text] / V.S. Ramachandran, E.M. Hubbard // Proceedings of Royal Society of London Series B-Biological Sciences. – 2001a. – Vol. 268. – P. 979-983.
336. **Ramachandran, V.S., Hubbard, E.M.** Synaesthesia: A window into perception, thought and language [Text] / V.S. Ramachandran, E.M. Hubbard // Journal of Consciousness Studies. – 2001b. – Vol. 8, № 12. – P. 3-34.
337. **Ramachandran, V.S., Hubbard, E.M.** Hearing colors, tasting shapes [Text] / V.S. Ramachandran, E.M. Hubbard // Scientific American. – 2003. – May. – P. 52-59.
338. **Regier, T.** Reduplication and the arbitrariness of the sign [Text] / T. Regier // Proceedings of the Twentieth Annual Conference of the Cognitive Science Society. – Gernsbacher, M and Derry, S. (Eds.). Mahwah NJ: Lawrence Erlbaum Associates. – 1998. – P. 887-892.
339. **Regier, T. [et al.].** Color naming reflects optimal partitions of color space [Text] / T. Regier, P. Kay, N. Khetarpal // PNAS. – 2007. – Vol. 104, № 4. – P. 1436-1441.
340. **Reid, D.** Sound Symbolism [Text] / D. Reid. – Edinburgh: T. & A. Constable, 1967. – 278 p.
341. **Rich, A.N. [et al.].** A systematic, large-scale study of synaesthesia: implications for the role of early experience in lexical-colour associations [Text] / A.N. Rich, J.L. Bradshaw, J.B. Mattingley // Cognition. – 2005. – № 98. – P. 53-84.
342. **Rivers, W.H.R.** The colour vision of the Eskimo [Text] / W.H.R. Rivers // Proceedings of the Cambridge Philosophical Society. – 1901a. – Vol. 11. – P. 143-149.
343. **Rivers, W.H.R.** Vision [Text] / W.H.R. Rivers; D. Haddon (ed.). – 1901. – P. 1-132.
344. **Roberson, D. [et al.].** Color categories are not universal: replications and new evidence from a Stone-Age culture [Text] / D. Roberson, I.R.L. Davies,

- J. Davidoff // *Journal of experimental psychology: General.* – 2000. – 129.3. – P. 369-398.
345. **Rosch Heider, E.** Probabilities, sampling, and ethnographic method: the case of Dani colour names [Text] / E. Rosch Heider // *Man.* – 1972a. – Vol. 7, № 3. – P. 448-466.
346. **Rosch Heider, E.** Universals in color naming and memory [Text] / E. Rosch Heider // *Journal of experimental psychology* 1972b. – Vol. 93, № 1. – P. 10-20.
347. **Rosch Heider, E.** On the internal structure of perceptual and semantic categories [Text] / E. Rosch Heider; T. Moore (ed.). – 1973. – P. 111-144.
348. **Rosch Heider, E.** The nature of mental codes for color categories [Text] / E. Rosch Heider // *Journal of Experimental Psychology Human Perception and Performance* – 1975. – Vol. 1, № 4. – P. 303-322.
349. **Rosch Heider, E.** Human categorization [Text] / E. Rosch Heider; Warren (ed.). – 1977. – Vol. I. – P. 1-49.
350. **Rosch Heider, E.** Principles of categorization [Text] / E. Rosch Heider // E. Rosch, B.B. Lloyd (eds.), 1978. – P. 27-48.
351. **Rosch Heider, E.** Prototype classification and logical classification: The two systems [Text] / E. Rosch Heider // *New trends in cognitive representation: Challenges to Piaget's theory.* – Hillsdale (N.J.), 1983. – P. 73-86.
352. **Rosch Heider, E., Lloyd B.B.** Cognition and categorization [Text] / E. Rosch Heider, B.B. Lloyd. – Hillsdale, NJ: Lawrence Erlbaum Associates, 1978. – 328 p.
353. **Rosch Heider, E., Mervis C.B.** Family resemblances: studies in the internal structure of categories [Text] / E. Rosch Heider, C.B. Mervis // *Cognitive psychology.* – 1975. – Vol. 7, № 4. – P. 573-605.
354. **Ross, P.E.** Draining the language out of color [Text] / P.E. Ross // *Scientific American.* – 2004. – № 4. – P. 46-47.
355. **Sagiv, N., Robertson, L.** Synesthesia: perspectives from cognitive neuroscience [Text] / N. Sagiv, L. Robertson. – Oxford: Oxford University Press,

2005. – 266 p.
356. **Sagiv, N., Robertson, L.** Does binding of synesthetic color to the evoking grapheme require attention? [Text] / N. Sagiv, L. Robertson // *Cortex*. – 2006. – Vol. 42. – P. 232-242.
357. **Sapir, E.** *Language: An introduction to the study of speech* [Text] / E. Sapir. – New York: Harcourt, Brace, 1921.
358. **Sapir, E.** The status of linguistics as a science [Text] / E. Sapir // *Language*. – 1929. – Vol. 5, № 4. – P. 207-214.
359. **Sapir, E.** A study in phonetic symbolism [Text] / E. Sapir // *Journal of Experimental Psychology*. – 1929. – № 12. – P. 225-239.
360. **Sapir, E.** La réalité psychologique des phonemes [Text] / E. Sapir // *Journal de psychologie normale et pathologique*. – 1933. – № 30. – P. 247-265.
361. **Saunders, B.** On the concept of “basic” in Berlin & Kay’s Basic Color Terms [Text] / B. Saunders // *Antropologische Verkenningen*. – 1993. – Vol. 12. – P. 35-50.
362. **Saunders, B.** Disinterring Basic Color Terms: A study in the mystique of cognitivism [Text] / B. Saunders // *History of the human sciences*. – 1995. – Vol. 8, № 4. – P. 19-38.
363. **Saunders, B.** Revisiting Basic Color Terms [Text] / B. Saunders // *The Journal of the Royal Anthropological Institute*. – 2000. – Vol. 6, № 1. – P. 81-99.
364. **Saunders, B., Brakel, J., van.** Re-evaluating basic colour terms [Text] / B. Saunders, J. van Brakel // *Cultural dynamics*. – 1988. – № 1. – P. 359-378.
365. **Saunders, B., Brakel, J., van.** Are there nontrivial constraints on colour categorization [Text] / B. Saunders, J. van Brakel // *Behavioral and brain sciences*. – 1997. – Vol. 20, № 2. – P. 167-179.
366. **Saunders, B., Brakel, J., van.** Colour word trouble [Text] / B. Saunders, J. van Brakel // *Behavioral and brain sciences*. – 1999. – Vol. 22, № 4. – P. 725-729.
367. **Saunders, B., Brakel, J., van.** Theories, technologies, instrumentalities of

- color: anthropological and historiographic perspectives [Text] / B. Saunders, J. van Brakel. – London; New York; Oxford: University Press of America, 2002. – 418 p.
368. **Sieberer, A.** Primäre oder Sekundäre Lautbedeutsamkeit? [Text] / A. Sieberer // Österreichische Akademie der Wissenschaften, Philosophisch-Historische Klasse, Anzeiger. – 1947. – № 84. – P. 35-52.
369. **Silverstein, M.** Relative motivation in denotational and indexical sound symbolism of Wasco-Wishram Chinookan [Text] / M. Silverstein // Sound Symbolism; ed. L. Hinton, J. Nicols, J.J. Ohala. – Cambridge: Cambridge University Press, 1994. – P. 40-62.
370. **Simner, J.** Defining synaesthesia [Text] / J. Simner // British Journal of Psychology. – 2012. – № 103. – P. 1-15.
371. **Simner, J., Ward J.** The taste of words on the tip of the tongue [Text] / J. Simner, J. Ward // Nature. – 2006. – Vol. 444. – P. 438.
372. **Simner, J. [et al.].** Non-random associations of graphemes to colours in synaesthetic and non-synaesthetic populations [Text] / J. Simner, J. Ward, M. Lanz // Cognitive Neuropsychology. – 2005. – Vol. 22, № 8. – P. 1069-1085.
373. **Simner, J. [et al.].** Synaesthesia: The prevalence of atypical cross-modal experiences [Text] / J. Simner, C. Mulvenna, N. Sagiv, E. Tsakanikos, S.A. Witherby, C. Fraser, K. Scott, J. Ward // Perception. – 2006. – Vol. 35. – P. 1024-1033.
374. **Simner, J. [et al.].** Early detection of markers for synaesthesia in childhood populations [Text] / J. Simner, J. Harrold, H. Creed, L. Monro, L. Foulkes // Brain. – 2009. – Vol. 132. – P. 57-64.
375. **Smilek, D. [et al.].** Synesthetic color experiences influence memory [Text] / D. Smilek, M.J. Dixon, C. Cudahy, P.M. Merikle // Psychological Science. – 2002. – Vol. 13, № 6. – P. 548-552.
376. **Snow, D.L.** Samoan color terminology: a note on the universality and evolutionary ordering of color terms [Text] / D.L. Snow // Anthropological linguistics

- tics. – 1971. – Vol. 13, № 8. – P. 385-390.
377. **Soca, R.** La fascinante historia de las palabras [Text] / R. Soca. – Montevideo, 2012. – 224 p.
378. **Steinval, A.** English colour terms in context [Text] / A. Steinval. – Umea Universitet, 2002. – 263 p.
379. **Steinval, A.** Basic Colour Terms and type modification: meaning in relation to function, salience and correlating attributes [Text] / A. Steinval // Biggam and Kay (eds.), 2006. – P. 57-71.
380. **Taylor, I.K.** Phonetic symbolism re-examined [Text] / I.K. Taylor // Psychological Bulletin. – 1963. – Vol. 60, № 2. – P. 200-209.
381. **Taylor, I.K.** Note on phonetic symbolism [Text] / I.K. Taylor // Perceptual and Motor Skills. – 1965. – Vol. 20. – P. 803-804.
382. **Taylor, I.K.** Phonetic symbolism and vocabulary learning [Text] / I.K. Taylor // Perceptual and Motor Skills. – 1965. – Vol. 20. – P. 842.
383. **Taylor, I.K.** An anatomy of words used in a word matching phonetic symbolism experiments [Text] / I.K. Taylor // Journal of general Psychology. – 1967. – Vol. 76, № 2. – P. 231-239.
384. **Taylor, I.K., Taylor M.M.** Phonetic symbolism in four unrelated languages [Text] / I.K. Taylor, M.M. Taylor // Canadian Journal of Psychology. – 1962. – № 16. – P. 344-356.
385. **Taylor, I.K., Taylor, M.M.** Another look at phonetic symbolism [Text] / I.K. Taylor, M.M. Taylor // Psychological Bulletin. – 1965. – Vol. 64, № 6. – P. 117-124.
386. **Taylor, J.R. [et al.].** A cognitive ceiling of eleven Basic Color Terms [Text] / J.R. Taylor, H. Mondry, R.E. MacLaury; R.E. MacLaury (ed.). – 1997. – P. 419-429.
387. **Thorndike, E.L.** On Orr's hypothesis concerning the front and back vowels [Text] / E.L. Thorndike // British Journal of Psychology. – 1945. – Vol. 36, Pt. 1. – P. 10-13.
388. **Tsuru, S., Fries, H.S.** Sound and meaning / S. Tsuru, H.S. Fries // Journal of

- General Psychology. – 1933. – Vol. 8. – P. 281-284.
389. **Ullmann, S.** Semantics: An introduction to the science of meaning [Text] / S. Ullmann. – Oxford: Basil Brackwell, 1964. – 278 p.
390. **Uznadze, D.** Ein experimenteller Beitrag zur Problem der psychologischen Grundlage der Namengebung [Text] / D. Uznadze // Psychologische Forschungen. – 1924. – Vol. 5. – S. 25-43.
391. **Vivanca, V.** Cultural perspective of the chromatic scale in the English and Spanish languages [Text] / V. Vivanca // Актуальные проблемы изучения языка и литературы: материалы Всероссийской научной конференции. – Абакан: Изд-во Хакасского гос. ун-та, 2002. – С. 203-206.
392. **Voeltz, E. Kilian-Hatz, Ch.** Ideophones [Text] / E. Voeltz, Ch. Kilian-Hatz. – Amsterdam, 2001. – 434 p.
393. **Ward, J., Simner J.** Lexical-gustatory synaesthesia: linguistic and conceptual factors [Text] / J. Ward, J. Simner // Cognition. – 2003. – Vol. 89. – P. 237-261.
394. **Ward, J., Simner, J.** Is synaesthesia an x-linked dominant trait with lethality in males? [Text] / J. Ward, J. Simner // Perception. – 2005. – Vol. 34. – P. 611-623.
395. **Ward, J. [et al.].** A comparison of lexical-gustatory and grapheme-colour synaesthesia [Text] / J. Ward, J. Simner, V. Auyeung // Cognitive Neuropsychology. – 2005. – Vol. 22. – P. 28-41.
396. **Ward, J., Mattingley, J.B.** Synaesthesia: An overview of contemporary findings and controversies [Text] / J. Ward, J.B. Mattingley // Cortex. – 2006. – Vol. 42, № 2. – P. 129-136.
397. **Ward, J. [et al.].** Sound-colour synaesthesia: to what extent does it use cross-modal mechanisms common to us all? [Text] / J. Ward, B. Huckstep, E. Tsakanikos // Cortex. – 2006. – Vol. 42, № 2. – P. 264-280.
398. **Waugh, L.** Against arbitrariness: imitation and motivation revived, with consequences for textual meaning [Text] / L. Waugh // Diacritics. – 1933. – Vol. 23, № 2. – P. 71-87.

399. **Weiss, J.H.** Further study of relation between the sound of a word and it's meaning [Text] / J.H. Weiss // *American Journal of Psychology*. – 1963. – Vol. 74, № 4. – P. 624-630.
400. **Weiss, J.H.** Phonetic symbolism reexamined [Text] / J.H. Weiss // *Psychology Bulletin*. – 1964. – Vol. 61. – P. 454-458.
401. **Weiss, J.H.** The role of stimulus meaningfulness in phonetic symbolism response [Text] / J.H. Weiss // *Journal of General Psychology*. – 1964. – Vol. 70. – P. 255-263.
402. **Weiss, J.H.** Phonetic symbolism and perception of connotative meaning [Text] / J.H. Weiss // *Journal of verbal learning and Verbal Behavior*. – 1968. – Vol. 7. – P. 574-576.
403. **Werner, H.** Change of meaning: a study of semantic processes through the experimental method [Text] / H. Werner // *The Journal of General Psychology*. – 1954. – P. 181-208.
404. **Werner, H.** *Unity of the senses* [Text] / H. Werner. – New York: International Universities Press, 1978.
405. **Werner, H. Kaplan, B.** The developmental approach to cognition: its relevance to the psychological interpretation of anthropological and ethnolinguistic data [Text] / H. Werner, B. Kaplan // *American Anthropologist*. – New Series. – 1956. – Vol. 58, № 5. – P. 866-880.
406. **Werner, H., Kaplan, B.** *Symbol formation: An organismic-developmental approach to language and the expression of thought* [Text] / H. Werner, B. Kaplan. – New York, 1963. – 530 p.
407. **Wescott, R.W.** Bini color terms [Text] / R.W. Wescott // *American anthropologist*. – 1970. – Vol. 12. – P. 349-360.
408. **Whorf, B.L.** *Language, thought and reality: selected writings of Benjamin Lee Whorf* [Text] / B.L. Whorf. – Cambridge, Massachusetts: Technology Press of Massachusetts Institute of Technology, 1956. – 278 p.
409. **Wierzbicka, A.** The meaning of color terms: semantics, culture and cognition [Text] / A. Wierzbicka // *Cognitive Linguistics*. – 1990. – Vol. 1. –

P. 99-150.

410. **Wierzbicka, A.** Understanding cultures through their key words [Text] / A. Wierzbicka. – New York, Oxford, Oxford University Press, 1997. – 317 p.
411. **Wierzbicka, A.** The semantics of colour: a new paradigm [Text] / A. Wierzbicka // Biggam and Kay (eds.). – 2006. – P. 1-24.
412. **Wierzbicka, A.** Shape and colour in language and thought [Text] / A. Wierzbicka; A. Schalley, D. Khlentzos (eds.). – 2007. – P. 37-60.
413. **Wierzbicka, A.** Why there are no “colour universals” in language and thought [Text] / A. Wierzbicka // Journal of the Royal Anthropological Institute. – 2008. – Vol. 14. – P. 407-425.

СПИСОК СЛОВАРЕЙ

1. **Аникин, А.Е.** Русский этимологический словарь [Текст] / А.Е. Аникин; Ин-т рус. яз. им. В.В. Виноградова РАН; Ин-т филологии Сибирского отделения РАН. – М.: Рукописные памятники Древней Руси, 2007. – Вып. 1 (а – аяюшка). – 368 с.
2. **Аникин, А.Е.** Русский этимологический словарь [Текст] / А.Е. Аникин; Ин-т рус. яз. им. В.В. Виноградова РАН; Ин-т филологии Сибирского отделения РАН. – М.: Рукописные памятники Древней Руси, 2008. – Вып. 2 (б – бдынъ). – 336 с.
3. **Аникин, А.Е.** Русский этимологический словарь [Текст] / А.Е. Аникин; Ин-т рус. яз. им. В.В. Виноградова РАН; Ин-т филологии Сибирского отделения РАН. – М.: Рукописные памятники Древней Руси, 2009. – Вып. 3 (бе – болдыхать). – 344 с.
4. **Аникин, А.Е.** Русский этимологический словарь [Текст] / А.Е. Аникин; Ин-т рус. яз. им. В.В. Виноградова РАН; Ин-т филологии Сибирского отделения РАН. – М.: Знак, 2011. – Вып. 4 (боле – бтарь). – 328 с.
5. **Аникин, А.Е.** Русский этимологический словарь [Текст] / А.Е. Аникин; Ин-т рус. яз. им. В.В. Виноградова РАН; Ин-т филологии Сибирского отделения РАН. – М.: Знак, 2011. – Вып. 5 (буба I – вакштаф). – 344 с.
6. **Ахманова, О.Н.** Словарь лингвистических терминов [Текст] / О.Н. Ахманова. – М.: Советская энциклопедия, 1969. – 608 с.
7. **Левицкий, В.В.** Этимологический словарь германских языков [Текст]: в 3-х т. / В.В. Левицкий. – Черновцы: Рута, 2000. – Т. 1. – 263 с.
8. **Левицкий, В.В.** Этимологический словарь германских языков [Текст]: в 3 т. / В.В. Левицкий. – Черновцы: Рута, 2000. – Т. 2. – 260 с.
9. **Левицкий, В.В.** Этимологический словарь германских языков [Текст]: в 3-х т. / В.В. Левицкий. – Черновцы: Рута, 2000. – Т. 3. – 237 с.
10. **Левицкий, В.В.** Этимологический словарь германских языков [Текст]: в 4-х т. / В.В. Левицкий. – Черновцы: Рута, 2001. – Т. 4. – 237 с.

11. **Ожегов, С.И.** Словарь русского языка [Текст] / С.И. Ожегов. – М.: Русский язык, 1988. – 750 с.
12. **Преображенский, А.Г.** Этимологический словарь русского языка [Текст]: в 2-х т. / А.Г. Преображенский. – М.: Гос. изд-во иностр. и нац. словарей, 1959. – Т. 1: А – О. – 712 с.
13. **Преображенский, А.Г.** Этимологический словарь русского языка [Текст]: в 2-х т. / А.Г. Преображенский. – М.: Гос. изд-во инострн. и нац. словарей, 1959. – Т. 2: П – Я. – (721) 1284 с.
14. **Психология** [Текст]: словарь / под. общ. ред. А.В. Петровского, М.Г. Ярошевского. – 2-е изд., испр. и доп. – М.: Политиздат, 1990. – 494 с.
15. **Фасмер, М.** Этимологический словарь русского языка [Текст]: в 4-х т. / М. Фасмер; пер. с нем. и доп. О.Н. Трубочёва; под ред. и с предисл. Б.А. Ларина. – 3-е изд., стер. – СПб.: Терра – Азбука, 1996. – Т. 1 (А – Д). – 576 с.
16. **Фасмер, М.** Этимологический словарь русского языка [Текст]: в 4-х т. / М. Фасмер; пер. с нем. и доп. О.Н. Трубочёва. – 3-е изд., стер. – СПб.: Терра – Азбука, 1996. – Т. 2 (Е – Муж). – 672 с.
17. **Фасмер, М.** Этимологический словарь русского языка [Текст]: в 4-х т. / М. Фасмер; пер. с нем. и доп. О.Н. Трубочёва. – 3-е изд., стер. – СПб.: Терра – Азбука, 1996. – Т. 3 (Муза – Сят). – 832 с.
18. **Фасмер, М.** Этимологический словарь русского языка [Текст]: в 4-х т. / М. Фасмер пер. с нем. и доп. О.Н. Трубочёва. – 3-е изд., стер. – СПб.: Терра – Азбука, 1996. – Т. 4 (Т – Ящур). – 864 с.
19. **Черных, П.Я.** Историко-этимологический словарь современного русского языка [Текст]: в 2-х т. / П.Я. Черных. – 4-е изд., стереотип. – М.: Русский язык, 2001. – Т. 1: А – Пантомима. – 624 с.
20. **Черных, П.Я.** Историко-этимологический словарь современного русского языка [Текст]: в 2-х т. / П.Я. Черных. – 4-е изд., стереотип. – М.: Русский язык, 2001. – Т. 2: Панцирь – Ящур. – 560 с.
21. **Шанский, Н.М.** Этимологический словарь русского языка [Текст]:

- в 8-ми т. / Н.М. Шанский. – М.: Изд-во Московского ун-та, 1963. – Т. 1. – 196 с.
22. **Corominas, J.** Breve diccionario etimológico de la lengua castellana [Texte] / J. Corominas. – Madrid, 2011.
23. **Diccionario de uso del español actual** [Text]. – Madrid, 2006. – 2048 p.
24. **Kluge, F., Seebold, E.** Etymologisches Wörterbuch der deutschen Sprache [Text] / F. Kluge, E. Seebold. – Berlin; New York, 2002. – 647 S.
25. **Mallory, J.P., Adams, D.Q.** The Oxford introduction to Proto-Indo-European and the Proto-Indo-European world [Text] / J.P. Mallory, D.Q. Adams. – Oxford University Press, 2006. – 731 p.
26. **Monier-Williams, M.** A Sanskrit-English dictionary etymologically and philologically arranged with special reference to cognate Indo-European languages [Text] / M. Monier-Williams. – Oxford University Press, 1960. – 1380 p.
27. **Pokorny, J.** Indogermanisches Etymologisches Wörterbuch [Text]: in 3 Bd. / J. Pokorny. – Bern, 1959. – Bd. 1-3. – 1183 S.
28. **Turner, R.L.** A comparative dictionary of the Indo-Aryan languages / R.L. Turner. – London: Oxford University Press, 1971. – 237 p.

ПРИЛОЖЕНИЕ

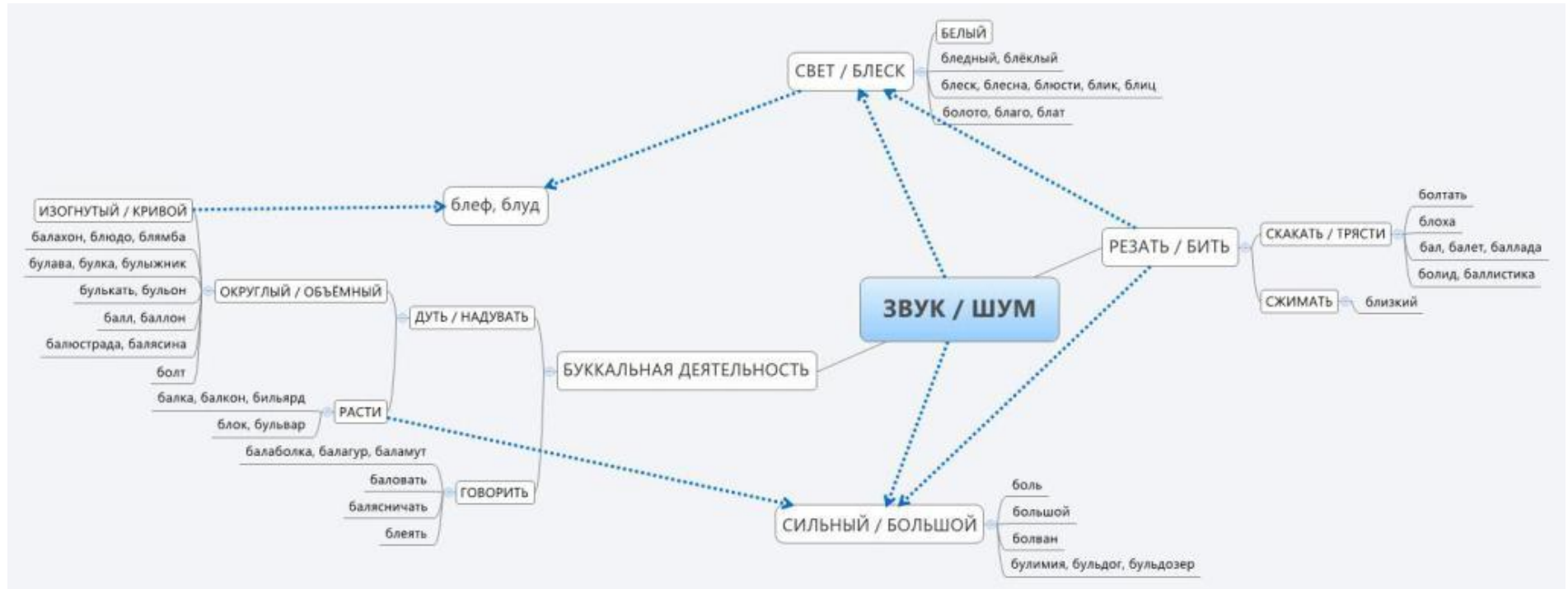

Рис. 1. Фоносемантическое пространство БЛ-лексики русского языка

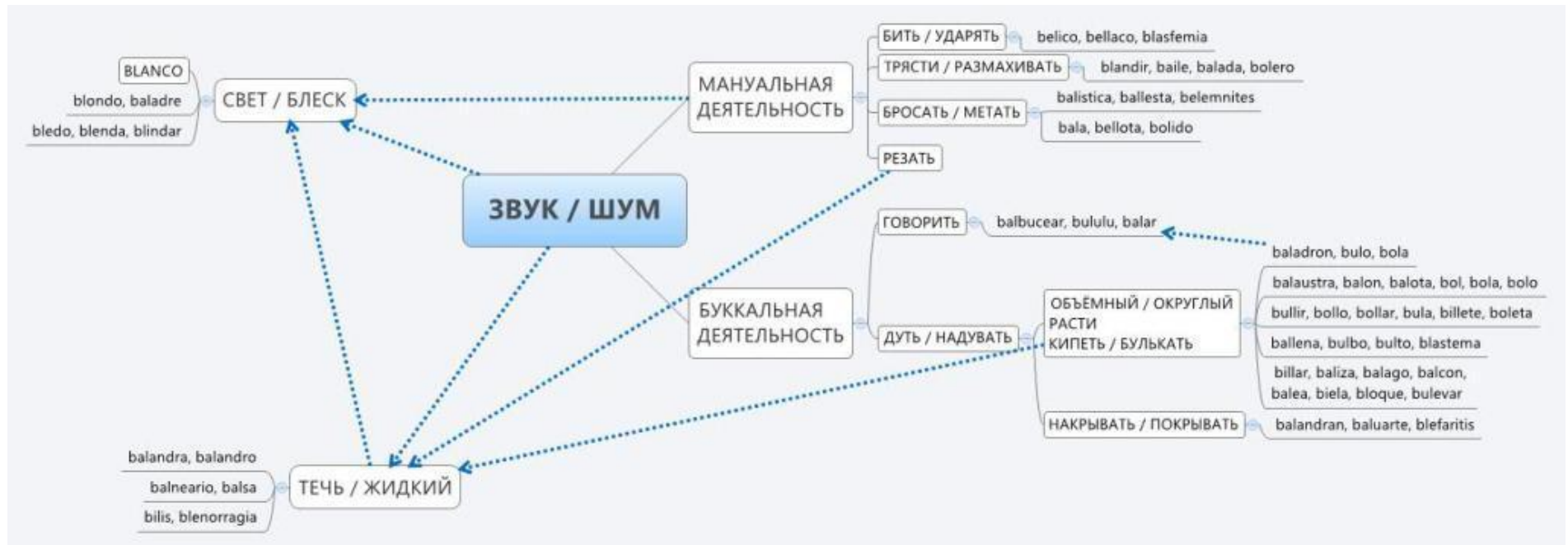

Рис. 2. Фоносемантическое пространство VL-лексики испанского языка

Рис. 3. Фоносемантическое пространство N-лексики испанского языка

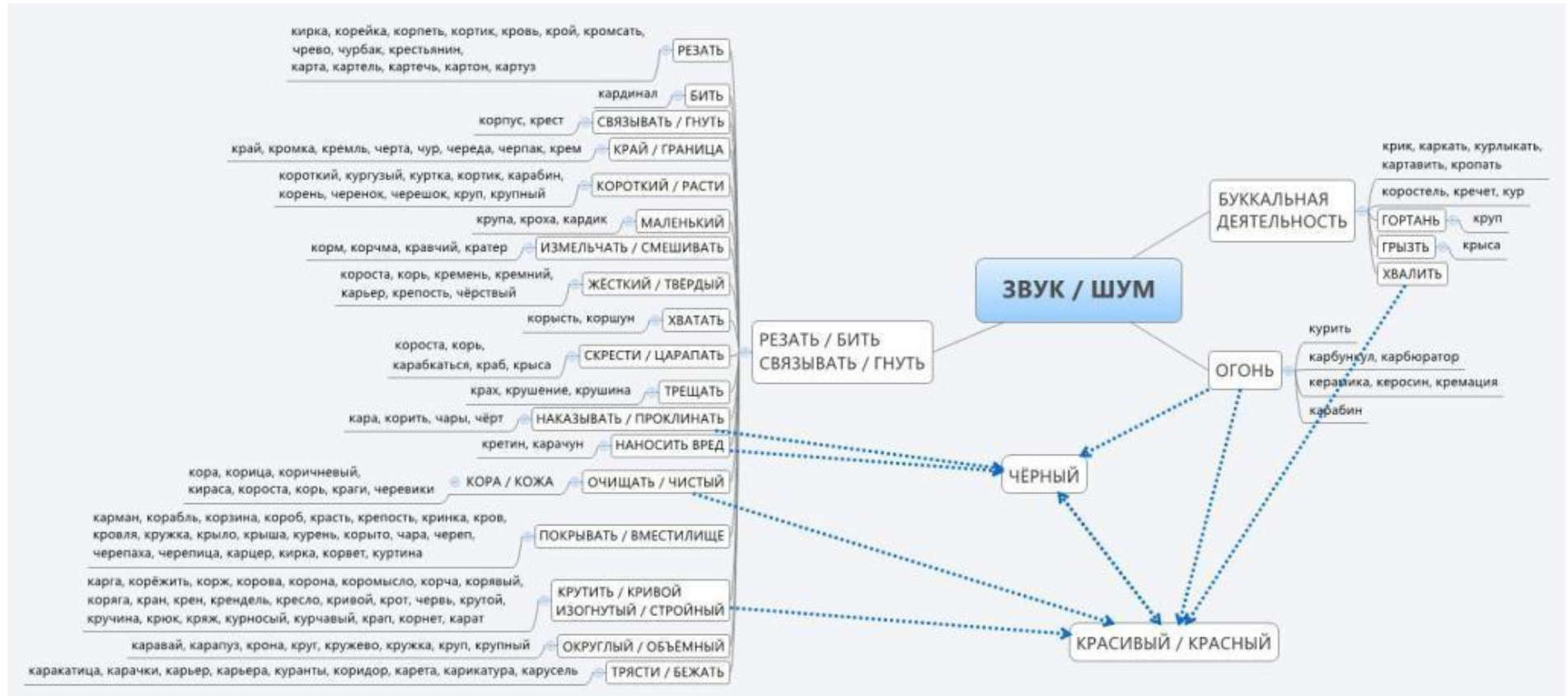

Рис. 4. Фоносемантическое пространство КР- и ЧР-лексики русского языка

Рис. 5. Фоносемантическое пространство R-лексики испанского языка

Рис. 6. Фоносемантическое пространство АМ-лексики испанского языка

Рис. 7. Фоносемантическое пространство VR-лексики испанского языка

Рис. 8. Фоносемантическое пространство SM- и SN-лексики русского языка

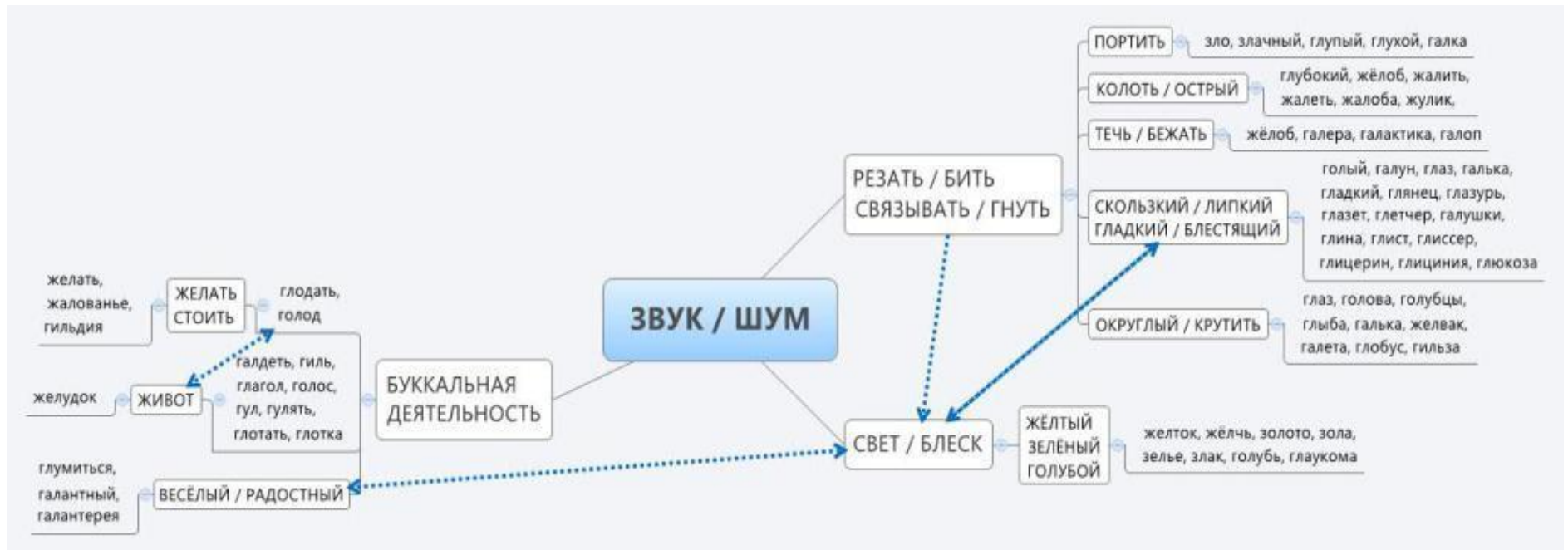
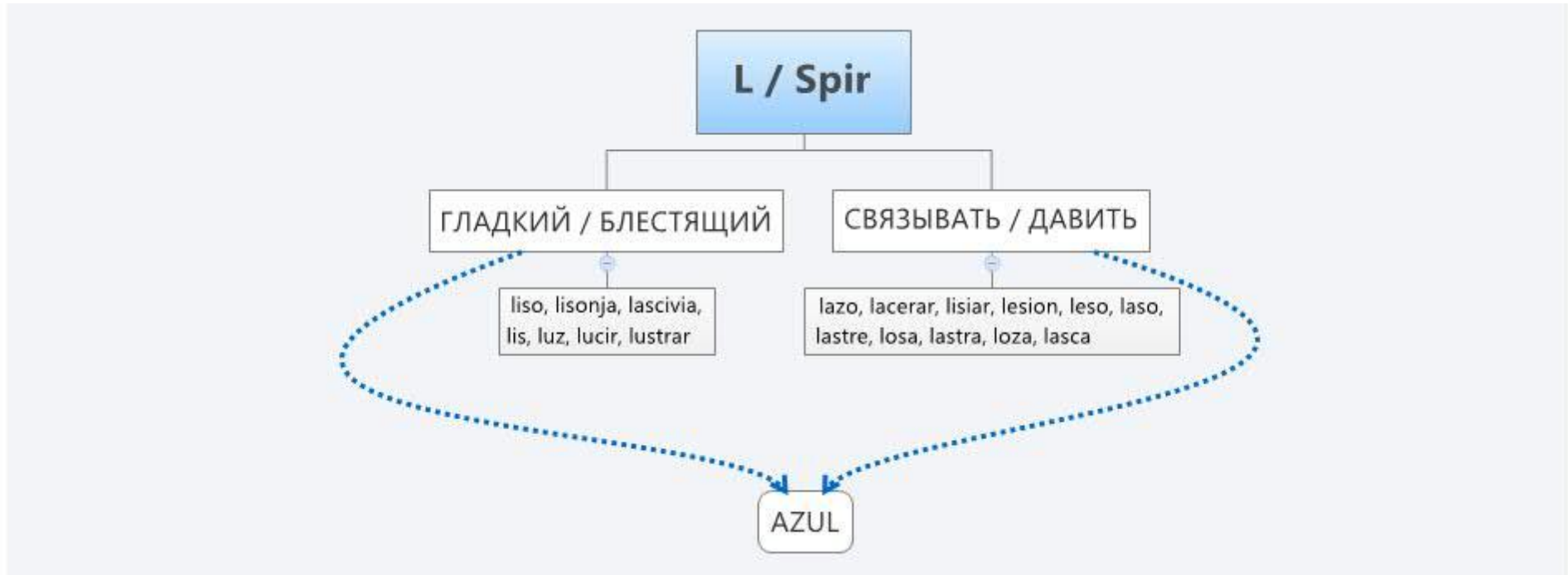

Рис. 9. Фоносемантическое пространство ЖЛ-, ЗЛ- и ГЛ-лексики русского языка

Рис. 10. Фоносемантическое пространство LS- и LZ-лексики испанского языка

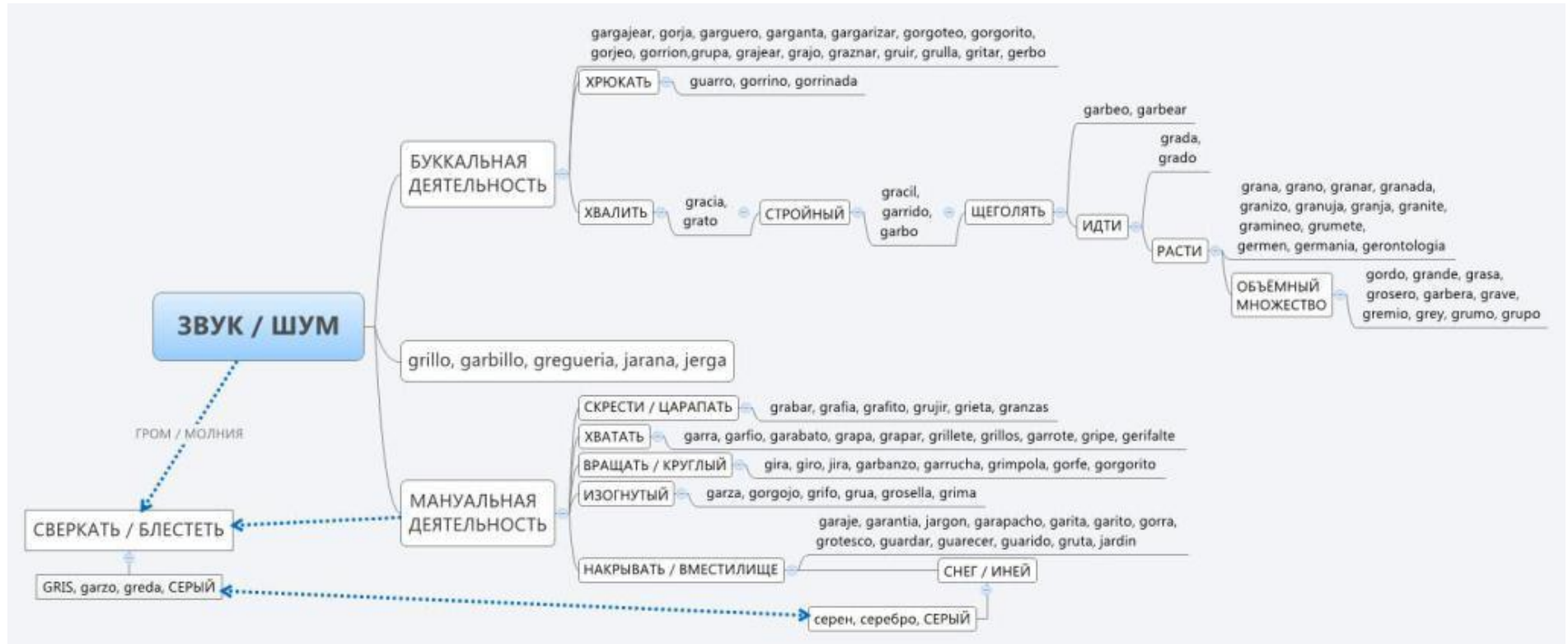

Рис. 11. Фоносемантическое пространство GR-лексики испанского языка